

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЛИПЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ П.П. СЕМЕНОВА-ТЯН-ШАНСКОГО»**

На правах рукописи

Пашков Сергей Владимирович

**КОНЦЕПЦИЯ М.П. ПОГОДИНА НАЧАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
РУСИ И ЕЕ ОЦЕНКА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ**

Специальность 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы
исторического исследования

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор Фомин В.В.

Липецк – 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. М.П. ПОГОДИН И ЕГО КОНЦЕПЦИЯ СВОЕОБРАЗИЯ ИСТОРИИ РОССИИ	29
§ 1. М.П. Погодин как историк.....	29
§ 2. М.П. Погодин о соотношении исторических путей России и Запада.....	43
§ 3. Общественно-политическая позиция М.П. Погодина.....	68
ГЛАВА 2. НОРМАНСКАЯ ТЕОРИЯ М.П. ПОГОДИНА	81
§ 1. М.П. Погодин о роли варягов и восточных славян на начальном этапе русской истории.....	81
§ 2. Доказательства М.П. Погодина в пользу норманского происхождения варягов-руси.....	91
ГЛАВА 3. ИЗМЕНЕНИЕ ВЗГЛЯДОВ М.П. ПОГОДИНА НА ВАРЯГО-РУССКИЙ ВОПРОС	123
§ 1. Отношение М.П. Погодина к трудам антинорманистов.....	123
§ 2. Разбор М.П. Погодиным взглядов И.Ф.Г. Эверса.....	129
§ 3. Дискуссия М.П. Погодина и Н.И. Костомарова.....	136
§ 4. Разбор М.П. Погодиным взглядов С.А. Гедеонова.....	144
§ 5. М.П. Погодин о происхождении имен варягов и руси, месте их проживания и этнической принадлежности.....	157
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	172
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ИССЛЕДОВАНИЙ	176

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. История Древней Руси была главной темой научных интересов известного ученого и общественного деятеля XIX в. Михаила Петровича Погодина (1800–1875). Большую часть своей научной жизни он посвятил изучению варяго-русского вопроса. Сегодня, когда дискуссия по данной проблеме активизировалась и встречаются утверждения, аналогичные тем, которые в свое время отстаивал Погодин, актуально показать, к каким выводам приходил историк, как со временем они менялись, как их трактовали и трактуют в науке.

Необходимо, вместе с тем, рассмотреть вопрос о методах исследования и философии истории Михаила Петровича, решение которого напрямую влияет на оценку результатов и значения его научной работы. Традиционный взгляд на Погодина как на крайнего норманиста требует переосмысления и делает важным анализ процесса трансформации его взглядов в сторону уступок оппонентам в ходе дискуссий с ними. Следует также указать, что основной корпус привлекаемых свидетельств письменных источников в целом уже сложился в годы деятельности Михаила Петровича, поэтому дискуссии XIX в. вокруг этих известий и ныне представляют значительный интерес.

Вопрос о соотношении путей развития России и Западной Европы, который Погодин решал на основании изучения начальной истории Руси и западных государств, всегда остается одним из самых обсуждаемых в общественной жизни нашей страны. Очевидной становится актуальность как анализа мыслей ученого об исторических судьбах России в сопоставлении с западным путем развития, так и сравнение его концепции со взглядами современников – славянофилов и западников. В значительной степени на теорию своеобразия истории Руси опираются неоднозначные оценки общественно-политической позиции Погодина, что определяет актуальность обращения к этой проблеме.

Новизна исследования. При анализе взглядов Погодина на древний период нашей истории традиционно основное внимание уделяется его мыс-

лям о преобладающем влиянии варягов на формирование государства. В связи с этим из поля зрения специалистов по сути выпадает тот факт, что он обращал внимание на достаточный уровень развития местного восточнославянского населения, участвовавшего в образовании государства. Предпринятый комплексный анализ доказательной базы норманской теории историка показал, что он не разрешил варяго-русский вопрос в пользу своего мнения.

Новизну работы также составляет исследование взаимодействия Погодина со своими оппонентами по данной проблеме – его отношения к их трудам, дискуссий с ними, аргументации сторон, процесса серьезного изменения взглядов ученого по ряду аспектов вопроса в сторону уступок антинорманистам.

При изложении теории Погодина о соотношении исторических судеб России и Западной Европы акцентировано внимание на его мысли о «родовом подобии» русской и европейской истории, что позволяет переосмыслить утвердившуюся оценку ученого как последовательного сторонника идеи своеобразия пути развития нашей страны. Уточнено содержание, которое он вкладывал в понятия «православие, самодержавие, народность». В работе рассмотрена общественно-политическая деятельность Погодина с указанием фактов, показывающих, вопреки распространенной точке зрения, сложность его позиции.

В науке давно утвердилась мысль, с одной стороны, об отрицательном отношении ученого к созданию теорий, объясняющих исторический процесс, а с другой – о его иррациональном воззрении на историю, склонности видеть в ней много чудесного. В настоящей работе показано, что Погодин не абсолютизировал значение своего «математического метода», направленного на эмпирическую обработку источников, но признавал также и необходимость широких теоретических обобщений. Иррациональный взгляд не был его исключительным подходом к историческому процессу, в котором он выделял различные факторы. Все сказанное позволяет в ином свете, чем это принято, взглянуть на М.П. Погодина как ученого.

Степень изученности темы. В дореволюционной историографии наблюдался достаточно высокий интерес к трудам М.П. Погодина и его личности, что было связано с его сильной вовлеченностью в научную и общественную жизнь страны. Хотя можно встретить тогда и негативные характеристики Михаила Петровича как ученого (например, со стороны Н.Г. Чернышевского), но он был крупным специалистом-историком, живо интересовавшимся ходом развития исторической науки, а в Московском университете у него учились известные впоследствии исследователи. Поэтому выход его трудов всегда обращал на себя внимание. Немаловажно, что до конца жизни Михаил Петрович был инициатором дискуссий по различным вопросам истории России. Кроме того, он высказывался по актуальным проблемам общественной жизни, привлекая тесно с ними связанный исторический материал.

Как крупного представителя норманизма Погодина характеризовали в 1827 г. А.З. Зиновьев, в 1839 г. А.Ф. Федотов, в 1842 г. Ф.Л. Морошкин. В 1845 г. А.В. Александров отметил, что попытки ученого «восстановить систему скандинавского происхождения руси оказались совершенно бесплодны». В 1846 г. И.Д. Беляев написал рецензию на один из основных трудов Погодина по истории Древней Руси – первые три тома «Исследований, замечаний и лекций о русской истории», высоко оценив их научное значение. В частности, он подчеркнул, что доказательства автора «о норманском происхождении руси... остались непоколебимы» и что после его работ «в нашей истории все столетние споры и толки о норманнах должны прекратиться». В 1847 г. в рецензии на эти же тома А.Ф. Бычков охарактеризовал их как важный вклад в науку¹.

---

¹ Зиновьев А.З. О начале, ходе и успехах критической российской истории. М., 1827. С. 41; Федотов А.Ф. О главнейших трудах по части критической русской истории. М., 1839. С. 40; Морошкин Ф.Л. Историко-критические исследования о руссах и славянах. СПб., 1842. С. 21; Александров А.В. Современные исторические труды в России: М.Т. Каченовского, М.П. Погодина, Н.Г. Устрялова, Н.А. Полевого, Ф.В. Булгарина, Ф.Л. Морошкина, М.Н. Макарова, А.Ф. Вельтмана, В.В. Игнатовича, П.Г. Буткова, Н.В. Савельева и А.Д. Черткова. СПб., 1845. С. 5-6; Беляев И.Д. Исследования, замечания и лекции М. Погодина о русской истории (Москва. 1846 года; три тома) // Москвитянин. 1846. Ч. VIII. С. 168-197;

В том же году К.Д. Кавелин опубликовал обширный отзыв на три первых тома «Исследований» Погодина и сборник его статей «Историко-критические отрывки». Будучи норманистом, Кавелин вместе с тем отметил, что все, происходившее «у нас с призвания варягов до кончины Ярослава», историк «присваивает одним скандинавам», в чем «есть преувеличение, односторонность», но «за нее нельзя слишком винить автора». Более того, «до некоторой степени она – достоинство и заслуга». Такой подход «не ведет к разрешению вопроса, или ведет к ложному воззрению на древнейшую историю», заставляет «жертвовать исторической вероятностью, правдоподобием», но Погодин руководствовался «цельным взглядом на предмет» и «сделал на будущие времена невозможным отрывочное, бессвязное опровержение защищаемого им взгляда».

С другой стороны, Кавелин, во-первых, обратил внимание на очевидные натяжки, к которым прибегал Михаил Петрович, и указал на ряд фактов древнерусской истории, разработка которых должна скорректировать представление о всеобъемлющем влиянии скандинавов. Во-вторых, Кавелин стремился показать необоснованность его концепции своеобразия истории России, основанной на особенностях ее начального периода, т.к. был уверен, что нельзя ставить русскую и европейскую историю «на одну доску, проводить между ними параллель, как будто бы они при всем различии имели между собою много общего», «это предубеждение», «само по себе ложное и неосновательное». В-третьих, он подверг критике как абсолютизируемый Михаилом Петровичем «математический метод» исследования, так и его философию истории в целом, резюмируя, что, «удерживаясь постоянно на заманчивой, обольстительной точке внешнего созерцания событий», Погодин «должен был увидеть в русской истории какую-то мистерию»².

Бычков А.Ф. Исследования, замечания и лекции М. Погодина о русской истории // Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). 1847. Ч. 53. С. 22-48.

² Кавелин К.Д. Исторические труды М.П. Погодина. Исследования, замечания и лекции о русской истории // Он же. Собрание сочинений. Т. I. Монографии по русской истории /

В 1851 г. С.М. Соловьев указывал, что его учитель «отправился от неверной мысли об исключительной деятельности варягов во все продолжение первых двух веков нашей истории», стараясь «объяснить все явления из норманского быта». Поэтому из необходимости «быть последовательным он делает Перуна, Волоса и другие славянские божества скандинавскими», также «благодаря той же последовательности Русская Правда является скандинавским законом, все нравы и обычаи русские объясняются нравами и обычаями скандинавскими»³.

Тогда же в рецензии на первый том «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева К.Д. Кавелин говорил, что полемика автора «против г. Погодина, против влияния варягов и норманского периода не выдерживает критики», «первые наши князья были норманны», «около полутора десятков лет не славяне и не финны, а варяги играли в нашей истории первую главную роль», чего «г. Соловьев, конечно, не может отрицать; а допустив, он поневоле должен будет согласиться с г. Погодиным, который, конечно, вдался в крайность, но в крайность, более поучительную, более близкую к истине»⁴.

В 1858 г. И.Д. Беляев положительно оценил «математический метод» ученого, а И.Е. Забелин, напротив, подверг его критике⁵. В 1859 г. К.Н. Бестужев-Рюмин констатировал, что хотя Погодин «придал слишком большое значение норманскому элементу, но, тем не менее, исследования его послужили прочным фундаментом будущему изложению событий этого периода, и историк не может теперь уже миновать мнения г. Погодина, не опровергнув

Под ред. Л.З. Слонимского, Д.А. Корсакова. СПб., 1897. Стб. 98-99, 102, 105-107, 140, 179, 202-203, 233-234.

³ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 1-2 // Он же. Сочинения в XVIII кн. Кн. I / Отв. ред. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. М., 1988. С. 325, прим. 437.

⁴ Кавелин К.Д. Исследования С.М. Соловьева. История России с древнейших времен. Т. 1 // Он же. Собрание сочинений. Т. I. Стб. 473-474.

⁵ Беляев И.Д. Исследования, замечания и лекции о русской истории М. Погодина. Т. V. М., 1857 // Русская беседа (РБ). 1858. № I. С. 28, 45; Земец И. [Забелин И.Е.]. Исследования, замечания и лекции о русской истории М. Погодина. Т. V // Атеней. 1858. № 22. С. 350, 354-355.

их, если он не согласен с ними»⁶. В 1873 г. литературовед А.Н. Пыпин уверял, что Михаил Петрович – «один из самых характеристических представителей в литературе различных взглядов, отличавших систему официальной народности». В его взглядах автор видел «грубо-высокопарную лесть существующему порядку», а также считал, что «полемика его против новых историков... кончилась тем, что на него перестали обращать внимание, потом стали смеяться над ним»⁷.

В 1876 г. К.Н. Бестужев-Рюмин вновь заметил, что при «обозрении общества в варяжский период» ученый «все приписал скандинавскому, т.е. германскому влиянию: и религию, и право, и обычаи», что противоречило собственным убеждениям Михаила Петровича: «Как ни странно то, что Погодин, которого русское чутье держало настороже против всего, что вредно национальному развитию и что противно внутренней правде, поддался этому заблуждению – но это факт»⁸. Тогда же В.О. Ключевский констатировал, что после диссертации Погодина «О происхождении руси» (1825) «интерес к варяжскому вопросу ослабел»⁹, обозначив тем самым значимость концепции автора в разработке проблемы.

В 1876 г. антинорманист И.Е. Забелин указал, что историк, «задавшись готовым положением, что русь были норманны», пришел к крайности, когда «вся основа и так сказать вся материя нашей жизни – норманская», что он, с одной стороны, сводит «бытовое и историческое значение» славян «к нулю», с другой – приводимая им «характеристика славян совсем разрушает в основании» его вывод о скандинавском характере начальной истории Руси¹⁰. Другой антинорманист М.О. Коялович в 1884 г. также отметил, что хотя Погодин «принимает за несомненное положение ученых немцев о норманском проис-

---

⁶ Бестужев-Рюмин К.Н. Современное состояние русской истории как науки // Московское обозрение. 1859. Кн. 1. С. 55.

⁷ Пыпин А.Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. Исторические очерки. СПб., 1873. С. 190-192.

⁸ Бестужев-Рюмин К.Н. Биографии и характеристики. СПб., 1882. С. 236-237.

⁹ Ключевский В.О. наброски по варяжскому вопросу // Он же. Неопубликованные произведения / Отв. ред. М.В. Нечкина. М., 1983. С. 118.

¹⁰ Забелин И.Е. История русской жизни с древнейших времен. Ч. 1. М., 1876. С. 103-120.

хождении нашей государственности» и «даже усиливает это положение», преувеличивая «культурное влияние на нашу жизнь призванных варягов», тем не менее, в его изображении восточные славяне предстают «развитыми для исторической жизни»¹¹.

В автобиографических записках, составлявшихся на протяжении 1860–1870-х гг., С.М. Соловьев весьма негативно отозвался о трудах своего учителя: «Легко добывши себе громкое имя двумя диссертациями и несколькими журнальными статейками, Погодин засел в варяжский период, остановился здесь; вследствие прекращения движения явилась плесень»¹².

Говоря об общественно-политической позиции ученого, К.Н. Бестужев-Рюмин в 1892 г. утверждал, что «он не принадлежал ни к одной из наших литературных партий, не представлял никакой исключительной доктрины»¹³. В 1895 г. В.В. Розанов высказал мнение, что «западничество и славянофильство, так не соединимое в книгах, соединяются без всякого противоречия в живой натуре человека», что проявилось во «“всероссийском складе” натуры Погодина», отсутствии «в нем провинциализма и филиальности убеждений»¹⁴. Эти, на наш взгляд, справедливые оценки определяют актуальность исследования проблемы общественно-политической позиции историка.

В конце 1890-х гг. В.О. Ключевский сделал вывод о незначительности вклада ученого в развитие науки: «Происхождение варягов, возникновение и образование Русского государства... – все эти и другие подобные трудные и важные вопросы нашей истории были зорко подмечены и бойко поставлены Погодиным – и ни один не был разрешен, даже не был как следует подготовлен к научному разрешению (а просто был подержан в руках), несмотря ино-

---

¹¹ Коялович М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. 4-е изд. Минск, 1997. С. 247, 258, 286-287.

¹² Соловьев С.М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // Он же. Сочинения в XVIII кн. Кн. XVIII. Работы разных лет / Отв. ред. И.Д. Ковальченко. М., 1995. С. 568.

¹³ Бестужев-Рюмин К.Н. М.П. Погодин // Славянское обозрение. 1892. № 1. С. 42.

¹⁴ Розанов В.В. Культурная хроника русского общества и литературы за XIX век. Ник. Барсуков. Жизнь и труды М. Погодина. Книга первая–девятая. СПб., 1888–1895 // Он же. Религия. Философия. Культура / Сост. и вступ. статья А.Н. Николюкина. М., 1992. С. 81.

гда на хлопотливые ученые разыскания». «Его чутью недоставало научной обработки», у него не было «цельного взгляда» на историю, – резюмировал Ключевский¹⁵.

В 1898 г. П.Н. Милюков, рассматривая философию истории и методы исследования Погодина, подытоживал, что в его работах «естественный порядок явлений... переворачивается: последний момент представляется целью, поставленной Провидением, а все предыдущее становится необходимым средством для осуществления именно этой цели». Вместе с тем Милюков проводил мысль о подчинении Погодиным исторической науки своим охранительным убеждениям: «Едиственная система, которую он считал нужным защищать, вытекала не из исторического изучения, а, с одной стороны, из философских мечтаний юности, с другой – из сознательного желания “сделать российскую историю охранительницею и блюстительницею общественного спокойствия”»¹⁶.

Д.А. Корсаков в 1905 г. пояснял, что Погодина «нельзя считать ни консерватором, ни реакционером, ни легитимистом, ни националистом», что «он был сторонником русского политического строя в том виде, как этот строй сложился жизнью»¹⁷. В 1911 г. Г.В. Плеханов опровергал «ходячее представление о том, что славянофильство существенным образом отличалось от учения Погодина»¹⁸. М.Н. Покровский в 1915 г. утверждал, что Михаил Петрович «печатно ставил русской истории цель: стать “охранительницею и блюстительницею общественного спокойствия”», а при таком «полицейском взгляде на историческую науку не могло быть уже более и речи о критическом отношении к официальному пониманию истории»¹⁹.

---

¹⁵ Ключевский В.О. М.П. Погодин // Он же. Неопубликованные произведения. С. 149-150.

¹⁶ Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. Т. 1. М., 1898. С. 364, 368-369. Здесь и далее курсив принадлежит авторам.

¹⁷ Корсаков Д.А. Погодин М.П. // Русский биографический словарь / А.А. Половцов. Т. XIV. СПб., 1905. С. 155.

¹⁸ Плеханов Г.В. М.П. Погодин и борьба классов // Он же. Сочинения. Т. XXIII / Под ред. Д.Б. Рязанова. М.–Л., 1926. С. 50, 92-93.

¹⁹ Покровский М.Н. М.П. Погодин // Он же. Историческая наука и борьба классов. Вып. 2. М.–Л., 1933. С. 45.

По вопросу об этническом происхождении варягов с Погодиным вели дискуссии его современники-антинорманисты. Они критиковали его систему аргументации, указывали на противоречия в заключениях, выдвигали собственные идеи по различным аспектам проблемы, ставя тем самым перед ним новые вопросы. В качестве участников наиболее крупных дискуссий надлежит назвать Н.И. Костомарова, С.А. Гедеонова, Д.И. Иловайского²⁰.

Таким образом, в дореволюционной историографии были выделены основные особенности взглядов М.П. Погодина и высказаны их оценки. Вместе с тем, тщательное исследование норманистских взглядов историка с учетом результатов его дискуссий с оппонентами, изменений его взглядов под воздействием критических замечаний антинорманистов в то время не было осуществлено. Не была выяснена общественно-политическая позиция ученого, основанная во многом на анализе теории своеобразия истории России. По-разному воспринимались его методы исследования, философия истории.

Однако и в советский период эти вопросы не стали объектом детальной и беспристрастной разработки. Утверждалось, что идеи Погодина об образовании государства на Руси в результате мирного призвания и об определяющей роли в этом процессе норманнов-варягов при игнорировании значения славян служили идеологическим обоснованием существующего общественно-политического строя. Оценка же методов исследования и философии истории Погодина ставила под сомнение научную значимость его работ.

В.И. Пичета в 1922 г. полагал, что философия истории ученого «сводилась к оправданию охранительной внешней и реакционной внутренней политики в России»²¹. Н.Л. Рубинштейн в 1941 г. характеризовал Погодина как «публициста и политического деятеля, состоящего на службе у самодержавия», которому «подчиняет свой научный метод и исторический материал».

---

²⁰ Костомаров Н.И. Последнее слово г. Погодину о жмудском происхождении первых русских князей // Современник. 1860. Т. LXXXI. С. 73-83; Гедеонов С.А. Варяги и Русь / Автор предисловия, комментарий, биографического очерка В.В. Фомин. 2-е изд. М., 2004. С. 90, 114-115, 290, 318; Иловайский Д.И. Еще о норманизме // Он же. Начало Руси. М., 2002. С. 99-192.

²¹ Пичета В.И. Введение в русскую историю. М., 1922. С. 115-116.

Вместе с тем, он полагал, что Михаил Петрович «выступает представителем научной мысли XIX века» (в 1961 г. Рубинштейн повторил свою оценку в известном учебнике для вузов «Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции», который вышел вторым изданием в 1971 г. после смерти ученого)²².

В 1955 г. А.В. Предтеченский вел речь о «холопской преданности самодержавию» ученого, о его «космополитических взглядах» в связи с «пропагандировавшимся им норманизмом»²³. В 1959 г. В.И. Астахов отмечал, что «обоснование происхождения Русского государства с позиций антинаучной норманской “теории”» – одна из «основных черт реакционной официальной историографии 30-50-х годов XIX века», представителем которой был Михаил Петрович. Поэтому «общая концепция русской истории», которую пытался он создать, «была бесплодной и противоречивой», т.к. «начав с народа, который добровольно призывает князя и потому сохраняет свои права, Погодин приходит к противоположному результату – государство получает всю полноту власти». Автор также утверждал, что «защите самодержавия и крепостничества» Михаил Петрович «всецело подчинял и свой метод исследования, и исторические факты»²⁴.

В 1959 г. Л.В. Черепнин полагал, что историк «был поборником так называемой “теории официальной народности”, служившей правительственным идеологическим оружием, направленным на борьбу против распространявшегося в России революционного движения»²⁵. В 70–80-е гг. продолжала утверждаться идея о подчинении научной деятельности Михаила Петровича теории «официальной народности», отстаиванию им самодержавных и кре-

---

²² Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941. С. 255-266; Историография истории СССР. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / Под ред. В.Е. Иллерицкого, А.И. Кудрявцева. М., 1961. С. 165-167; то же. 2-е изд. / Под ред. В.Е. Иллерицкого, А.И. Кудрявцева. М., 1971. С. 143-145.

²³ Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1 / Под ред. М.Н. Тихомирова, М.А. Алпатов, А.Л. Сидорова. М., 1955. С. 319-320.

²⁴ Астахов В.И. Курс лекций по русской историографии. Ч. 1 (до середины XIX века). Харьков, 1959. С. 175, 178-179.

²⁵ Черепнин Л.В. С.М. Соловьев как историк // Он же. Отечественные историки XVIII–XX веков. Сборник статей, выступлений, воспоминаний. М., 1984. С. 10.

постнических порядков. Эту мысль проводили В.А. Китаев, А.Н. Цамутали, А.М. Сахаров, В.Е. Иллерицкий, А.Е. Шикло, Р.А. Киреева, М.А. Алпатов, В.А. Дьяков, Н.И. Цимбаев²⁶.

Таким образом, советская историография, исходя из тезиса о подчинении Михаилом Петровичем своих трудов задачам правительственной идеологии, ставила под сомнение их научное значение. Вместе с тем, в конце советского периода наметилась иная тенденция. Н.И. Цимбаев в 1990 г. отметил, что взгляды Погодина «отразили противоречивый характер общественных отношений в России в 1830–1850-е годы», что «нет оснований перечеркивать» его исследовательскую деятельность, которая была «преддверием буржуазного этапа в развитии русской исторической науки», что «Погодин ощущал несводимость своих взглядов к теории “официальной народности”» и что его «русофилизм» и «интерес к прошлому и настоящему славянских народов не могут быть поняты в рамках уваровской теории»²⁷.

В эмигрантской историографии в 1931 г. В.А. Мошин охарактеризовал историка как одного из «наиболее выразительных представителей ультранорманизма»²⁸.

В зарубежной историографии американская исследовательница Ц.Х. Виттекер в работе 1984 г., изданной на русском языке в 1999 г., характеризовала Погодина как «романтического националиста», который «разделял при-

---

²⁶ Китаев В.А. От фронды к охранительству. Из истории русской либеральной мысли 50–60-х годов XIX века. М., 1972. С. 27; Цамутали А.Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. Л., 1977. С. 4; Сахаров А.М. Историография истории СССР. Досоветский период. М., 1978. С. 104; Иллерицкий В.Е. Сергей Михайлович Соловьев. М., 1980. С. 4, 45, 82; Шикло А.Е. Исторические взгляды Н.А. Полевого. М., 1981. С. 14; Киреева Р.А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX века до 1917 года. М., 1983. С. 197; Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX века). М., 1985. С. 246–247; Дьяков В.А. Ученая дуэль М.П. Погодина с Н.И. Костомаровым (О публичном диспуте по норманскому вопросу 19 марта 1860 года) // Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы / Отв. ред. В.А. Дьяков. М., 1986. С. 53; Цимбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986. С. 71.

²⁷ Цимбаев Н.И. Сергей Соловьев. М., 1990. С. 101.

²⁸ Мошин В.А. Варяго-русский вопрос // Варяго-русский вопрос в историографии / Составит. и ред. В.В. Фомин. М., 2010. С. 33.

сущее династическим националистам почтение к самодержавию как единственной политической системе, возможной в России». Но при этом он «воспарял куда выше носителей официальных взглядов в своем умилении неповторимостью России»²⁹.

Общий взгляд советского периода на труды Погодина можно встретить и в современной историографии. А.Л. Шапиро в 1993 г. говорил о Михаиле Петровиче как о «самом крупном историке среди приверженцев теории официальной народности», который «руководствовался не только требованиями министра народного просвещения графа Уварова, но и указаниями шефа жандармов графа А.Х. Бенкендорфа». В.П. Макарихин в 2001 г. полагал, что ученый был «представителем официального направления», который «для подтверждения своих идейных установок» использовал «факты русской истории». По мнению Ю.В. Дойкова, высказанному в 2004 г., «Погодин посвятил свою жизнь защите официальной политики, защите власти», что он «для нас сегодня... интересен и важен как общественно-политическая фигура»³⁰.

Однако сегодня все больше проявляется наметившаяся еще в конце предыдущего этапа тенденция к более детальному и взвешенному изучению научного наследия историка. В работах по историографии истории России разделы, посвященные Погодину, отличаются изложением основных направлений и результатов его научной и связанной с ней общественной деятельности без категоричных ее оценок. Г.В. Можаяева в 1993 и 2001 гг. отмечала, что его «научные воззрения отличались постоянством», что он признавал «случайность главной движущей силой исторического процесса», и рассматривала его политические убеждения как результат научной работы³¹.

---

²⁹ Виттекер Ц.Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб., 1999. С. 122, 125.

³⁰ Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 года. Учебное пособие. 2-е изд. М., 1993. С. 373, 377; Макарихин В.П. Курс лекций по отечественной историографии. Досоветский период. Нижний Новгород, 2001. С. 60-61; Дойков Ю.В. Самые знаменитые историки России. М., 2004. С. 61-67.

³¹ Можаяева Г.В. М.П. Погодин // Историки России XVIII–XX веков. Вып. 1 / Сост. и отв. ред. А.А. Чернобаев. М., 1995. С. 105; Она же. Погодин М.П. // Историки России. Биографии / Составитель и отв. ред. А.А. Чернобаев. М., 2001. С. 144.

В.И. Дурновцев и А.Н. Бачинин в 1996 г. подробно рассмотрели вопрос об оценке общественно-политических воззрений Погодина и его взгляды на соотношение исторического пути России и Западной Европы, показывая их сложность: «Его позиция в общественной борьбе между двумя основными течениями – славянофильством и западничеством – была близка к первому, являлась оттенком славянофильского мышления... Что касается правительственной формулы национального “прогресса”, то идеологически к ней Погодина, разумеется, примыкал, как и самые “благородные” представители славянофильства. Но никогда не отождествлял себя с откровенными и беспросветными обскурантами. <...> Нетрудно заметить и другое: прорывы Погодина к идеям, обычно отождествляемые с западной доктриной». Авторы заключали, что «его роль в развитии науки отечественной истории весома и значительна»³². В 1999 и 2001 гг. К.Б. Умбрашко опубликовал статьи о дискуссиях Погодина, а в 2008, 2013 и 2014 гг. в учебных пособиях по историографии изложил его научные воззрения³³. В 2000 г. Д.А. Иванников посвятил отдельную статью взглядам ученого на варяго-русский вопрос³⁴. В 2003, 2007, 2009, 2011, 2013, 2015 гг. А.Е. Шикло и в 2017 г. Г.Р. Наумова в историографических работах подробно осветили вклад Михаила Петровича в изучение истории России. При этом Г.Р. Наумова охарактеризовала его как «свободного консерватора»³⁵.

---

³² Дурновцев В.И., Бачинин А.Н. Разъяснять явления русской жизни из нее самой: Михаил Петрович Погодин // *Историки России XVIII – начала XX века*. М., 1996. С. 201, 204-207.

³³ Умбрашко К.Б. *Полемики русских историков XIX века как коммуникативные события* // *Мир историка: идеалы, традиции, творчество*. К 50-летию В.П. Корзун. Омск, 1999. С. 21-43; Он же. *Век полемик миновал. Научные споры М.П. Погодина* // *КЛИО*. 2001. № 3 (15). С. 28-37; Он же. *Историография отечественной истории*. Ч. 1. *Средневековье – первая половина XIX в.* Учебно-методическое пособие. Новосибирск, 2008. С. 162-169; Он же. *Историографические практики XVIII – начала XXI вв.* Учебное пособие. Новосибирск, 2013. С. 133-142; Он же. *Историография. Отечественная история*. Учебно-методический комплекс. Новосибирск, 2014. С. 53-63.

³⁴ Иванников Д.А. *Варяжский вопрос в трудах М.П. Погодина* // *Восток-Запад. Диалог культур и цивилизаций: Материалы второй межвузовской научной конференции молодых ученых, посвященной 40-летию Российского университета дружбы народов и Международному году культуры и мира*. М., 2000. С. 33-39.

³⁵ Шикло А.Е. *Исторические концепции М.П. Погодина и Н.Г. Устрялова* // *Историография истории России до 1917 года*. Т. 1 / Под ред. М.Ю. Лачаевой. М., 2003. С. 250-261;

На современном этапе появились монографические и диссертационные исследования о Погодине. В 1995 г. Ф.А. Петров в работе, посвященной преподавательской деятельности ученого в Московском университете, в целом обозначил его взгляды на русскую историю³⁶. Тогда же К.Б. Умбрашко защитил кандидатскую диссертацию о жизни и творчестве Погодина³⁷. Это исследование легло в основу монографии 1999 г., где автор подробно рассмотрел научные воззрения ученого, отмечая тот положительный вклад, который был внесен им в разработку ряда вопросов русской истории. Причем К.Б. Умбрашко считал, что «норманские взгляды Погодина не менялись на протяжении всей его жизни». Как отметил автор, «в целом его фигура не стала предметом самостоятельного рассмотрения», «до сих пор не преодолены такие историографические характеристики ученого, как “апологет самодержавия”, “реакционер”, “ретроград” и т.п., что затемняет и размывает подлинный вклад этого неординарного человека, привнесенный им в отечественную науку и культуру»³⁸.

Н.И. Павленко в монографии 2003 г. детально проанализировал научные воззрения Погодина, при этом подчеркивая, что специалисты «не разделяют мнения крайнего норманиста Погодина о повальном влиянии норманов на все сферы жизни древнерусского общества». Павленко ставил в заслугу ученому попытку акцентировать внимание «на отличии истории России от истории стран Западной Европы», вместе с тем заключая, что его аргументация «оказалась несостоятельной». Автор отметил, что в конце жизни исследователь признал ошибочность некоторых своих положений по вопросу о

Наумова Г.Р., Шикло А.Е. Историография истории России. М., 2007. С. 225-237; то же. 2-е изд. М., 2009. С. 157-164; то же. 3-е изд. М., 2011. С. 157-164; Историография истории России. Учебное пособие для бакалавров / Под ред. А.А. Чернобаева. 2-е изд. М., 2015. С. 191-200; Наумова Г.Р. История исторической науки. Историография истории России. Ч. 1. Учебник для академического бакалавриата. М., 2017. С. 142-145.

³⁶ Петров Ф.А. М.П. Погодин и создание кафедры российской истории в Московском университете. М., 1995. С. 27-44, 53-94.

³⁷ Умбрашко К.Б. М.П. Погодин: Человек. Историк. Публицист. Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1995. С. 3-18.

³⁸ Умбрашко К.Б. М.П. Погодин. Человек. Историк. Публицист. М., 1999. С. 4, 164.

происхождении варягов, а также указал на неоднозначность общественно-политической позиции и убеждений Погодина.

Н.И. Павленко, возражая утвердившейся мысли об «охранительном» характере взглядов Погодина, заметил: «Но раз так, то почему им интересовалось и устраивало за ним наблюдение III Отделение, а московский генерал-губернатор числил среди самых неблагонадежных людей». Вместе с тем, автор акцентировал внимание на «парадоксальных проявлениях характера Михаила Петровича, непредсказуемости его поведения: он мог наперекор собственным интересам совершить поступки, неудобные властям, идти напролом, не считаясь ни с общественным мнением, ни с мнением в правительственных сферах, но мог и угодничать, проявлять беспредельное раболепие». В итоге исследователь заключил, что Погодин «претендовал на некую собственную нишу в научной и общественно-политической жизни России», что «перед нами своеобразная и противоречивая личность, стоявшая особняком среди деятелей русской культуры»³⁹.

В кандидатской диссертации 2005 г. Д.А. Иванников специально рассмотрел общественно-политические взгляды Погодина. С одной стороны, он отметил совпадение воззрений ученого с «запросами государства» и, как следствие, «внимание к нему со стороны представителей власти». С другой – сделан вывод об особом характере взглядов Михаила Петровича: «Его видение прошлого России, признание особой роли в ее истории народа и надежды на его просвещение, собственная трактовка ряда коренных внутривнутриполитических вопросов не позволяют отнести Погодина к сторонникам теории официальной народности. <...> Погодин пытался создать свое собственное идеологическое течение, которое можно назвать национально-либеральным консерватизмом»⁴⁰.

В 2008 г. А.А. Ширинянц в монографии, посвященной общественно-политической позиции Погодина, проанализировал его мысли о соотношении

---

³⁹ Павленко Н.И. Михаил Погодин. М., 2003. С. 10-11, 98, 107, 124, 128, 177, 180, 341.

⁴⁰ Иванников Д.А. Общественно-политические взгляды и деятельность М.П. Погодина. Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 2005. С. 23.

исторических путей России и Западной Европы, вклад в разработку триады «православие, самодержавие, народность»⁴¹. В кандидатской диссертации 2010 г. А.В. Почиваловой изложены взгляды Михаила Петровича на методологические проблемы исторического исследования, концепция своеобразия пути развития России по сравнению с Западом, сделан вывод о его приверженности теории «официальной народности», указано как на преимущественное внимание ученого к деятельности варягов и обоснованию их норманского происхождения, так и на его мысли о достаточно высоком уровне развития славян⁴².

Исследователи, занимающиеся варяго-русским вопросом, при обзоре его историографии обращают внимание на позицию Михаила Петровича. В 1994 г. в кандидатской диссертации А.А. Хлезов отметил, что на выделенном им этапе 1845–1914 гг. в изучении варяго-русского вопроса одним из «наиболее ярких событий» был выход «трудов “патриарха современных норманистов” М.П. Погодина». В 1997 г. Хлезов в монографическом исследовании при анализе литературы по «норманской проблеме» вновь характеризовал ученого как «ярчайшего представителя историографии этого времени»⁴³.

А.Г. Кузьмин в 2003 г. констатировал, что «при всей активности (и самоуверенности)» Погодин свел проблему образования государства «лишь к происхождению династии “Рюриковичей”», он «не стремился слепо цепляться за каждое норманистское положение, уступая напору фактов», а его норманизм «претерпевал такие изменения, что аналогичные взгляды в наше время многие авторы не склонны считать норманистскими»⁴⁴. На принципиаль-

---

⁴¹ Ширинянц А.А. Русский хранитель. Политический консерватизм М.П. Погодина. М., 2008. С. 42-74.

⁴² Почивалова А.В. Историческая концепция М.П. Погодина. Автореф. дис... канд. ист. наук. Казань, 2010. С. 3-24.

⁴³ Хлезов А.А. Норманская проблема в свете археологических источников. Автореф. дис... канд. ист. наук. СПб., 1994. С. 12; Он же. Норманская проблема в отечественной исторической науке. СПб., 1997. С. 25.

⁴⁴ Кузьмин А.Г. История России с древнейших времен до 1618 года. Кн. 1 / Под общ. ред. А.Ф. Киселева. М., 2004. С. 75; Он же. Начало Руси. Тайны рождения русского народа. М., 2003. С. 43-44.

ные уступки ученого антинорманизму в вопросе о месте расселения варягов и происхождении имени «русь» указывал в 2005–2013 гг. В.В. Фомин⁴⁵.

Л.С. Клейн в работе, написанной в 1960 г. и изданной в 2009 г., говорил о полемике Михаила Петровича с Н.И. Костомаровым как о значимой вехе в разработке варяжской проблемы. В 2011 и 2015 гг. С.В. Соколов при обзоре теорий происхождения варяжской руси в отечественной историографии XVIII–XIX вв. обозначил основные мысли историка по проблеме⁴⁶.

Таким образом, современные историки применяют более беспристрастный подход при изучении взглядов ученого. Можно полностью согласиться с написанными в 2003 г. словами А.Е. Шикло: «Советская историография, исходя из оценки творчества ученых с классовых позиций, однозначно относил Погодина к “апологетам самодержавия”, называла его “уваровским холопом”, консерватором, не оказавшим сколько-нибудь глубокого влияния на общий ход научно-исторического знания. В последнее десятилетие историографы стремятся дать непредвзятую оценку его научной деятельности, показать сложность и многогранность его личности»⁴⁷.

Подытоживая результаты изучения концепции Погодина на современном этапе, следует подчеркнуть, что, несмотря на оживившийся интерес к его научному наследию и появление подробных работ, не была поставлена задача исследования процесса изменения взглядов историка на основные аспекты варяго-русского вопроса в результате дискуссий с антинорманистами. Не

---

⁴⁵ Фомин В.В. Варяги и варяжская русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005. С. 102, 136; Он же. Ломоносов. Гений русской истории. М., 2006. С. 290; Он же. Начальная история Руси. М., 2008. С. 224-225; Он же. Варяго-русский вопрос и некоторые аспекты его историографии // Изгнание норманнов из русской истории / Составит. и ред. В.В. Фомин. М., 2010. С. 464; Он же. Ломоносовофобия российских норманистов // Варяго-русский вопрос в историографии. С. 397-398; Он же. Голый конунг. Норманизм как диагноз. М., 2013. С. 25, 204-205.

⁴⁶ Клейн Л.С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб., 2009. С. 24-33; Соколов С.В. Концепции происхождения «варяжской руси» в отечественной историографии XVIII–XIX вв. Автореф. дис... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2011. С. 22; Он же. Концепции происхождения «варяжской руси» в отечественной историографии XVIII–XIX вв. в контексте европейских идей раннего нового времени. Екатеринбург, 2015. С. 169-172.

⁴⁷ Шикло А.Е. Исторические концепции... С. 250.

был предпринят критический анализ доказательной базы и основных положений норманистских взглядов Погодина с учетом накопленных достижений в изучении проблемы и сложившейся вокруг нее историографической ситуации. При анализе взглядов историка на соотношение судеб России и Западной Европы мало внимания уделяется его мыслям о «родовом подобии» их историй, о решении ими одинаковых по характеру задач. Не проведено сравнение содержания, которое вкладывали в понятия «православие, самодержавие, народность» Погодин и его современники славянофилы, и того значения, которое они придавали факту образования Древнерусского государства в результате «мирного призвания, а не завоевания». Требуется также подвести итог оценкам «математического метода» и иррационального взгляда Михаила Петровича на историю.

Анализ историографии позволяет сделать вывод о наличии **проблемы** оценки концепции М.П. Погодина истории Древней Руси, определения ее места и значения в истории исторической науки.

Объект исследования данной работы – концепция Михаила Петровича начальной истории Руси и ее оценка в отечественной историографии.

Предметом исследования выступают основные аспекты концепции историка: 1) провиденциализм и «математический метод»; 2) теория своеобразия истории России и связанная с ней общественно-политическая позиция ученого; 3) взгляд на роль варягов и славян в образовании Древнерусского государства; 4) доказательная база норманской теории; 5) процесс изменения воззрений историка на варяго-русский вопрос в ходе дискуссий с антинорманистами.

Цель исследования – оценить концепцию Погодина начальной истории Руси, определить ее место и значение в истории исторической науки.

Задачи исследования: 1) определить значение провиденциализма и «математического метода» в трудах Погодина; 2) изучить его общественно-политические убеждения и взгляды на соотношение путей развития России и Западной Европы; 3) конкретизировать позицию Погодина по вопросу о со-

отношении роли варягов и восточных славян в образовании Древнерусского государства; 4) оценить доказательства историка в пользу норманской теории; 5) показать изменение его воззрений на основные аспекты варяго-русского вопроса в сторону уступок антинорманистам; 6) выявить состоятельность оценки Погодина как исследователя в историографии.

Структура исследования. Работа состоит из введения, трех глав, разделенных в общей сложности на десять параграфов, заключения, списка используемых источников и исследований. Деление на параграфы обусловлено поставленными задачами.

Поскольку в данной работе рассматривается как концепция Погодина начальной истории Руси, так и ее оценка в отечественной историографии, то **хронологические рамки исследования** простираются с выхода его магистерской диссертации «О происхождении руси» в 1825 г. до наших дней.

Методологическую основу исследования составляет, прежде всего, принцип историзма, в соответствии с которым концепция Погодина начальной истории Руси и ее оценка в отечественной историографии рассмотрены в динамике в связи с учетом конкретной научной ситуации того или иного периода в развитии российской науки и с привлечением широкого круга источников. Также применены принципы объективности и системности. Использование как общенаучных методов: анализа, синтеза, сравнения, систематизации, так и специально исторических: проблемно-хронологического, сравнительно-исторического, позволяет отчетливее выявить основные особенности взглядов Погодина на изучаемые им проблемы истории Древней Руси и их оценку в историографии.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов в историографических работах при оценке вклада трудов Погодина в развитие исторической науки. Материалы диссертации могут быть применены в исследованиях по отечественной истории, при составлении курсов истории общественно-политической мысли, славяноведения, историографии варяго-русского вопроса.

Основные положения, выносимые на защиту:

1) Погодин не абсолютизировал значение обоснованного им «математического метода», направленного на эмпирическую обработку источников, и признавал необходимость теоретического осмысления исторического процесса и внес определенный вклад в решение этой задачи;

2) взгляды ученого на соотношение исторических судеб России и Западной Европы отличались бóльшей сложностью, чем принято считать, когда в качестве разрабатываемого им отличия обращают преимущественно внимание на идею мирного начала русской истории: исследователь выделял ряд других особенностей, а также проводил мысль о «родовом подобии» путей развития Руси и Запада;

3) доминирующим направлением общественно-политической деятельности Погодина было охранительное; отождествление его взглядов со взглядами славянофилов ошибочно; следует также учитывать те идеи и поступки историка, которые не позволяют делать категоричный вывод о подчинении его мысли правительственной идеологии;

4) ученый, проводя идею об определяющей роли варягов в формировании Древнерусского государства, утверждал мысль и о достаточном для самостоятельной исторической жизни уровне развития восточных славян;

5) анализ аргументации Погодина в пользу норманской теории показывает, что ученый не доказал норманское происхождение варягов-руси;

6) историк активно способствовал разработке варяго-русского вопроса путем вовлечения в научный оборот различных точек зрения: он сам переводил и публиковал работы антинорманистов, предоставлял возможность высказаться оппонентам на страницах собственного издания, инициировал ряд важных дискуссий по проблеме;

7) в ходе полемики с антинорманистами взгляды Погодина на основные аспекты варяго-русского вопроса прошли эволюцию в сторону принципиальных уступок оппонентам: он признал присутствие славян и представителей иных народов (например, финнов) в среде призванного племени,

назвал Южную Балтику в качестве наиболее вероятного места проживания варяжской руси, отказался от возможности найти шведское объяснение происхождения этнонима «русь», признал ряд важнейших аргументов норманской теории несостоятельным.

Источниковая база исследования представлена трудами М.П. Погодина, позволяющими рассмотреть его концепцию начальной истории Руси, а также проследить его общественно-политические воззрения. Исходя из логики настоящей диссертации, работы Михаила Петровича можно разделить на несколько групп. Первую составляют труды, дающие представление о методах исследования и философии истории ученого: «О трудах гг. Беляева, Бычкова, Калачова, Попова, Кавелина, Соловьева по части русской истории» (1847), «Об историческом значении царствования Бориса Годунова. Сочинение П. Павлова» (1850), «Послание к г. Кавелину» (1850), «Нечто о методах исторических исследований» (1858) и некоторые другие⁴⁸.

Решение Погодиным проблемы соотношения исторических путей России и Западной Европы представлено в его «Исторических афоризмах» (1836), статьях «Взгляд на русскую историю» (1832), «Очерк русской истории» (1832), «О всеобщей истории» (1834), «Петр Великий» (1841), «Параллель русской истории с историей западных европейских государств, относительно начала» (1845), «За русскую старину» (1845), «Ответ П.В. Киреевскому» (1845), «О влиянии внешней политики на внутреннюю» (1854), «Петр Первый и национальное, органическое развитие» (1863)⁴⁹.

---

⁴⁸ Погодин М.П. О трудах гг. Беляева, Бычкова, Калачова, Попова, Кавелина, Соловьева по части русской истории // Москвитянин. 1847. Ч. I. С. 155-184; Он же. Об историческом значении царствования Бориса Годунова. Сочинение П. Павлова // Там же. 1850. Ч. III. С. 117-135; Он же. Послание к г. Кавелину // Там же. 1850. Ч. V. С. 135-142; Он же. Нечто о методах исторических исследований // Атеней. 1858. № 26. С. 607-621.

⁴⁹ Погодин М.П. Исторические афоризмы. М., 1836; Он же. Взгляд на русскую историю // Он же. Историко-критические отрывки. М., 1846. С. 1-18; Он же. Очерк русской истории // Там же. С. 19-34; Он же. О всеобщей истории // Он же. Исторические афоризмы. С. 113-128; Он же. Петр Великий // Он же. Историко-критические отрывки. С. 333-364; Он же. Параллель русской истории с историей западных европейских государств, относительно начала // Там же. С. 55-82; Он же. За русскую старину // Там же. С. 435-446; Он же. Ответ

Общественно-политическую деятельность историка можно проследить по его работам, входящим в третью группу источников: «Для биографии графа Сергея Семеновича Уварова» (переписка Погодина с министром 1841 г., опубликована в 1871), «Речь С.С. Уварову, министру народного просвещения, посетившему автора в его доме» (произнесена в 1841 г., издана в 1872), «Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны» (1854–1856), «К вопросу о славянофилах» (1873)⁵⁰.

Решение комплекса проблем, составляющих варяго-русский вопрос (роль пришлых варягов и местного восточнославянского населения в формировании Древнерусского государства, доказательная база норманского происхождения варягов-руси, а также проблема достоверности источников по начальной истории Руси), представлено Погодиным в фундаментальных монографиях: «О происхождении руси. Историко-критическое рассуждение» (1825), «Нестор, историко-критическое рассуждение о начале русских летописей» (1839), первые три тома «Исследований, замечаний и лекций о русской истории» (1846), «Норманский период русской истории» (1859), «Древняя русская история до монгольского ига» (1871)⁵¹.

В эту же группу источников входит учебник «Начертание русской истории для гимназий» (первое издание 1835, второе – 1837) и ряд статей: «Не-что о роде великой княгини Ольги» (1828), «О достоверности древней русской истории» (1834), «Кто писал Несторову летопись» (1835), «Первобыт-

---

П.В. Киреевскому // Москвитянин. 1845. Ч. III. С. 47-58; Он же. Петр Первый и национальное, органическое развитие // Русский вестник (РВ). 1863. Т. 46. С. 373-401.

⁵⁰ Погодин М.П. Для биографии графа Сергея Семеновича Уварова // Русский архив (РА). 1871. № XII. Стб. 2078-2112; Он же. Речи, произнесенные в торжественных и прочих собраниях, 1830–1872 // Он же. Сочинения. Т. III. М., 1872. С. 37; Он же. Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны. 1853–1856. М., 1874; Он же. К вопросу о славянофилах // Он же. Избранные труды / Составители, авторы вступительной статьи и комментариев А.А. Ширинянец, К.В. Рясенцев. М., 2010. С. 486-510.

⁵¹ Погодин М.П. О происхождении руси. Историко-критическое рассуждение. М., 1825; Он же. Нестор. Историко-критическое рассуждение о начале русских летописей. М., 1839; Он же. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. I. Об источниках древней русской истории. М., 1846; т. II. Происхождение варягов-руси. О славянах. М., 1846; т. III. Норманский период. М., 1846; Он же. Норманский период русской истории. М., 1859; Он же. Древняя русская история до монгольского ига. Т. I. М., 1871.

ный вид и источники Несторовой летописи» (1835), «Последние исторические толки» (1837), «О договорах русских князей Олега, Игоря, Святослава с греками» (1837), «Формация государства» (1837)⁵². К данной группе относятся также замечания Погодина к истории Древней Руси (Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки – НИОР РГБ)⁵³ и конспект лекций ученого по русской истории, сделанный В.Г. Белинским (Отдел письменных источников Государственного исторического музея – ОПИ ГИМ)⁵⁴.

Пятую группу источников образуют полемические статьи и разборы трудов антинорманистов, позволяющие выявить изменения, которые вносил Погодин в свое решение варяго-русского вопроса: «О жилищах древнейших руссов. Сочинение г-на Н. и критический разбор оногo» (1826), «О важности исторических и археологических исследований Новороссийского края, преимущественно в отношении к истории и древностям русским. Речь г. Надеждина, помещенная в книге под заглавием: Торжественное собрание Одесского общества любителей истории и древностей, 4 февраля 1840» (1841), «О значении имени руссов и славян. Соч. Ф. Морошкина» (1841), «Откуда идет Русская земля, по сказанию Несторовой летописи и по другим писателям русским, сочинение М. Максимовича» (1841), «Ответ» (1841), «О походе руссов на Сурож» (1844), «Ответ на филологические письма М.А. Максимовича» (1856), «Историческое замечание» (1859), «О литовском начале руси, письмо к г. Костомарову» (1860), «О публичном диспуте в зале Санкт-Петербургского университета касательно происхождения руси. Отчет мос-

---

⁵² Погодин М.П. Начертание русской истории для гимназий. 2-е изд. М., 1837; Он же. Нечто о роде великой княгини Ольги // Труды и летописи Общества истории и древностей российских. 1828. Ч. IV. Кн. I. С. 130-138; Он же. О достоверности древней русской истории // Библиотека для чтения. 1834. Т. VI. С. 77-104; Он же. Кто писал Несторову летопись // Там же. 1835. Т. VIII. С. 1-10; Он же. Первобытный вид и источники Несторовой летописи // Там же. 1835. Т. IX. С. 1-18; Он же. Последние исторические толки // Русский исторический сборник. 1837. Т. I. Кн. 3. С. 110-126; Он же. О договорах русских князей Олега, Игоря, Святослава с греками // Там же. 1837. Т. I. Кн. 4. С. 98-137; Он же. Формация государства // Он же. Историко-критические отрывки. С. 35-54.

⁵³ НИОР РГБ. Ф. 231/I. Картон 27. Ед. хр. 4.

⁵⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Ед. хр. 1059.

ковским друзьям» (1860), «Второе письмо к г. Костомарову» (1860), «Г. Геденов и его система о происхождении варягов и руси» (1864), «Новшество г. Иловайского» (1872), «На замечание г. Иловайского» (1873), «Подстрочный разбор второй статьи г. Иловайского “Еще о норманизме”» (1873), «Гостинец г. Костомарову» (1874) (ряд этих статей вошел в сборник 1874 г. с ярко характеризующим научную позицию ученого названием «Борьба не на живот, а насмерть с новыми историческими ересями») а также публикация материалов «Публичный диспут 19 марта 1860 года о начале руси между гг. Погодиным и Костомаровым» (1860)⁵⁵.

Шестую группу источников составляют как изданные воспоминания самого исследователя о своей научной и общественной деятельности, его переписка с коллегами и друзьями⁵⁶, так и хранящиеся в архивах переписка

---

⁵⁵ Погодин М.П. О жилищах древнейших руссов. Сочинение г-на Н. и критический разбор оного. М., 1826. С. 67-108; Он же. О важности исторических и археологических исследований Новороссийского края, преимущественно в отношении к истории и древностям русским. Речь г. Надеждина, помещенная в книге под заглавием: Торжественное собрание Одесского общества любителей истории и древностей, 4 февраля 1840. Одесса, 1840 // Москвитянин. 1841. Ч. I. С. 547-557; Он же. О значении имени руссов и славян. Соч. Ф. Морошкина. Москва, 1840 // Там же. 1841. Ч. I. С. 557-561; Он же. Откуда идет Русская земля, по сказанию Несторовой летописи и по другим писателям русским, сочинение М. Максимовича. Киев, 1837 // Там же. 1841. Ч. II. С. 219-234; Он же. Ответ // Там же. 1841. Ч. III. С. 211-216; Он же. О походе руссов на Сурож // Записки Одесского общества. 1844. Т. I. С. 191-197; Он же. Ответ на филологические письма М.А. Максимовича // РБ. 1856. № IV. С. 124-141; Он же. Историческое замечание // Там же. 1859. № V. С. 156; Он же. О литовском начале руси, письмо к г. Костомарову // Он же. Борьба не на живот, а насмерть с новыми историческими ересями. М., 1874. С. 137-157; Публичный диспут 19 марта 1860 года о начале руси между гг. Погодиным и Костомаровым // Современник. 1860. Т. LXXX. С. 273-350; Погодин М.П. О публичном диспуте в зале Санкт-Петербургского университета касательно происхождения руси. Отчет московским друзьям // РБ. 1860. № I. С. 149-170; Он же. Второе письмо к г. Костомарову // Он же. Борьба... С. 158-175; Он же. Ученые предприятия в Петербурге // РВ. 1864. Т. 50. С. 367-382; Он же. Г. Геденов и его система о происхождении варягов и руси // Записки императорской Академии наук. 1864. Т. VI. Приложение № 2. С. 1-48; Он же. Новшество г. Иловайского // Он же. Борьба... С. 272-301; Он же. На замечание г. Иловайского // Там же. С. 305-311; Он же. Подстрочный разбор второй статьи г. Иловайского «Еще о норманизме» // Там же. С. 312-380; Он же. Гостинец г. Костомарову // Там же. С. 381-390.

⁵⁶ Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского университета. Ч. II. М., 1855. С. 230-274; Письма М.П. Погодина к М.А. Максимовичу. С пояснениями С.И. Пономарева. СПб., 1882. С. 3-136; Погодин М.П. Мое представление историографу (Отрывок из записок) // РА. 1866. № 11-12. Стб. 1766-1770.

М.П. Погодина с антинорманистами И.Е. Забелиным⁵⁷ (ОПИ ГИМ), Ю.И. Венелиным⁵⁸ и С.А. Геденовым⁵⁹ (НИОР РГБ), М.А. Максимовичем⁶⁰, Д.И. Иловайским⁶¹ и Н.И. Костомаровым⁶², воспоминания историка⁶³ (Российский государственный архив литературы и искусства – РГАЛИ). Сюда же входят свидетельства К.С. Аксакова, И.Д. Беляева, Ф.И. Буслаева, А.Д. Галахова, И.А. Гончарова, Н.В. Калачова, Я.И. Костенецкого, Л.Н. Майкова, Ю.Ф. Самарина, М.П. Смирнова, С.М. Соловьева, В.А. Черкасского (т.е. современников и учеников М.П. Погодина) о нем как человеке, ученом, преподавателе, общественном деятеле⁶⁴.

Отдельно следует сказать о фундаментальной работе Н.П. Барсукова (1838–1906), который, собрав большое количество материалов о жизни Михаила Петровича, написал его биографию в двадцати двух томах, выходящих в течение 1888–1910 гг.⁶⁵ В настоящем исследовании данный труд используется как обширное собрание различных источников.

К.Б. Умбрашко обосновал возможность рассматривать издание Барсукова не в историографическом, а в источниковом плане: «...Ценность много- томной работы Барсукова состоит в публикации архивных материалов по истории русской литературы и культуры. <...> Эту работу, с некоторыми по-

---

⁵⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Ед. хр. 74.

⁵⁸ НИОР РГБ. Ф. 231/І. Картон 44. Ед. хр. 32; Ф. 231/ІІ. Картон 6. Ед. хр. 73.

⁵⁹ Там же. Ф. 231/ІІ. Картон 7. Ед. хр. 115.

⁶⁰ РГАЛИ. Ф. 373. Оп. 1. Ед. хр. 224; Ф. 314. Оп. 1. Ед. хр. 35.

⁶¹ Там же. Ф. 373. Оп. 1. Ед. хр. 161.

⁶² Там же. Ф. 373. Оп. 1. Ед. хр. 188.

⁶³ Там же. Ф. 191. Оп. 1. Ед. хр. 1557.

⁶⁴ Аксаков К.С. Воспоминания студентства 1832–1835 годов // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи. Мемуары современников / Под ред. И.А. Федосова. М., 1989; Буслаев Ф.И. Погодин как профессор // Он же. Мои досуги. М., 1886. С. 239-258; Галахов А.Д. Михаил Петрович Погодин // РВ. 1889. Т. 203. С. 129-145; Гончаров И.А. Воспоминания // Он же. Собр. соч. Т. 7. М., 1980; Костенецкий Я.И. Воспоминания из моей студенческой жизни // РА. 1887. № 2. С. 229-242; Майков Л.Н. Погодин в последние годы своего профессорства // РВ. 1893. Т. 227. С. 189-201; Пятидесятилетие гражданской и ученой службы М.П. Погодина (1821–1871). М., 1872; Самарин Ю.Ф. Из воспоминаний об университете 1834–1838 г. // Русь. 1880. № 1. С. 18-19; Смирнов М.П. Воспоминание о М.П. Погодине // Исторический вестник. 1885. Т. XX. С. 424-437; Соловьев С.М. Мои записки... С. 567-570.

⁶⁵ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 1-22. СПб., 1888–1910.

правками, можно считать личным архивным фондом сложного состава, поскольку автор, как было показано, использовал именно огромный погодинский архив, хранящийся сегодня в рукописном отделе Российской государственной библиотеки. В него вошли дневниковые записи, высказывания известных людей, выступления и статьи Погодина, материалы его путешествий по России и за границей, письма, анализ литературных изданий, научных работ, причем многие материалы Барсуков старался публиковать целиком»⁶⁶.

Заключает перечень источников Повесть временных лет (ПВЛ) – главный памятник для постановки и решения проблем древнерусской истории, в сопоставлении с показаниями которого оценивается концепция Погодина⁶⁷.

В качестве рабочего инструментария в диссертации используются понятия «норманисты» и «антинорманисты». Под первым понимаются ученые, признающие скандинавскую (шведскую, датскую), но всегда германскую природу варягов и руси, под вторым – исследователи, не признающие этой природы либо у варягов, либо у руси, либо у тех и других одновременно.

Изучение основных трудов М.П. Погодина, оценок его взглядов разными исследователями, его переписки и воспоминаний, свидетельств современников о личности и различных сторонах деятельности историка создает основу для объективного решения поставленных задач.

Полнота источниковой базы, использованные методологические принципы и методы исследования обеспечивают высокую **степень достоверности** полученных результатов.

Апробация исследования. Основные положения работы были апробированы на региональных и всероссийской научно-практических конференциях в Липецке, Воронеже, Ельце и Москве в 2012–2015 годах. Содержание исследования представлено в десяти научных работах, пять из которых были опубликованы в изданиях, рекомендуемых Высшей аттестационной комиссией.

---

⁶⁶ Умбрашко К.Б. М.П. Погодин. Человек. Историк. Публицист. С. 15-17, 22.

⁶⁷ Летопись по Лаврентьевскому списку. 3-е изд. СПб., 1897.

ГЛАВА 1. М.П. ПОГОДИН И ЕГО КОНЦЕПЦИЯ СВОЕОБРАЗИЯ ИСТОРИИ РОССИИ

§ 1. М.П. ПОГОДИН КАК ИСТОРИК

Михаил Петрович Погодин родился в Москве 11 ноября 1800 г. и здесь же умер 8 декабря 1875 года. Он происходил из крепостных крестьян, хотя его отец уже работал в вотчинной администрации своих владельцев и в 1806 г. получил вольную в знак благодарности за беспорочную службу. До десяти лет Погодин воспитывался дома, а с 1810 по 1814 г. обучался у приятеля своего отца московского типографщика А.Г. Решетникова. Уже в детстве будущий историк пристрастился к чтению, посещению театра и коллекционированию. События 1812 г. произвели сильное впечатление на мальчика, его семья тогда на время переехала в Суздаль.

С 1814 по 1818 г. Михаил Петрович учился в Московской губернской гимназии, а с 1818 по 1821 г. – в Московском университете на словесном отделении. В те годы он испытывал нужду, подрабатывал уроками. Тем не менее, оба заведения Погодин успешно окончил, и его оставили преподавателем географии в университетском Благородном пансионе. Избрав научное поприще, Михаил Петрович написал магистерскую диссертацию «О происхождении руси», и 11 марта 1825 г. состоялась ее публичная защита.

С 1825 до 1839 г. ученый преподавал всеобщую историю на разных отделениях Московского университета. В 1828 г. он получил звание адъюнкта и начал также преподавание русской истории, с 1835 г. занимал кафедру русской истории в звании ординарного профессора, однако в 1844 г. оставил службу в университете. После этого Погодин продолжал свои исследования (преимущественно по древнерусской истории), публиковал новые труды, некоторые из них переиздавал. И вместе с тем Погодин проявлял интерес к другим сферам деятельности: занимался журналистикой (издавал журналы «Московский вестник» в 1827–1830 гг. и «Москвитянин» в 1841–1856 гг.), литературой (сочинял повести, трагедии), публицистикой (особенно извест-

ны его письма, сочиненные в годы Крымской войны, статьи по польскому вопросу), коллекционировал памятники древности (в 1852 г. продал в казну свое древлехранилище), совершил несколько путешествий за границу и по России.

Кроме того, он сделал несколько попыток стать чиновником. В этой связи Н.И. Павленко отметил: «Но, с другой стороны, Погодин не был бы Погодиным, если бы он твердо придерживался раз избранной сферы деятельности и не искал бы других занятий. В том-то и дело, что Михаил Петрович, клянясь в верности исторической науке, то и дело пытался, правда, не всегда успешно, изменить этой клятве и сменить кресло ученого на кресло чиновника»⁶⁸.

Сам Погодин в автобиографической статье 1855 г. отмечал, что после защиты магистерской диссертации «круг действий его начал распространяться, а потому воспоминание об них для ясности разделил на следующие отделы: 1. Служба в университете, 2. Занятия русской историей, 3. Литературные труды, 4. Журналистика, 5. Путешествия, 6. Археология русская, 7. Литературные знакомства и связи»⁶⁹. Автор биографической статьи об исследователе М.А. Полиевктов в 1898 г. подчеркнул, что, хотя «недостаток философского образования и внешние неблагоприятные условия не дали Погодину выработаться в мыслителя и общественного деятеля, на роль которого он претендовал», тем не менее, «любовь к знанию и природный ум сделали его видным историком-исследователем, с несомненным значением в русской историографии»⁷⁰.

Рассмотрев жизненный путь ученого, Н.И. Павленко резюмировал: «Итак, Погодин совершил редкую по тем временам карьеру, проделав путь от крепостного крестьянина до действительного статского советника и кавалера трех орденов, правда, не самой высокой пробы. <...> Перечень занятий Ми-

---

⁶⁸ Павленко Н.И. Указ. соч. С. 21.

⁶⁹ Биографический словарь... С. 242.

⁷⁰ Полиевктов М.А. Погодин М.П. // Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. XXIV. СПб., 1898. С. 33.

хаила Петровича, беглое знакомство с его увлечениями дают основание для утверждения, что Погодин принадлежал к типу людей, лишенных способности без остатка отдаваться одному делу». Тем не менее, только с конца 1850-х гг. «непререкаемый авторитет Погодина как историка поблек», когда «на историческом небосклоне появились таланты, затмившие труды Погодина новизной и более высоким профессионализмом»⁷¹.

Воспоминания современников и учеников Михаила Петровича также показывают сложность и противоречивость его натуры. М.П. Смирнов отмечал: «...Несмотря на все странности и противоречия в характере Михаила Петровича Погодина, на всю смесь добра и скупости, на страсть к стяжанию до мелочей и крайнюю нерасчетливость в крупных делах – в нем преобладала доля добра и сердечности несравненно в большей дозе, чем в других ученых собратях его. <...> В приемах его можно было подметить общевыработанный такт, излюбленный в чиновничьей иерархии: с нуждающимися и заискивающими он был сух; с людьми нужными – любезен и предупредителен. Он не любил, когда его на словах величали превосходительством, но плохо скрывал желание, чтобы все об этом знали...»⁷².

Историк Л.Н. Майков говорил: «Мечтатель, увлекавшийся самыми широкими, благородными замыслами, сживался в нем с дельцом, который обладал большим практическим смыслом. Он был независим в своих воззрениях и умел их высказывать с прямотой и горячностью, и в то же время ему случалось падать до открытой лесты, до наивного преклонения пред властвующей силой, до самого эгоистического расчета; нравственную выдержкою и тактом он вообще не отличался. Он привлекал к себе ласковой простотой своего обращения и – порой отталкивал от себя заносчивостью и резкостью»⁷³.

Противоречивые воспоминания остались и об одном из наиболее заметных общественных видов деятельности Погодина – его преподавании в

---

⁷¹ Павленко Н.И. Указ. соч. С. 29.

⁷² Смирнов М.П. Указ. соч. С. 425.

⁷³ Майков Л.Н. Указ. соч. С. 190-191.

Московском университете, сделанные его бывшими учениками. К.С. Аксаков констатировал: «Бог знает, как умел Погодин при стольких своих достоинствах восстановить против себя почти всех. Нападения на него часто несправедливы, но все довольно дружно на него восставали. Мне кажется, что главная причина – неумение обращаться с людьми»⁷⁴. И.А. Гончаров, в свою очередь, отмечал: «М.П. Погодин читал нам всеобщую историю и статистику. Он читал... скучно, бесцветно, монотонно и невнятно, но был очень щекотлив, когда замечал в ком-нибудь невнимание к себе»⁷⁵.

Особенно резкими являются воспоминания С.М. Соловьева, что во многом связано с их лично неприязненными отношениями (которые, однако, сначала были достаточно теплыми): «Мы пришли слушать Погодина с предубеждением относительно его нравственных качеств; он славился своею грубостью, цинизмом, самолюбием и особенно корыстолюбием. Есть много людей, которые также самолюбивы и корыстолюбивы, как Погодин, но не слышат такими именно потому, что у Погодина душа нараспашку; что другой только подумает – Погодин скажет; что другой подумает или только скажет – Погодин сделает... В Московском университете ему было не очень ловко. Во-первых, лекции его не могли возбудить в студентах восторга, сделать из них жарких поклонников. <...> Со старыми товарищами своими профессорами Погодин еще сходил, с некоторыми был даже дружен с молодых лет... но когда приехала толпа новых профессоров из-за границы... то между ними и Погодиным началась явная вражда»⁷⁶.

С другой стороны, в 1871 г. на торжествах по случаю пятидесятилетия службы Михаила Петровича ученики указывали на благотворное влияние и пользу его преподавательской деятельности. Н.В. Калачов говорил: «О некоторых из этих многих Вы, без сомнения, сами уже не помните, но *мы* не можем забыть, что Вам обязаны и началом служебного нашего поприща, и свя-

---

⁷⁴ Аксаков К.С. Воспоминания студентства 1832–1835 годов. С. 322.

⁷⁵ Гончаров И.А. Указ. соч. С. 248-249.

⁷⁶ Соловьев С.М. Мои записки... С. 567-570.

тою, не оставляющею нас, любовью к науке, и глубоким уважением к минувшему быту родной земли, к ее заветной старине»⁷⁷.

И.Д. Беляев также вспоминал: «Что же влекло к Вам массу слушателей? Да то, что Вы в Вашу лекцию всегда умели вложить жизнь, что в Вашей лекции всегда выступала Ваша любовь к делу и Ваша душа; Вы самому, по видимому, сухому исследованию умели дать занимательность даже для слушателей, не могших ходить к Вам постоянно. <...> Кроме того, для каждого студента Ваш кабинет и Ваша библиотека были открыты по праздникам... Я сам засиживался подолгу в Вашей библиотеке, нередко бывал свидетелем, как иной товарищ возвращает книгу изодранную и испачканную и просит новых книг, и Михаил Петрович задает молодцу нагоняй, что надо-де беречь чужие книги, а то и давать не станут; а между тем сам все-таки дает, приговаривая: возьмите, да будьте осторожнее, поберегите, ведь книга и другим понадобится»⁷⁸.

В.А. Черкасский подчеркивал: «Вокруг его кафедры охотно собиралась университетская молодежь. <...> Он читал нам русскую историю по источникам, знакомил нас не с одними внешними явлениями истории, но и с сокровенным внутренним их смыслом, он учил нас любить науку, любить и уважать Россию; ценить те великие тяжелые жертвы, которая древняя Русь умела принести ради сохранения своего самостоятельного бытия и создания единственного устоявшего в бурях истории славянского государства; он учил нас сознать себя русскими членами одной русской, – одной общей, великой славянской семьи»⁷⁹.

Я.И. Костенецкий в своих воспоминаниях 1872 г. констатировал: «На лекциях его, кроме студентов своего факультета, всегда было множество студентов других факультетов и даже посторонних слушателей, так что, несмотря на обширность аудитории, делалось тесно, и студенты окружали даже профессорский стол. Надобно сказать, что голос у Погодина был довольно

---

⁷⁷ Пятидесятилетие гражданской и ученой службы М.П. Погодина. С. 50.

⁷⁸ Там же. С. 57-58.

⁷⁹ Там же. С. 61.

тих, и он тогда не имел еще дара вести речь плавно; он, как говорится, мямлил; но его светлые и новые идеи, тогда еще нигде не появлявшиеся в печати, возбуждали самое напряженное внимание к каждому его слову, и тишина на лекциях была невозмутимая»⁸⁰.

Противоречивость природы Погодина, разнообразие занятий находят продолжение в философии истории и методах исследования ученого – он использовал различные подходы к решению научных проблем. Прежде всего, он запомнился как автор так называемого «математического метода»⁸¹. В 1846 г. Михаил Петрович, объясняя его суть, говорил в первом томе «Исследований»: «Прежде всех рассуждений, толкований и высших взглядов, должно, по моему мнению, собирать *все места* из летописей, грамот и других источников об известном предмете, и потом уже, имея их пред глазами, делать выводы об его значении и отношении, в каком он находится к смежным предметам и вообще ко всей истории, проверяя свои выводы прочими сведениями»⁸².

В 1847 г. он подчеркнул, что желание больше «рассуждать, чем разыскивать... хорошо, но в свое время, когда накоплено много сведений, когда приобретена опытность, когда ум созрел, а до тех пор оно не обещает никакой пользы...»⁸³. В 1850 г. Погодин указывал, что особенно неприемлемо поспешное построение теорий для объяснения русской истории, поскольку в ней многое происходит «большой частью неожиданно, вопреки всем расчетам и соображениям». Поэтому, «чтоб при таком характере русской истории подводить происшествия, особенно когда дойдет дело до подробностей, под симметрические формулы, надо непременно укладывать их на прокрустово ложе, обрубать их, вытягивать, иные же и совсем из истории вон»⁸⁴.

---

⁸⁰ Костенецкий Я.И. Указ. соч. С. 230-231.

⁸¹ Наумова Г.Р. Указ. соч. С. 143.

⁸² Погодин М.П. Исследования... Т. I. С. XI.

⁸³ Погодин М.П. О трудах... С. 169; Барсуков Н.П. Указ. соч. Кн. 9. СПб., 1895. С. 125.

⁸⁴ Погодин М.П. Об историческом значении царствования Бориса Годунова. С. 32-33; Барсуков Н.П. Указ. соч. Кн. 11. СПб., 1897. С. 200-201.

Тогда же Погодин дискутировал с К.Д. Кавелиным, который применительно к древнерусской истории отстаивал теорию родового быта, когда «объяснение разных событий и явлений в нашей истории» искалось в «патриархальных элементах». Возражая, Михаил Петрович говорил: «Патриархальность, или, лучше, семейность, положим, есть одно из главных свойств и отличий русской истории и русского народа... но есть еще и другие столь же коренные свойства и отличия. Следовательно, искать в одном свойстве причину всех явлений, исключать прочие коренные условия, пропускать их действия, – система, ведущая к беспрестанным заблуждениям...»⁸⁵.

В 1858 г. Михаил Петрович, образно рассуждая, вновь обозначил те задачи, которые ставил перед собой: «Мы хотим строить здание, мы составили себе идеал, мы сочинили план; с чего же должно нам начать, будет ли наше здание – храм, галерея, портик, коллизей? Прежде всего, нам должно приготовить материалы – обжечь кирпичи, обтесать камни. Ну, вот эту-то черновую, первую работу – обжечь кирпичи, обтесать камни, и принял я на себя в издаваемых “Исследованиях”, предоставляя планы, фасады, строение, кому угодно, другим, себе, будущему времени. Я старался всеми силами не выходить из предначертанных границ и не допускать никаких так называемых мыслей, рассуждений, принадлежащих к операциям другого, высшего рода, операциям необходимым, но впоследствии»⁸⁶.

Современники неоднозначно оценивали значение его «математического метода». И.Д. Беляев в 1858 г. в рецензии на V том «Исследований» Погодина утверждал, что этот прием «особенно удачно приложился к настоящему тому, так что многое слишком спорное и темное теперь совершенно объяснилось одним сопоставлением текстов и указанием на свидетельства летописей». Как, в целом, резюмировал И.Д. Беляев, «Погодин ясно и верно понял современное требование науки; он не пишет истории набело с плеча, не пот-

---

⁸⁵ Погодин М.П. Послание к г. Кавелину. С. 137-139; Барсуков Н.П. Указ. соч. Кн. 11. С. 204, 206.

⁸⁶ Погодин М.П. Нечто о методах... С. 608; Барсуков Н.П. Указ. соч. Кн. 15. СПб., 1901. С. 405.

рует теориями, как делают иные псевдоисторики; а дает только замечания и исследования, часто даже только указывает на вопросы, требующие обработки; но его исследования, замечания и указания, часто похожие на черновую работу, конечно, переживут много скородельных историй набело...»⁸⁷.

Но, в основном, метод Погодина подвергся критике. В рецензии 1847 г. на первые три тома его «Исследований» К.Д. Кавелин писал: «У него есть страсть, общая всем специалистам – возводить в систему свою нелюбовь, нерасположение к цельному, систематическому взгляду на предмет. Это важная ошибка, которая, коренясь в бессознательной односторонности, и родит односторонность, всегда почти неблагоприятную для науки».

Комментируя приведенные выше слова Погодина из предисловия к первому тому «Исследований», К.Д. Кавелин указывал: «Работая таким образом, мы получим ряд прекрасных монографий, но все же не будем иметь русской истории. Кто захочет воссоздать русскую историю, тому необходимо вновь переработать источники, и нередко то, что в монографии не найдет места, или при специальной разработке не обратит на себя никакого внимания, здесь займет первое место»⁸⁸.

И.Е. Забелин в 1858 г. говорил о невозможности реализации подхода Погодина по объективным причинам: «Для чего существуют самые школы, университеты, как не для того, чтоб *обогащать* нас познаниями, то есть снабдить нас на всю жизнь готовыми мыслями, выводами, теориями, системами... А воспитание, которое в наше время по преимуществу так и ведется, чтоб наполнить нас как можно полнее готовыми мыслями, понятиями, теориями, лишая вовсе самостоятельности... Исполненные таким образом готовых мыслей, мы вступаем в свет и с ними приступаем ко всякому делу». О методе Погодина ученый справедливо замечал: «Единственным он может называться только потому, что он обыкновенный путь, по которому восходят вообще

---

⁸⁷ Беляев И.Д. Исследования, замечания и лекции о русской истории М. Погодина. Т. V. С. 28, 45; Барсуков Н.П. Указ. соч. Кн. 15. С. 398.

⁸⁸ Кавелин К.Д. Исторические труды М.П. Погодина. Стб. 102, 105, 107.

к познанию чего-либо, дан нам самою природой и составляет единственный и потому неизбежный прием ума рассуждающего, ищущего истины»⁸⁹.

Сам Погодин, однако, не абсолютизировал значение «математического метода». В предисловии к первому тому «Исследований» историк после изложения сути этого приема подчеркивал: «Я говорил о работе, доступной для всякого трудолюбивого молодого человека – но она не должна останавливать других, одаренных особенными способностями, чующих в себе присутствие высшей силы. Пусть такие избранные обращаются к самой истории, выбирают себе тот или другой период... или посвящают свое перо одному какому лицу... У нас распространилось недавно поверье, что за такие сочинения приниматься не время еще теперь, пока не обработаны все источники, и пока не кончились все приготовительные труды. Это мнение совершенно ложное»⁹⁰.

Комментируя эти слова, К.Д. Кавелин констатировал: «В этой мысли есть противоречие со сказанным выше, с нападками против тех, которые берутся за целые эпохи и периоды. Но это-та непоследовательность автора “Исследований” и оправдывает наши слова, что он вполне принадлежит к переходному времени»⁹¹.

Отвечая И.Е. Забелину, Погодин в 1858 г. указывал, что «метод свой я считаю исключительным, ведущим прямо к цели только для работ приготовительных, начальных, предварительных, первых, а работы вторые, третьи, десятые, сотые могут и должны быть производимы посредством других каких угодно методов...»⁹².

Однако Погодин запомнился преимущественно как разработчик «математического метода». П.Н. Милюков в 1898 г. писал: «Простой пересказ летописи или внешняя, совершенно механическая систематизация летописного

---

⁸⁹ Земец И. [Забелин И.Е.]. Указ. соч. С. 350, 354-355; Барсуков Н.П. Указ. соч. Кн. 15. С. 399-400, 407.

⁹⁰ Погодин М.П. Исследования... Т. I. С. XII.

⁹¹ Кавелин К.Д. Исторические труды М.П. Погодина. Стб. 108.

⁹² Погодин М.П. Нечто о методах... С. 607-608; Барсуков Н.П. Указ. соч. Кн. 15. С. 405.

содержания по рубрикам – дальше этого Погодин не идет. Когда ему придется резюмировать свое изложение, он или просто повторяет частности, или суммирует их, называя это “математическим методом”... Таким образом, и по складу ума и по характеру раз усвоенных воззрений на задачи науки, Погодину предстояло сделаться очень полезным чернорабочим и сосредоточить все свои силы на предварительной разработке сырого материала»⁹³.

Н.Л. Рубинштейн в 1941 г. критиковал подход Михаила Петровича: «Математический метод, превращаясь в формальное употребление, вел к предельной формализации исторического метода и всего исторического мышления Погодина. Историк ничего не вносит от себя, он лишь суммирует то, что дано в источнике – таково конечное положение Погодина, для которого исторический вывод превращается в своеобразный количественный итог»⁹⁴.

К.Б. Умбрашко в 1999 г. также полагал, что Михаил Петрович «не собирался делать... заключений концепционного характера, он предназначал свой метод для подготовительных работ по возведению “фундамента истории”». По мнению автора, «именно Погодин первым применил этот, кажущийся естественным прием в исторической науке, он первым среди русских историков XIX в. набрел на эту “счастливую мысль” и первым ею воспользовался в своих исследованиях»⁹⁵.

Вместе с тем, в подходе Михаила Петровича к историческому исследованию отмечается и наличие противоположных строго научному «математическому методу» провиденциалистских представлений. В упомянутой рецензии К.Д. Кавелин отмечал: «Не будучи в состоянии ни совершенно отказаться от теоретического воззрения, ни основать его на твердых, ясных началах, г. Погодин впал в исторический мистицизм... Он остановился на точке како-

---

⁹³ Миллюков П.Н. Указ. соч. С. 363-364.

⁹⁴ Рубинштейн Н.Л. Указ. соч. С. 259-260.

⁹⁵ Умбрашко К.Б. М.П. Погодин. Человек. Историк. Публицист. С. 141-142.

го-то благоговения пред каждым историческим событием, не стараясь объяснить его значение и место в целом историческом развитии»⁹⁶.

Эту особенность взглядов Погодина К.Д. Кавелин отметил в его статье 1837 г. «Формация государства», где представлен обзор основных событий древнерусской истории. О значении призвания варягов Михаил Петрович говорил: «Главное, существенное в этом происшествии относительно к происхождению русского государства, есть не Новгород, а лице Рюрика, как *родоначальника династии...*». Князь Игорь – «единственный плод норманского призвания в Новгород... тонкая нить, кою оно соединяется с последующими происшествиями».

Поэтому Погодин переживает за его судьбу, особенно когда Олег с ним покинул Новгород. Ведь Олег мог пройти мимо Киева, отправиться «на службу в Грецию, и пропасть там вместе с Игорем». Поэтому Погодин восклицает и риторически вопрошает: «Минута неизвестности! Семя предано произволу ветров! Не должны ли мы трепетать за него?». Но Игорь не умер, а Олег поселился в Киеве, и это было необходимо, т.к. если бы он остался в Новгороде, то история России зависела бы от Запада. «Новая опасность» возникла, когда был убит Игорь. Вдруг «какой-нибудь смельчак захватит начальство». Однако, «к счастью» Ольга «имела характер мужеский». Поскольку еще «рано начинаться удельным княжествам», то опять «к счастью молодой Руси» у Игоря был один сын. Когда Святослав отправился в Болгарию, Погодин вновь переживает – «зародыш выкинут», и «семя» переносится «в другую почву». Однако в это время в Византии правил воинственный император Иоанн Цимисхий, который «заставил Святослава удалиться»⁹⁷.

В 1846 г. в конце третьего тома «Исследований» Погодин поместил эту статью, начало которой дополнил словами: «...Нам остается исследовать теперь, как сими отрывочными, бессвязными событиями, обстоятельствами, случаями *производилось государство*, и как из киданных наудачу, по сторо-

---

⁹⁶ Кавелин К.Д. Исторические труды М.П. Погодина. Стб. 106.

⁹⁷ Погодин М.П. Формация государства. С. 37-47.

нам, камней складывалось правильное здание»⁹⁸. По поводу этих слов К.Д. Кавелин заметил: «Итак, г. Погодин считает все события, даже самые важные, каково, например, основание новых государств, если не совершенно случайными, то, по крайней мере, такими, в которых случайность играет большую роль и имеет нередко решительное участие». Однако, полагал автор, Михаил Петрович из этого «верного положения делает ложные выводы»: «Вместо того, чтобы в образовании государства все внимание устремить на составные его элементы и результаты их соединения, он сосредоточивает его на тех частных, случайных явлениях и событиях, при которых эти элементы соединились, и эти частности выдвигает на первый план»⁹⁹.

Еще в статье 1832 г. «Взгляд на русскую историю» Погодин утверждал: «Ни одна история не заключает в себе столько чудесного, если можно так выразиться, как российская». Например, переселение Олега из Новгорода в Киев, «по-видимому случайное... должноствовало быть непременно, чтобы российская история получила тот вид и характер, какой она имеет». И подобный подход Погодин применял не только к начальной истории Руси, но и ко всей истории России¹⁰⁰.

По мнению К.Д. Кавелина, такой подход ученого «тесно связан с его полумистическим воззрением на историю»: «Судя по словам г. Погодина, русской истории с самого начала благоприятствовало необыкновенное счастье. Все вышло, разумеется так, как вышло. Но автор во всем этом видит какую-то высшую необходимость. <...> Словом, все в нашей истории и дивно и чудно»¹⁰¹. П.Н. Милюков, в свою очередь, отмечал: «Весь секрет его философии истории заключается в том, что ему связь причины со следствием представляется навыворот, как связь цели со средством. <...> В результате, вместо признания *необходимости* русского исторического процесса, является апофеоз *случайности* его...». П.Н. Милюков отметил, что эта «коренная чер-

---

⁹⁸ Погодин М.П. Исследования... Т. III. С. 475.

⁹⁹ Кавелин К.Д. Исторические труды М.П. Погодина. Стб. 191-192.

¹⁰⁰ Погодин М.П. Взгляд на русскую историю. С. 10-12.

¹⁰¹ Кавелин К.Д. Исторические труды М.П. Погодина. Стб. 192, 199, 234.

та погодинской философии истории» проявилась уже в его «Исторических афоризмах», восходящих к 20-м годам¹⁰².

В 1834 г. в лекции «О всеобщей истории» Погодин высказывал следующие мысли о развитии человечества: «Следовательно, есть законы для его действия, необходимость в происшествиях, есть путеводная десница, промысл, есть Бог в истории. Таково естественное умозаключение из одного понятия о существовании человечества». Обозрев в целом всемирную историю, Михаил Петрович риторически вопрошал: «Не имеют ли все сии происшествия, к которым я мог бы присоединить многие другие, явственных признаков какого-то высшего происхождения? Не чувствуем ли мы, рассматривая оные, что в явлениях мира сего действуют не одни люди, а еще Кто-то?».

Таким образом, во взглядах ученого на объяснение истории присутствует провиденциализм. Но, вместе с тем, он утверждал: «Нет, мы не слепые орудия Высшей силы; мы действуем, как хотим, и свободная воля есть условие человеческого бытия, наше отличительное свойство. Это столь же ясно и верно, как и первое предложение, нами выше сказанное, о бессмысленности случая. <...> Соединение или, лучше, тождество законов необходимости с законами свободы – такое же таинство, как соединение мысли с словом, как соединение души с телом». И задача историка состоит в том, чтобы выявить это соотношение¹⁰³.

Н.Л. Рубинштейн в 1941 г. подытоживал особенности исследовательского метода ученого: «Начав с математического анализа, Погодин кончает признанием полной иррациональности исторического процесса, в котором все направляется волею провидения. <...> Так от научного принципа XIX в. Погодин переходит непосредственно к идее провиденциализма, взятой даже не от XVIII в., а от предшествовавшего ему периода. Идея провиденциализма, иррациональности развития вступала в непосредственное противоречие с

---

¹⁰² Милюков П.Н. Указ. соч. С. 362, 368.

¹⁰³ Погодин М.П. О всеобщей истории. С. 116-117, 122-125.

идеей закономерности, органичности исторического развития, выдвинутой наукой XIX в.»¹⁰⁴

Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что в области теоретического осмысления исторического процесса ученых не ограничился провиденциализмом. Например, в связи с приверженностью Михаила Петровича нормализму К.Д. Кавелин отмечал: «У него... было тоже какое-то смутное предчувствие цельного, полного взгляда на русскую историю. Это видно из того, что он в своих разысканиях, иногда наперекор фактам, преследует какую-нибудь любимую мысль. Лучшим примером и подтверждением могут служить его изыскания о норманском периоде»¹⁰⁵.

При разработке же концепции своеобразия развития России по сравнению с Западной Европой Погодин выделил такие факторы исторического процесса, как географический (природно-климатические условия) и народный характер. Н.Л. Рубинштейн констатировал: «Самую особенность исторического развития России Погодин при этом пытается дать в духе идей XIX в., как закономерность исторического развития России, вытекающую из его внутренних условий», он «ищет эти особенности в свойствах русского народа и в отношениях народа к государству». Начав с утверждения, «что основа различия между Россией и Западом лежит в разнице народного характера», Погодин «в объяснение особенностей исторического процесса развития России немало уделяет внимания роли географического фактора...»¹⁰⁶. К.Б. Умбрашко в 1999 г. также говорил, что поиск ученым «особенностей русской истории в ее первоначальном периоде, в свойствах русского народа, в системе “государство – народ” привел к поиску закономерностей исторического процесса вообще»¹⁰⁷.

Оценивать значение «математического метода» Михаила Петровича необходимо с учетом научной ситуации того времени – в первой половине

---

¹⁰⁴ Рубинштейн Н.Л. Указ. соч. С. 260-261.

¹⁰⁵ Кавелин К.Д. Исторические труды М.П. Погодина. Стб. 105-106.

¹⁰⁶ Рубинштейн Н.Л. Указ. соч. С. 264-265.

¹⁰⁷ Умбрашко К.Б. М.П. Погодин. Человек. Историк. Публицист. С. 213.

XIX в. шел активный процесс поиска и вовлечения в ученый оборот письменных источников по русской истории (вспомним, например, деятельность открытой в 1834 г. знаменитой Археографической комиссии). Поэтому особенно актуальной была задача именно первоначальной эмпирической обработки накапливаемого сырого материала, на что и был направлен метод Погодина. Однако ученый не абсолютизировал его значение. Он писал о необходимости построения теорий, но только после тщательной критической проверки исторических данных. Провиденциализм же прослеживается в тех статьях Михаила Петровича, цель которых состояла в представлении общего обзора исторического процесса, либо его отдельного периода. В таких работах проявляется философия истории автора, его мировоззрение. Но в трудах, посвященных конкретно-историческим проблемам, Погодин использовал «математический метод», хотя он, как отмечали его критики, и не ведет к концептуальным обобщениям. Ученый выделял и такие факторы исторического процесса, как природно-географические условия, народный характер.

§ 2. М.П. ПОГОДИН О СООТНОШЕНИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ПУТЕЙ РОССИИ И ЗАПАДА

Концепция своеобразия исторического пути России по сравнению с Западной Европой является важной и заметной частью взглядов Погодина на начальную историю нашей страны. Она вызвала интерес как у современников, так и у последующих исследователей наследия ученого. Во многом это обусловлено тесной связью данной концепции с общественно-политической жизнью русского общества того времени. Следует также отметить, что вопрос о соотношении исторического пути России и Западной Европы был одним из основных в русской общественно-политической мысли XIX века.

Погодин искал объяснение сходству и различиям в судьбе разных стран в их начальной истории. Обосновывая важность именно этого периода для всего последующего развития, он в 1846 г. утверждал: «История всякого государства есть ничто иное, как развитие его начала; настоящая и будущая его

история так происходят из начала, как из крошечного семени вырастает то или иное огромное дерево, как в человеческих поколениях правнуки сохраняют часто тончайшие оттенки голоса или легчайшие черты телодвижения своих прадедов»¹⁰⁸.

Для пояснения своей мысли Погодин любил проводить образные параллели из других областей наук. Например, в 1845 г. он разъяснял свою идею следующим образом: «Взгляните на два зерна: они почти одинаковы; разве вооруженным глазом можно подметить их тонкое различие, – но дайте срок, дайте время этим семенам развиться, вырасти, и вы увидите, что из одного возникнет дуб, а из другого пальма или какое-нибудь нежное, благоуханное растение, и тонкое различие зерен обнаружится разительно в цветах и плодах. <...> Так и в истории государств: малейшее различие в начале производит огромное различие в последствиях»¹⁰⁹.

Поскольку далее мы еще встретим этот прием, следует сказать о той критике, которой он подвергался. В 1898 г. П.Н. Милюков, говоря о «своеобразных чертах» «философско-исторических размышлений» Погодина, замечал: «Источник этой своеобразности заключается, как нам кажется, в грубом злоупотреблении сравнениями и уподоблениями, – сравнениями между разными народами и эпохами, уподоблениями между явлениями самых различных областей науки». Автор считал, что «в руках такого сомнительного энциклопедиста, как Погодин, сопоставления прямо приняли характер какой-то смехотворной пародии. <...> Понятно, что нет ничего более противоположного идее закономерности, как это вырывание отдельных частных из самых разнородных контекстов для целей параллелизма»¹¹⁰. Следует, однако, заметить, что в данном случае приведенные сравнения в образном виде ярко поясняют мысль Михаила Петровича.

Решая вопрос о путях развития государств на Западе и на Руси, Погодин создал концепцию своеобразия начального периода русской истории.

---

¹⁰⁸ Погодин М.П. Исследования... Т. II. С. 2.

¹⁰⁹ Погодин М.П. Параллель русской истории... С. 62-63.

¹¹⁰ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 358, 360-361.

Основной работой, где он изложил свои взгляды, является статья 1845 г. «Параллель русской истории с историей западных европейских государств, относительно начала». Главное положение, на котором зиждилась вся теория, заключается в словах: «Действительно, мы имеем положительное сказание летописи, что наше государство началось не вследствие завоевания, а вследствие призвания. Вот источник различий! Как на Западе все произошло от завоевания, так у нас происходит от призвания, беспрекословного занятия и любовной сделки»¹¹¹.

Эта идея, как отметили А.Е. Шикло и Г.Р. Наумова, для «российской историографии не новая, но у Погодина она становится доминирующей, определяющей судьбу и особенности развития русской жизни во всех ее аспектах»¹¹². Сам ученый в начале своей статьи представил историю Западной Европы, ссылаясь на идеи одного из виднейших французских историков эпохи Реставрации Ж.Н.О. Тьерри (1795–1856). Последний в качестве объяснения исторического процесса на Западе разрабатывал теорию борьбы третьего сословия, произошедшего из завоеванных народов, против высших – потомков завоевателей.

Мысль об образовании Древнерусского государства в результате «не завоевания, а призвания» встречается и в более ранних работах Погодина. Например, в «Исторических афоризмах», которые, по замечанию П.Н. Милюкова, восходят к 20-м гг., а, по словам К.Б. Умбрашко, их основная часть написана в 1823–1826 гг. (они были впервые опубликованы в «Московском вестнике» в 1827 г., а в 1836 г. вышли отдельным изданием)¹¹³. Один из афоризмов гласил: «Европу можно разделить исторически на две главные половины: Западную и Восточную. Первой возобладали племена немецкие, во второй остались славянские. Первая завоевана; вторая занята. В первой пришельцы и туземцы; во второй только туземцы. В первой феодализм, во вто-

---

¹¹¹ Погодин М.П. Параллель русской истории... С. 62.

¹¹² Шикло А.Е. Исторические концепции... С. 237; Наумова Г.Р. Указ. соч. С. 144.

¹¹³ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 362; Умбрашко К.Б. М.П. Погодин. Человек. Историк. Публицист. С. 127.

рой уделы. Первая получила христианскую веру из Рима, вторая из Константинополя. По разделении церкви... первая осталась за папою, вторая за патриархом. <...> В государствах западных история начинается преимущественно духовной властью над светской, в славянских искони духовная власть подчинялась государям, как и в Константинополе»¹¹⁴. Здесь основная идея концепции Погодина – в России государство образовалось в результате «не завоевания, а призвания» – еще не только не разработана, но даже не сформулирована определенно, она улавливается в зачаточном виде. Отметим, что обозначены и иные различия в судьбах России и Запада.

В сентябре 1832 г. он прочитал вступительную лекцию, которой открывал курс русской истории в Московском университете¹¹⁵. В ней ученый говорил: «Все европейские государства... основаны одинаковым образом; все составились из победителей и побежденных, пришлецов и туземцев... И к нам пришли варяги, но *добровольно избранные*, по крайней мере сначала, не как западные победители и завоеватели... Далее – все европейские государства... озаряются из Рима светом христианской религии; мы одни, по какому-то нечаянному случаю, получаем ее *из Константинополя*, как бы предназначенные сохранить и развить особливую сторону веры, только что разделившейся тогда; и у нас, так как в Греции, духовенство подчиняется государям, между тем как на Западе оно вяжет и решит их».

Далее Погодин несколько развил основную мысль: «Первым чадом завоевания во всех европейских государствах был феодализм с происшедшим от него рыцарством. У нас, в стране, *несплошь заселенной*... развилась удельная система... В Западной Европе произошло от феодализма майоратство. У нас при удельных князьях, имевших совершенно равную власть... не было майоратства даже в наследовании престола; ибо не сын наследовал за отцом во владении, а старший в роде...»¹¹⁶. Таким образом, теперь Михаил

---

¹¹⁴ Погодин М.П. Исторические афоризмы. С. 29-30.

¹¹⁵ Барсуков Н.П. Указ. соч. Кн. 4. СПб., 1891. С. 72.

¹¹⁶ Погодин М.П. Взгляд на русскую историю. С. 5-7.

Петрович высказал более определенно главное различие в истории России и Запада, при этом также выделив и другие отличия.

В 1834 г. Погодин опубликовал статью-лекцию «О всеобщей истории». Она представляет особый интерес, поскольку здесь историк говорит не только об особенностях «начала» государств Западной Европы и России, но и Восточной Европы и Азии. Страны Запада «начинаются одинаково от бракосочетания победителей с побежденными, и у всех происходит одно явление – феодализм», который затем «разрушается, и на его месте основывается единоедержавие». Восточноевропейские государства «основаны другим образом, то есть не вследствие бракосочетания побежденных с победителями, которых к ним и не приходило». Все они «теряют политическую независимость и падают, так или иначе, под чужую власть».

В Азии же «один народ дикий нападает на другой, образованнейший, живущий в лучшем климате, покоряет его». В результате «основывается деспотизм, государство разделяется на сатрапии, предается роскоши; отдаленные области начинают возмущаться, здание колеблется и падает под ударами новых завоевателей, испытывающих со временем такой же жребий». Но Россия «не разделяет судьбы единоплеменных славянских государств и высится своей славой не только над ними, но и над всеми западными и азиатскими. Нет ли здесь противоречия? Нет – основание ее есть среднее, так сказать, между основанием западных и восточных государств; к нам пришли иноземцы, но приглашенные, по крайней мере не завоеватели...»¹¹⁷. В данной работе Погодин лишь обозначил свою основную мысль, не развивая ее.

Отметим, что и впоследствии ученый периодически повторял эту идею. Например, в политическом письме 1854 г., написанном в связи с Крымской войной, он также говорил о «противоположности русской истории с историей западных государств»: «Европейские государства произошли завоеванием, а наше добровольным призванием... Все западные государственные учреждения основаны на законе оппозиции... а коренные русские учреждения

---

¹¹⁷ Погодин М.П. О всеобщей истории. С. 117, 119.

предполагают совершенную полюбовность. Там все подчиняется форме, и форма преобладает, а мы терпеть не можем никакой формы. <...> Переворот государственный, революцию, коей нигде подобной не было, все вверх дном, начинает у нас первый император и продолжают его преемники, а консерватизм выражается народом... У нас другой климат с западом, другая местность, другой темперамент, характер, другая кровь, другая физиономия, другой взгляд, другой образ мыслей, другие верования, надежды, желания, удовольствия, другие отношения, другие обстоятельства, другая история, все другое, а наше правительство ждало и боялось только революции одинакой»¹¹⁸. В конце жизни, в 1873 г., Погодин также напоминал, что «в основе русской истории лежит мир, а не война»¹¹⁹.

Однако наиболее полное, цельное обоснование и развитие взгляды Погодина на соотношение исторических путей стран Западной Европы и России получили в статье «Параллель русской истории с историей западных европейских государств, относительно начала». Сведения, приведенные Барсуковым, показывают, что задумана она была еще в 1828 году. Тогда, под 22 апреля 1828 г., историк записал в своем дневнике: «Киреевский рассказывал мне план большого сочинения своего о форме философии для России. С большим удовольствием слушал его. Во мне зажглось желание написать отличительные черты российской истории, которые должны применяться к его сочинению»¹²⁰.

Таким образом, зарождение концепции своеобразия истории России следует отнести к середине – второй половине 20-х годов. Однако на ее полную, цельную разработку в окончательном виде потребовалось более полутора десятилетия. Перед напечатанием статьи «Параллель...» (1845) Погодин в письме своему другу, преподавателю Московского университета С.П. Шевыреву сообщал: «Я писал на лоскутках и складывал в одно место, и не заме-

---

¹¹⁸ Погодин М.П. О влиянии внешней политики на внутреннюю // Он же. Историко-политические письма... С. 253-254.

¹¹⁹ Погодин М.П. К вопросу о славянофилах. С. 495.

¹²⁰ Барсуков Н.П. Указ. соч. Кн. 2. СПб., 1889. С. 189.

чал, как они копились, а теперь, как стал их собирать и низать на нитки, так сам удивился. Глава о различии русской истории с Европой получает характер государственный, и я разошлю ее к членам Государственного Совета, умеющим грамоте»¹²¹. Эту статью он помещал во всех своих последующих крупных трудах (что говорит об отношении к ней самого автора): «Исследования, замечания и лекции о русской истории», «Норманский период русской истории», «Древняя русская история до монгольского ига»¹²².

Сначала Погодин «предложил вкратце историю Западных государств»: «К одному племени приходит другое... Пришельцы побеждают туземцев, и поселяются между ними». Первые «становятся господами, угнетают народ, отделяют его от государя – и живут на счет племени побежденного». Возникает «непримиримая ненависть между сими племенами». Затем городские жители, т.е. «среднее сословие», после «оборонительной войны предпринимает наступательную, стремясь уравниваться мало помалу с привилегированной аристократией», которая «не уступает и борьба сих двух сословий оканчивается революцией». Теперь же «низшее готовится на Западе к борьбе с средним и высшим вместе»¹²³.

Обращаясь к истории России, Погодин заметил, что «у нас, в начале ее, нет решительно ни одного» явления западной: «Нет ни разделения, ни феодализма, ни убежищных городов, ни среднего сословия, ни рабства, ни ненависти, ни гордости, ни борьбы...». И причину этого ученый видел именно в образовании нашего государства «не вследствие завоевания, а вследствие призвания»¹²⁴.

Рассматривая теорию Погодина, обозначим то содержание, которое он вкладывал в понятия известной формулы «православие, самодержавие, народность». В первую очередь, Михаил Петрович показал влияние мирного

---

¹²¹ Барсуков Н.П. Указ. соч. Кн. 8. СПб., 1894. С. 114.

¹²² Погодин М.П. Исследования... Т. III. С. 493-518; Он же. Норманский период... С. 183-204; Он же. Древняя русская история... 85-94.

¹²³ Погодин М.П. Параллель русской истории... С. 58-60.

¹²⁴ Там же. С. 61-62.

начала русской истории на формирование государственного строя, т.е. самодержавия. Ученый рассмотрел «составные части, элементы государства, в первый период его происхождения»: «Государь, народ, разделяющийся на сословия – высшее (дворянство), среднее (собственно так называемое промышленное, городское), низшее (сельское) и земля». На Руси «государь был званым мирным гостем», а на Западе – «ненавистным пришельцем»; «на Западе король был *обязан* своим сподвижникам», а «наш князь не имел *никаких обязанностей* к боярам»; «с народом у нас князь имел дело *лицом к лицу*», а «западный государь *отделен* был совершенно своими вассалами»; «феодалы западные отняли у туземцев... землю», а «наши не прикоснулись к земле»; «феодалы западные, отняв землю и заставив *работать* на себя ее обитателей, с самого начала поставили себя в враждебное отношение к ним, а наши бояре, не имея никакого дела до народа, кроме сбора дани и суда, жили в добром согласии с ними»; «*народ* на Западе, побежденный и покоренный, был обращен в *рабство*, а у нас остался *свободным* как был»; «города на Западе... сделались пребыванием людей особого звания, занятых промышленностью, а наши города были те же села», поэтому «не могли сделаться особливим элементом государства»; «победители и побежденные, покорители и покоренные, дали происхождение двум классам на Западе, дворянству и рабам, – а у нас не было ни победы, ни покорения, и не началось никакого различия в правах между пришельцами и туземцами... не началось ни дворянства, ни рабства»¹²⁵.

Погодин указывал, что на Западе завоеватели покоряли земли «одним разом», а «такое действие требовало больших усилий», чем и определились «все их гражданские отношения». У нас же с начала образования государства «последующие двести лет» представляют собой «продолжение первого момента, и составляют с ним нераздельное целое». В результате на Руси «пределы государства распространялись... исподволь, без усилий со стороны князя, без непосредственного участия бояр, без отягощения народа». Сравнив

---

¹²⁵ Погодин М.П. Параллель русской истории... С. 63-68.

Салический закон франков и Русскую Правду, ученый сделал вывод: «В основание государства у нас была положена любовь, а на Западе ненависть»¹²⁶.

Погодин заметил, что к рассмотренным «историческим, бытейским (фактическим) отличиям присоединились... совершенно соответственные отличия физические и нравственные». Ученый показал роль природно-географического фактора в историческом процессе. «*Пространство*» нашей территории «представило невозможность быстрого завоевания»; «народ туземный (славянский) был очень *многочислен* и един по своему происхождению, чего также не представит ни одна страна того времени, Галлия, Британия, Италия... получившие много разнородных обитателей», «это единство сообщало ему твердость, доставляло влияние, коему невольно подчинились малочисленные пришельцы»; «*заселение* не сплошное... при трудных сообщениях, препятствовало в 9 столетии всякому потоку завоевания»; «земля *бедная*... не привлекала завоевателей»; «*климат* суровый, холодный заставлял обитателей жить дома... и не заботиться о делах общественных, делах площади, куда выходили они только в крайней нужде, предоставляя все с охотою князю и его боярам»; «*положение* равное, без гор, одинакое содействовало одинаковости отношений», «феодалу негде было бы выстроить себе замка»; «*система рек*, текущих внутри земли, странное отделение от всех морей... мешали туземцам приходить в соприкосновение с другими народами, получать новые понятия», поэтому «мы... сидели дома, в мире и покое, и подчинились спокойно первому пришедшему»¹²⁷.

Меньше внимания историк уделил разработке тех отличий, которые показывают его понимание понятий «православие» и «народность» из знаменитой формулы. Переходя к «различиям нравственным», Погодин отмечал «*характер* славянский»: славяне вообще «были и есть народ тихий, спокойный, терпеливый», в противоположность «западной раздражительности», поэтому «они и приняли чуждых господ без всякого сопротивления»; «*рели-*

---

¹²⁶ Погодин М.П. Параллель русской истории... С. 69-74.

¹²⁷ Там же. С. 74-78.

гию» – «варяги язычники встретились у нас с славянами язычниками, оставляли одни других в покое», а «западные завоеватели встретились с христианами, и начали действовать друг против друга». Впоследствии «варяги приняли христианскую веру и распространили ее между славянами, принявшими ее также по своему характеру без сопротивления, а на Западе наоборот».

Заметив, что «вера принята у нас восточная, во многом противоположная западной», Погодин заявил: «Не место входить здесь в показание отличий между обеими церквями; мы укажем только на те, кои соответствуют вышеписанным политическим отличиям»: «действуя во вне, западная церковь вошла по необходимости в соприкосновение с светскою властью и получила на время преимущество над ней, а наша, углубляясь внутрь, оставила светскую власть действовать, как ей угодно».

Наконец, историк отметил, что «образование» «у западных племен» уже было – «и гражданское, и умственное – кроме религиозного», и им не хотелось «расстаться с этими сокровищами в жертву варварам»; «у нас гражданского образования не было никакого, а только семейное, домашнее, до которого пришельцы не коснулись»¹²⁸.

Концепция Погодина вызвала критику со стороны представителя славянофильства П.В. Киреевского (1808–1856). В статье 1845 г. он признал за «несомненную истину», что «главное отличие древней России от западной Европы» состоит в образовании государств Запада в результате «завоевания, которого у нас не было». Однако, процитировав слова Погодина о сходстве призвания и завоевания в то время, о невозможности быстрого завоевания нашей территории из-за ее пространства, о характере славян, Петр Васильевич сделал вывод о противоречивости взглядов автора: «Не ясно ли, что если бы так было, то в самом деле призвание и завоевание не только были бы очень близки, схожи между собою, но и совершенно одно и то же? Все различие нашей истории от Западной состояло бы только в том, что там завоевание совершилось вдруг, а у нас мало помалу; что там завоеванные покорены

---

¹²⁸ Погодин М.П. Параллель русской истории... С. 78-80.

силою, а наш народ будто бы сам добровольно подчинился первому пришедшему (?!)...».

П.В. Киреевский привел места из статьи Погодина, которые показывают, что «ничего не было похожего на завоевание, ни на внезапное, ни на постепенное». От себя он добавлял, что «отсутствие личной земельной собственности, а принадлежность земли *целой общине* (деревне или городу) – которая распоряжается ей на мирской сходке – одно из коренных отличий всех славянских народов, совершенно несовместное с завоеванием»¹²⁹.

Отвечая на критику, Погодин привел из Повести временных лет (ПВЛ) «места “о войне, о примучениях, победах, ратях, насилиях, пленениях”, свидетельствующие, что было у нас много похожего на завоевание». Однако «все эти места из летописи» свидетельствуют «о распространении... *дани*» из города, «добровольно поддавшегося, а не завоеванного: Рюрик призван новгородцами; Олег, как прежде Аскольд и Дир, занял Киев без сопротивления...». Отвечая на критику о характере славян, историк писал: «Отнимая у нас терпение и смирение, две высочайшие христианские добродетели, коими украшается наша история, вы служите Западу»¹³⁰.

В 1847 г. о концепции Погодина критически отозвался К.Д. Кавелин: «Представим себе, что народ сильный, независимый, граждански развитой и не поддающийся первому встречному, призовет к себе посторонних властителей. Такое призвание дает ему возможность заключить с призванными условия, обеспечить свои права... Представим себе теперь другой случай, что этот же самый народ будет завоеван пришельцами. Тогда последние делают его безусловными господами и устраивают его судьбу по произволу, неограниченно. Ясно, что в отношении к такому народу различие между завоеванием и добровольным подчинением неизмеримо велико... Но когда племя, едва только начинающее вырабатываться из первоначальной, грубой непосредственности... охотно, безусловно подчиняется всякому, кто захочет

---

¹²⁹ Киреевский П.В. О древней русской истории (письмо к М.П. Погодину) // Москвитянин. 1845. Ч. III. С. 11-18.

¹³⁰ Погодин М.П. Ответ П.В. Киреевскому. С. 48, 50, 55-56.

им владеть, – не следует ли из этого заключить, что оно и не могло быть завоевано, потому что всегда предупреждало завоевателя своею безусловною покорностью и ничем не обеспечивало себя и своих прав...»¹³¹.

В 1898 г. П.Н. Милюков резюмировал положения рассмотренной критики: «Западник и славянофил, Кавелин и П. Киреевский одинаково возражали ему, что всякое различие между призванием и завоеванием уничтожается, если не признавать за местным населением никакого участия в создании государства. Если же признать, что местные условия сами по себе вызвали появление государства, тогда вопрос о судьбе Рюрикова рода придется признать совершенно второстепенным. На этом и настаивали: Кавелин – во имя идеи органичности исторического развития, а Киреевский – во имя уважения к самодеятельности народной стихии»¹³².

Данная критика представляется справедливой, и в теории Погодина действительно усматриваются натяжки, «отчаянные предположения», по словам К.Д. Кавелина, с целью «удержать для начала нашего государства принцип мирного занятия»¹³³. Вместе с тем, следует согласиться с Н.И. Павленко, который в 2003 г. указывал, что «заслуга Погодина состоит в попытке глубже осмыслить исторический процесс и акцентировать внимание на его своеобразии»¹³⁴.

В конце статьи «Параллель...» Погодин подчеркивал: «Эти различия развивались впоследствии и представили из русской истории при общем (родовом) ее подобии, при единстве цели совершенную противоположность с историей западных государств, что касается до ее путей, средств, обстоятельств, формы происшествий...»¹³⁵. Для полноты представления взглядов ученого на соотношение путей развития России и Запада следует остановиться на его мысли о «родовом подобии» их историй.

---

¹³¹ Кавелин К.Д. Исторические труды М.П. Погодина. Стб. 196-197.

¹³² Милюков П.Н. Указ. соч. С. 368.

¹³³ Кавелин К.Д. Исторические труды М.П. Погодина. Стб. 197.

¹³⁴ Павленко Н.И. Указ. соч. С. 128.

¹³⁵ Погодин М.П. Параллель русской истории... С. 81.

Уже процитированный выше исторический афоризм о различии Запада и Востока Европы Михаил Петрович завершил словами: «Западные государства можно почитать продолжением Римской Западной империи; славянские продолжением Восточной. (Я говорю вообще: впрочем, и сии царства, как царства природы, сходятся между собой неприметно)»¹³⁶.

В статье 1832 г. «Взгляд на русскую историю» Погодин писал: «Все европейские великие происшествия, средства для развития, в которых мы по вере, языку и другим причинам не принимали или не могли принять участия, были заменены у нас другими, более или менее: например, следствие крестовых походов в политическом отношении, то есть ослабление феодализма и усиление монархической власти, было произведено у нас *монгольским игом*, а реформацию в умственном отношении заменил нам, может быть, *Петр*»¹³⁷.

В статье 1841 г. «Петр Великий» Михаил Петрович писал: «Россия есть часть Европы, составляет с нею одно географическое целое, и, следовательно, по физической необходимости, должна разделять судьбу ее и участвовать в ее движении...». Рассуждая о необходимости петровских реформ, Погодин указывал: «...Я обращаю внимание новых судей на прежние два периода преобразований, даже более внутренних, более глубоких, действительных, и обнимавших все сословия... которые как будто совсем позабываются ими: я говорю о норманнах, коими из славянского мирного, патриархального семейства образовано бранное государство, и о монголах, коими потрясен был весь характер народный, и изменились все гражданские отношения. Тот и другой переворот были необходимы... точно так же нельзя было не подпасть европейскому влиянию в XVIII веке...».

Рассматривая роль Петра во всеобщей истории, Погодин отмечал: «Образование западное отличается... от восточного: одному принадлежит исследование, другому верование; одному беспокойство, движение, другому спокойствие, пребываемость; одному неудовольствие, другому терпение; стрем-

---

¹³⁶ Погодин М.П. Исторические афоризмы. С. 30.

¹³⁷ Погодин М.П. Взгляд на русскую историю. С. 7.

ление вне и внутрь, сила средобежная и средостремительная, человек западный и восточный. Оба эти образования, отдельно взятые, односторонни, неполны, одному недостает другого. Они должны соединиться между собою, пополниться одно другим и произвести новое полное образование западно-восточное, европейское-русское. Вот здесь лице Петра Великого получает для меня общеисторическое значение, как основателя соединению двух всемирных образований...»¹³⁸.

Мысль об «общем (родовом) подобии» истории Запада и России получила наиболее полное развитие в статье 1845 г. «За русскую старину». Погодин написал ее в ответ на опубликованную в «Московских ведомостях» статью редактора газеты Е.Ф. Корша «Бретань и ее жители», где утверждалось, что «средний век не существовал для нашей Руси, потому что и Русь не существовала для него»¹³⁹. Возражая, Михаил Петрович напомнил: «В 1830-х годах, излагая, в одном из журналов того времени, систему европейской истории Гизо, только что появившуюся у нас, я имел честь заметить знаменитому профессору об его односторонности, и сказать, что истории Запада нельзя выразуметь вполне, не обращая внимания на другую половину Европы, на историю Востока, шедшего с ним параллельно...»¹⁴⁰.

Погодин изложил свое понимание соотношения содержания «среднего века» на Западе и на Руси: «...Тот же процесс у нас совершался, как и там; те же задачи разрешались, только посредством других приемов; те же цели достигались, только другими путями. <...> И у нас было введено христианство, только иначе, мирно и спокойно, с крестом, а не с мечом; и мы начали молиться единому Богу, но на своем языке, понимая свои молитвы, а не перелепывая чужие звуки; и у нас образовалось духовенство, но духовное, а не мирское; и мы преклонялись пред ним, но пред его словом и убеждением, а

---

¹³⁸ Погодин М.П. Петр Великий. С. 344, 351, 358.

¹³⁹ Барсуков Н.П. Указ. соч. Кн. 8. С. 49.

¹⁴⁰ Погодин М.П. За русскую старину. С. 438.

не властью. В политическом отношении было также разделение, междоусобная война, централизация, единодержавие»¹⁴¹.

В статье 1863 г. «Петр Первый и национальное, органическое развитие» ученый повторял высказанные ранее мысли: «И все народы в мире подвергались влиянию один другого... Таков закон истории для всех государств. Мы пришли позднее всех и, как младшие братья, понесли сугубое и трегубое иго: норманны, греки, монголы, немецкие и прочие выходцы, родоначальники наших дворянских фамилий, действовали последовательно на Россию до Петра. <...> Для тучной русской почвы нужно европейское семя, и вот необходимость, законность Петра! <...> Крайности никуда не годятся; с западной стороны упасть в пропасть нигилизма, или с восточной – все равно: прямая дорога посредине»¹⁴².

Таким образом, при изучении вопроса о соотношении исторических путей России и Западной Европы Погодин более тщательно разработал идею их коренной противоположности. Именно эта его мысль, как правило, подчеркивается исследователями. Однако для получения более полного представления о взглядах ученого на данную проблему следует учитывать его идею о решении Россией и Западной Европой в ходе развития одинаковых по своему роду задач, о неразрывной связи судеб Западной и Восточной Европы, о необходимости изучать историю России в контексте общеевропейской истории.

В литературе обсуждается вопрос о соотношении общественно-политических взглядов Погодина и его современников славянофилов. Михаил Петрович был лично знаком и даже находился в тесных дружеских отношениях с наиболее яркими представителями этого известного течения общественно-политической мысли. Например, он был близок с семьей Аксаковых (в том числе принимал участие в воспитании К.С. Аксакова), был дружен с А.С. Хомяковым, его учениками были Ю.Ф. Самарин, В.А. Черкасский. С

---

¹⁴¹ Погодин М.П. За русскую старину. С. 439-440.

¹⁴² Погодин М.П. Петр Первый. С. 379-380, 400.

ними Погодин обсуждал актуальные проблемы современности, вопросы истории. Как отмечал сам ученый, идея статьи о соотношении исторических путей России и Западной Европы зародилась у него после разговора с И.В. Киреевским. И Михаил Петрович, и славянофилы проявляли интерес к разработке одинаковых проблем, например, вопросов, связанных с особенностями развития России, с начальным этапом ее истории. Ключевые понятия их концепций – «православие, самодержавие, народность» – были одинаковыми. Именно это привело к появлению в литературе утверждений о тождестве взглядов славянофилов и Погодина.

Здесь уместно обратиться к выводам 1986 г. Н.И. Цимбаева, к которым он пришел в результате исследования проблемы употребления терминов «славянофильство», «славянофил» на протяжении XIX – начала XX в.: «“Славянофильство” – многозначный научный термин. <...> XIX век знал не одних московских славянофилов, но и славянофилов-шишковистов, славянофилов-славянолюбов. Долгое время бытовало понимание славянофильства как национализма, а имя славянофилов принимали представители крайней националистической реакции».

Н.И. Цимбаев также отметил, что «как условное понятие, укоренившееся в исторических и историко-литературных работах с начала XX в... “славянофильство” служит для обозначения самых разных явлений русской политической и общественной жизни в хронологическом интервале от IX до XX в.», но «научной цены такое понятие не имеет, оно – фантом»¹⁴³.

После имевшего распространение в начале XIX в. понимания термина «славянофил» в смысле шишковиста, противника преобразований в русском языке, сторонника сохранения в нем старославянских и церковнославянских слов, «в 1830-е годы слово “славянофил” было как бы изобретено вторично». Новое значение – «человек, любящий славян, равнодушный к их прошлому и настоящему, преданный их культурным и политическим интересам».

---

¹⁴³ Цимбаев Н.И. Славянофильство. С. 54-55.

Н.И. Цимбаев пояснял, что «утеря чувства меры, историко-культурной перспективы, научной объективности делала человека, занимающегося славянскими изысканиями, славянофилом, славянолюбом», а одним из центров «славянских штудий» был журнал «“Москвитянин”, начатый М.П. Погодиным при ближайшем участии С.П. Шевырева в 1841 г.», книжки которого «были наполнены материалами о славянских народах, общими рассуждениями о славянстве и его великой роли в истории человечества». Таким образом, заключал Цимбаев, «крупнейшим славянофилом-славянолюбом в русском обществе 1840–1850-х годов был М.П. Погодин»¹⁴⁴.

Однако «истинным славянофилом» (определение Н.Г. Чернышевского для обозначения представителей собственно славянофильской мысли) Погодин не был. Для подтверждения этого тезиса сравним концепцию Михаила Петровича со взглядами одного из самых выдающихся представителей славянофильства И.В. Киреевского по вопросу о соотношении исторических судеб России и Западной Европы, обозначая то содержание, которое последний вкладывал в понятия «православие, самодержавие, народность». Наиболее полно воззрения Ивана Васильевича представлены в его статье 1852 г. «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России. (Письмо к гр. Е.Е. Комаровскому)», хотя некоторые мысли этой работы высказаны им в 1838 г. в статье «В ответ А.С. Хомякову»¹⁴⁵.

Киреевский утверждал, что «англичанин, француз, итальянец, немец никогда не переставал быть европейцем, всегда сохраняя притом свою национальную особенность», а «русскому человеку, напротив того, надобно было почти уничтожить свою народную личность, чтобы сродниться с образованностью Западной».

---

¹⁴⁴ Цимбаев Н.И. Славянофильство. С. 17-19, 33-34.

¹⁴⁵ Киреевский И.В. В ответ А.С. Хомякову // Он же. Полное собрание сочинений в двух томах. Т. I / Под ред. М.О. Гершензона. М., 1911. С. 109-120; Он же. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России. (Письмо к гр. Е.Е. Комаровскому) // Там же. С. 174-222.

Иван Васильевич указывал, что христианство «в Западную Европу проникало» только «через Церковь Римскую». Далее, «образованность древнего дохристианского мира, – второй элемент, из которого развилось просвещение Европы, – была известна Западу до половины 15-го века почти исключительно в том особенном виде, какой она приняла в жизни древнего языческого Рима».

Киреевский подчеркивал, что «почти ни в одном из народов Европы государственность не произошла из спокойного развития национальной жизни и национального самосознания». Произошло обратное – «общественный быт Европы, по какой-то странной исторической случайности, почти везде возник насильственно, из борьбы насмерть двух враждебных племен»¹⁴⁶.

Сравнивая Западную Европу с Россией, Киреевский констатировал: «Эти три элемента Запада: Римская Церковь, древнеримская образованность и возникшая из насилий завоевания государственность, были совершенно чужды древней России. Приняв учение христианское от Греции, она постоянно находилась в общении со Вселенскою Церковью. Образованность древнеязыческого мира переходила к ней уже сквозь учение христианское, не действуя на нее односторонним увлечением...» Также «основные понятия человека о его правах и обязанностях, о его личных, семейных и общественных отношениях не составлялись насильственно из формальных условий враждующих племен и классов...».

Показывая влияние наследия древнего Рима на развитие западноевропейских народов, мыслитель отмечал: «...Отличительный склад римского ума заключался в том именно, что в нем наружная рассудочность брала перевес над внутреннею сущностью вещей», что нашло яркое воплощение в «законах римских, где стройность внешней формальности доведена до столь изумительного логического совершенства, при изумительном тоже отсутствии внутренней справедливости»¹⁴⁷.

---

¹⁴⁶ Киреевский И.В. О характере просвещения Европы... С. 182-184.

¹⁴⁷ Там же. С. 184-189.

Обращаясь к следствиям образования государств в результате завоевания, Иван Васильевич писал: «...Развитие права гражданского в западных государствах получило тот же смысл внешней, спорно-буквальной формальности, какой лежал в самой основе общественных отношений. <...> Этим объясняется, между прочим, от чего, чужое для европейских народов, римское право так легко могло привиться к ним... Но, начавшись насилием, государства европейские должны были развиваться переворотами...».

Поскольку Русь приняла христианство из Византии, Киреевский указал на главную особенность восточного богословия: «...Стремясь к истине умозрения, восточные мыслители заботятся прежде всего о правильности внутреннего состояния мыслящего духа; западные – более о внешней связи понятий. Восточные, для достижения полноты истины, ищут внутренней цельности разума: того, так сказать, средоточия умственных сил, где все отдельные деятельности духа сливаются в одно живое и высшее единство. Западные, напротив того, полагают, что достижение полной истины возможно и для разделившихся сил ума...».

В результате мирного образования Древнерусского государства «спокойно и естественно совершалось» формирование «общественных и государственных отношений, без всяких насильственных нововведений, единственно вследствие внутреннего устройства» его «нравственных понятий». Со времени же принятия «христианства, нравственные понятия русского человека изменились», поэтому «все общественное устройство Русской земли должно было в своем развитии принять также направление христианское». Вследствие «таких естественных, простых и единодушных отношений» в древнерусском праве «внутренняя справедливость брала... перевес над внешнею формальностью»¹⁴⁸.

Киреевский выделил еще несколько отличий России от Западной Европы, связанных с уже указанными. Одно из коренных – «понятия о праве земельной собственности». Все «здание западной общественности стоит на

---

¹⁴⁸ Киреевский И.В. О характере просвещения Европы... С. 191-192, 201-202, 204, 206-207.

развитии этого личного права собственности». На Руси же «общине земля принадлежит потому, что община состоит из семей, состоящих из лиц, могущих землю возделывать».

На Западе «человек раздробляет свою жизнь на отдельные стремления», а русский человек «каждое важное и неважное дело свое всегда связывал непосредственно с высшим понятием ума и с глубочайшим средоточием сердца». На Руси «каждый член семьи, при всех своих беспрестанных трудах и постоянной заботе об успешном ходе всего хозяйства, никогда в своих усилиях не имеет в виду своей личной корысти». Напротив, «цельность семьи есть одна общая цель и пружина». На Западе же «ослабление семейных связей было следствием общего направления образованности...».

Закономерны различия и в сфере материальной жизни: «При таком устройстве нравов, простота жизни и простота нужд... требовалась самым характером основного просвещения. На Западе роскошь была не противоречие, но законное следствие раздробленных стремлений общества и человека...». Там «человек искал развитием внешних средств облегчить тяжесть внутренних недостатков», на Руси он «стремился внутренним возвышением над внешними потребностями избежать тяжести внешних нужд».

Отличны и пути нравственного поиска. Если «случится, что самые наружные действия» западного человека «придут в противоречие с общепринятыми понятиями о нравственности», то «он выдумывает себе особую, оригинальную систему нравственности». На Руси же человек «при уклонениях от истинного пути... не ищет обмануть себя каким-нибудь хитрым рассуждением», но, «даже в самые страстные минуты увлечения, всегда готов сознать его нравственную незаконность»¹⁴⁹.

Подводя итог работе, Киреевский сформулировал двадцать четыре отличия пути развития России и Западной Европы и заключил: «...Если справедливо сказанное нами прежде, *то раздвоение и цельность, рассудочность и*

---

¹⁴⁹ Киреевский И.В. О характере просвещения Европы... С. 209-212, 214, 216.

разумность, будут последним выражением Западно-Европейской и древне-Русской образованности»¹⁵⁰.

Таким образом, в сочинении Киреевского представлена славянофильская разработка понятий, составляющих знаменитую формулу: «православие, самодержавие, народность». В том же направлении об этих началах писали и другие выдающиеся представители рассматриваемого идейного течения. В частности, А.С. Хомяков в целом соглашался со взглядами Ивана Васильевича, особенно в вопросе об отличии восточного христианства от западного. К.С. Аксакову принадлежит известная теория о русском народе, избравшем путь «внутренней» правды, нравственного совершенствования, и государстве на Руси как выразителе правды «внешней», писаного закона. Ю.Ф. Самарин внес вклад в разработку понятия «народности» на примере ее проявления в науке¹⁵¹.

В начале XX в. в ряде статей, составивших триптих «Православие. Самодержавие. Народность», Д.А. Хомяков (сын известного мыслителя) обобщил и представил взгляд славянофилов на содержание данных понятий: «Значение Православия как основной стихии русской понималось вполне ясно “славянофилами” и в его высшем значении, чисто церковном; понималось оно и в том смысле, в каком оно отлагалось в народной жизни, как начало просветительно-бытовое, истекающее из Православия чисто церковного, т.е. применяющее высшее учение веры к тем бытовым вопросам, которые разрешаются, с одной стороны, в образовании народного типа, а с другой – в формировании государства такого или иного строя». Продолжая разработку взглядов своих предшественников, Д.А. Хомяков изучил «на основании Православия сложившееся мировоззрение, которое создало русский народ, каков

---

¹⁵⁰ Киреевский И.В. О характере просвещения Европы... С. 217-218.

¹⁵¹ Хомяков А.С. По поводу статьи И.В. Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» // Он же. Полное собрание сочинений. 3-е изд. Т. I. М., 1900. С. 197-260; Аксаков К.С. Об основных началах русской истории // Он же. Государство и народ. М., 2009. С. 298-312; Он же. О русской истории // Там же. С. 312-320; Самарин Ю.Ф. Два слова о народности в науке // Он же. Православие и народность. М., 2008. С. 427-439.

он есть; он же, в свою очередь, создал себе государственную форму – Самодержавие»¹⁵².

Значение этого строя славянофилы понимали следующим образом: «Величие Самодержавия заключается в величии народа, добровольноверяющего ему свои судьбы, но вовсе не в нем самом, не в том, что оно есть совершенная форма государственного правления, ибо само по себе оно не плохо и не хорошо; и может быть и полезно, и вредно, смотря по своему применению»¹⁵³.

Рассуждая в русле славянофильской мысли, Хомяков писал: «Вся суть реформы Петра сводится к одному – к замене русского Самодержавия – абсолютизмом. <...> Власть ради власти, автократорство ради самого себя, самодавляющее – вот чем Петр и его преемники, а за ним их современные апологеты, стремились заменить живое народное понятие об органическом строе государства, в котором Царь – глава, народ – члены, требующие для правильного действия своего “взаимодействия” и “органической” связи, при наличии которых “свобода” власти не исключает зависимости своей от общих всему народному организму начал; при ней же свобода власти – не произвол, а зависимость народа – не рабство»¹⁵⁴.

Разрабатывая понятие «народность», славянофилы указывали «на своеобразности нашей истории, нашего политического строя, наших народных понятий и обычаев», «на те в современности сохранившиеся особенности, которыми дорожит народ, и на те в прошедшем усматриваемые явления, которые по своей жизненности и доселе соответствуют истинным потребностям русского человека».

Больше всего «упирали они на то, что главный коэффициент русской народности заключается в ею излюбленной вере, христианской, православной, и потому они всячески старались выяснить, в чем именно состоит жиз-

---

¹⁵² Хомяков Д.А. Православие. Самодержавие. Народность / Составление, вступ. ст., примечания, именной словарь А.Д. Каплина / Отв. ред. О.А. Платонов. М., 2011. С. 43.

¹⁵³ Там же. С. 214.

¹⁵⁴ Там же. С. 159.

ненное отличие Православия от инославий и в чем это воздействие Православия выражалось в исторической социально-политической жизни русского народа и выражается доселе в народном обиходе и народных понятиях». В итоге, «возвратить русскому народу истинную, вполне его достойную интеллигенцию, служащую выражением не своих личных, хотя бы и глубочайших мыслей, а мыслей, понятий и верований самого народа, – такова была задача славянофилов...»¹⁵⁵.

Хомяков указывал, что смысл формулы «православие, самодержавие, народность» для правительства «выражался так: “абсолютизм, освященный верою и утвержденный на слепом повиновении народа, верующего в его божественность”»¹⁵⁶. В таком понимании, в отличие от славянофильского, триада и обозначается как теория «официальной народности», представителем которой был М.П. Погодин.

Необходимо также сказать о соотношении взглядов Михаила Петровича и западников на начальную историю Руси. В 40–50-х гг. XIX в. заметное место в науке занимала теория родового быта, согласно которой все явления древнерусской истории объяснялись господством родовых отношений. Наиболее крупными представителями этой концепции были западники К.Д. Кавелин и С.М. Соловьев, также ее придерживался Б.Н. Чичерин¹⁵⁷. Известный западник Т.Н. Грановский разрабатывал тему родовых отношений у древних германцев.

Погодин был противником этой теории, однако не посвятил ее опровержению специального исследования на конкретном историческом матери-

---

¹⁵⁵ Хомяков Д.А. Указ. соч. С. 261, 263-266.

¹⁵⁶ Там же. С. 42.

¹⁵⁷ Кавелин К.Д. Взгляд на юридический быт Древней России // Он же. Собрание сочинений. Т. I. Стб. 5-66; Он же. Быт русского народа. Соч. А. Терещенки. СПб., 1848 // Он же. Собрание сочинений. Т. IV. Этнография и правоведение / Под ред. Л.З. Слонимского, Д.А. Корсакова. СПб., 1900. Стб. 66-79; Соловьев С.М. Очерк нравов, обычаев и религии славян, преимущественно восточных, во времена языческие // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России / Н.В. Калачов. Кн. I. М., 1850. С. 1-54; Он же. История России с древнейших времен. Т. 1-2. С. 90-93; Он же. Шлецер и антиисторическое направление // РВ. 1857. Т. 8. С. 431-480; Чичерин Б.Н. Современные задачи русской жизни // Голоса из России. Сборники А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Вып. 2. М., 1974. С. 59.

але с подробным разбором всех аргументов. Ученый, как было показано выше, выступал против объяснения многообразных явлений начальной истории Руси с позиции какого-либо одного начала (статьи «О трудах гг. Беляева, Бычкова, Калачова, Попова, Кавелина, Соловьева по части русской истории» (1847), «Об историческом значении царствования Бориса Годунова. Сочинение П. Павлова» (1850), «Послание к г. Кавелину» (1850)). Хотя при этом он привел и некоторые конкретные исторические факты, противоречащие теории родового быта.

Однако подробное ее опровержение на основании различных источников с тщательным разбором основных положений и аргументации в изложении, прежде всего, С.М. Соловьева и К.Д. Кавелина (а также Н.В. Калачова¹⁵⁸) принадлежит славянофилу К.С. Аксакову¹⁵⁹. В противоположность данной концепции он показал, что «русская земля есть изначально наименее патриархальная, – наиболее семейная и наиболее общественная (именно общинная) земля»¹⁶⁰. В рецензии на его статью 1852 г. «О древнем быте славян вообще и русских в особенности» Погодин отмечал, что «наши отрывочные указания оправдались в полной мере», «везде и всегда видны были семья и община, а не род». При этом ученый, имея в виду свои работы, выразил сожаление, что К.С. Аксаков «не упомянул ни слова о прежних возражениях родовому быту»¹⁶¹. Грановский тоже высоко оценил статью Аксакова и признал, что «ошибки Соловьева и Кавелина очевидны»¹⁶².

Таким образом, и славянофилы, и М.П. Погодин, рассматривая вопрос о путях развития России и Западной Европы, говорили о своеобразии истории России. И Михаил Петрович, и славянофилы обращали внимание на об-

---

¹⁵⁸ Калачов Н.В. О значении изгоев и состоянии изгойства в Древней Руси // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Кн. I. С. 57-72.

¹⁵⁹ Аксаков К.С. Родовое или общественное явление был изгой // Он же. Полное собрание сочинений. Т. I / Под ред. И.С. Аксакова. М., 1861. С. 27-38; Он же. О древнем быте славян вообще и русских в особенности // Там же. С. 59-124; Он же. Замечания на статью г. Соловьева: «Шлецер и антиисторическое направление» // Там же. С. 173-213; Он же. По поводу той же статьи г. Соловьева // Там же. С. 214-216.

¹⁶⁰ Аксаков К.С. О древнем быте славян вообще и русских в особенности. С. 124.

¹⁶¹ Барсуков Н.П. Указ. соч. Кн. 12. СПб., 1898. С. 120-121.

¹⁶² Там же. С. 121.

разование Древнерусского государства в результате мирного призвания варягов, а не насильственного завоевания, как было на Западе. Погодин, однако, уделял в основном внимание только этой мысли, для него первостепенную важность имела идея общественно-политического характера о невозможности революции в России по типу западной.

Из трех понятий формулы «православие, самодержавие, народность» Погодин основное внимание уделил разработке второго. Он много писал о формировании институтов государства на Руси – о княжеской власти, о ее отношении к дружине, боярству, земле, земледельцам. Славянофилы говорили об этом с точки зрения проявления особенностей русского народа, создающего соответствующий его представлениям государственный строй. Они много внимания уделили особенностям восточного и западного христианства и влиянию этих отличий на духовное развитие Запада и России. Погодин, хотя и указал на принятие Русью христианства из Константинополя, а Западной Европой из Рима, не развил этой мысли столь глубоко, как представители славянофильской мысли, отметив те особенности православия, которые соответствовали выделенному им политическому отличию. С той же позиции Михаил Петрович указывал на основные черты характера русского человека. Славянофилы же рассматривали главные качества русского народа как самоценные, с религиозно-философской точки зрения, не подчиняя этот вопрос выводам политического характера.

Таким образом, хотя Погодин и славянофилы писали об основных началах русской жизни, выраженных в формуле «православие, самодержавие, народность», нельзя отождествлять их взгляды и относить Михаила Петровича к представителям славянофильства, поскольку эти понятия у них имели различное содержание. Концепция Погодина выражает охранительный вектор общественно-политической мысли, а славянофилов – историософский. Необходимо отметить и различие взглядов Михаила Петровича и западников на начальную историю Руси: ученый был противником теории ро-

дового быта, которая разрабатывалась наиболее яркими представителями западничества.

§ 3. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ

М.П. ПОГОДИНА

Концепция Погодина своеобразия начальной истории Руси лежит не только в области его научных занятий, но и имеет прямое отношение к общественно-политической позиции ученого. Как заметил в 2003 г. Н.И. Павленко, «от бесконфликтного прошлого Погодин протягивал нить к бесконфликтному настоящему». В такой идее «нуждалась официальная политическая доктрина – в теоретическом и историческом обосновании уваровской триады: православие, самодержавие, народность»¹⁶³. Основная идея концепции Погодина соответствует словам манифеста 13 июля 1826 г., посвященного событиям 14 декабря 1825 года: «Не в свойствах, не в нравах русских был сей умысел»¹⁶⁴. Поэтому в науке часто встречается оценка исследовательской деятельности Михаила Петровича именно в связи с его общественно-политическими взглядами.

Однако Погодин не раз доказывал, что имел собственный взгляд на актуальные вопросы и события современности и не боялся публично его высказывать. Например, в газете «Парус» в 1859 г. Михаил Петрович опубликовал статью «Прошедший год в русской истории» с обзором внешнеполитической ситуации. Главный цензурный комитет обвинил его во вмешательстве как частного лица в соображения правительства, и газета была запрещена. Тогда историк направил письмо министру народного просвещения Е.П. Ковалевскому¹⁶⁵. В нем Погодин, как заметил Н.И. Павленко, «защищая себя, выступал, выражаясь современным языком, защитником прав человека, гражданина, имеющего право на собственное мнение». Письмо отличалось резкостью, что «заставляет вспомнить... слова С.М. Соловьева об удиви-

¹⁶³ Павленко Н.И. Указ. соч. С. 102.

¹⁶⁴ Барсуков Н.П. Указ. соч. Кн. 2. С. 31.

¹⁶⁵ РГАЛИ. Ф. 373. Оп. 2. Ед. хр. 8.

тельной отваге Михаила Петровича, его способности дерзко высказывать мысли, о которых прочие хранят молчание»¹⁶⁶. Ходил слух, что в связи с позицией Погодина император Александр II сказал: «Министром сделать не могу, в Сибирь послать не хочу. Оставить так»¹⁶⁷.

В 1861 г. Михаил Петрович опубликовал статью «Три вечера», где обличительно высказался о высшем свете за чрезмерную его роскошь, за что едва не был отправлен в ссылку в Вятку. В одном письме по поводу этих событий он говорил: «Герцен пишет, что русское правительство поддерживается штыками и статьями Погодина. В Москве кричат, что я устроил народные демонстрации в честь государя. А в Петербурге утверждают, что я подрываю государственный кредит и хочу произвести общее расстройство». Этот эпизод биографии Погодина Н.И. Павленко характеризует как «парадокс», случившийся «в жизни ершистого и строптивого, но верного служителя трона»¹⁶⁸.

Ярким примером являются сочиненные им в период Крымской войны письма и записки, в которых он указывал на ошибки в области внутренней и внешней политики Николая I. По оценке Н.И. Павленко, эта критика «правительственной политики вопреки субъективным намерениям прослыть верно-подданным трону, объективно подрывала устои существовавшего режима», а сам Погодин «являлся едва ли не первым автором, чьи не подвергавшиеся цензуре сочинения широко распространялись в обществе и вызывали его одобрение»¹⁶⁹.

Рассматривая итоги поддержки Россией на международной арене принципа законного порядка, Михаил Петрович в 1854 г. заключал: «Касательно законного порядка, он сохранился, и то отчасти, в смежных государствах, к новому для нее вреду, – следовательно, политика ее была неверная, и

---

¹⁶⁶ Павленко Н.И. Указ. соч. С. 229-230.

¹⁶⁷ Барсуков Н.П. Указ. соч. Кн. 16. СПб., 1902. С. 319-358.

¹⁶⁸ Барсуков Н.П. Указ. соч. Кн. 18. СПб., 1904. С. 510-520; Павленко Н.И. Указ. соч. С. 230-231.

¹⁶⁹ Павленко Н.И. Указ. соч. С. 245.

должна перемениться...»¹⁷⁰. Теперь следует «обратиться к народам» Европы и «поставить одну половину ее на другую», что будет не «революцией», а «освобождением народов от чуждого ига»¹⁷¹. Внешняя политика негативно влияла на внутреннюю. Из-за расходов на армию не удовлетворялись «самые крайние нужды». В итоге, «посвящая свои труды и заботы чужим делам, мы пренебрегли собственными и привели их в бедственное положение»¹⁷².

Опасаясь революции, правительство препятствовало «распространению образования в народе», стало «стеснять печать и не допускать ни малейшего рассуждения о власти». Литература «подверглась такому же гонению»: «Никакого злоупотребления нельзя стало выставлять на сцену, даже издали». «Вредна и пагубна» идея существования тайной полиции, «удушлив страх, хоть и не основательный, ею внушаемый». Историк считал, что «злоупотреблениями своими власть ослабляется гораздо больше, нежели свободными суждениями об ее действиях»¹⁷³.

Михаил Петрович предложил меры для решения существующих проблем: введение гласности и распространение образования. С помощью гласности «будет приобретать, со всех сторон, лучшие и вернейшие средства правительство», «возродится и утвердится общественное мнение». Образование, «проникая во все должности, воздействует благотворнее всяких узаконений, будет постепенно исправлять зло и сеять добро»¹⁷⁴.

Историк предлагал в 1855 г. в качестве возможной меры созвать представителей народа в совещательных целях: «...Пусть велит государь пригласить к нему... добрых и умных людей... и все русские люди... посоветуются между собою искренно и любовно, и представят царю по древнему обычаю откровенные мнения о всех современных вопросах, внешних и внутрен-

---

¹⁷⁰ Погодин М.П. Взгляд на русскую политику в нынешнем столетии // Он же. Историко-политические письма... С. 93.

¹⁷¹ Погодин М.П. Против мысли о содействии войною революционному движению в Европе // Он же. Историко-политические письма... С. 199-200.

¹⁷² Погодин М.П. О влиянии внешней политики на внутреннюю. С. 246-249.

¹⁷³ Там же. С. 255-260.

¹⁷⁴ Там же. С. 268.

них...»¹⁷⁵. В 1856 г. Погодин заявил о необходимости отмены крепостного права: «Объявите твердое намерение освободить постепенно крестьян, определяя ежегодно известную сумму из государственных доходов, для выкупа их по жребью, или в награду за хорошее поведение... а исполниться оно может в неопределенное время, без малейшего ущерба дворянству...»¹⁷⁶.

Отметим также, что Михаил Петрович отнюдь не проявлял угодливости в отношениях с С.С. Уваровым. Когда министр народного просвещения в 1841 г. предложил Погодину возглавить свою канцелярию, то историк выставил ряд условий, обеспечивавших ему определенную самостоятельность, при этом не постеснявшись отметить ряд недостатков лично у Уварова как государственного деятеля: «...я осмеливаюсь сказать теперь о двух главных недостатках, которые, кажется мне, имеее вы, как государственный человек. <...> Вы увлекаетесь часто пылкостью вашего характера и быстротою соображения... Как ваш директор, как охранитель вашей истинной славы, я не буду допускать... грубой лести, которую вы иногда допускаете до себя, вследствие той же пылкости характера...»¹⁷⁷. Погодин вспоминал: «Из такого письма министр увидал, разумеется, что я хочу быть его советником и даже нянькою; а он хотел найти во мне только верного, беспрекословного и способного исполнителя его распоряжений и выразителя его мыслей»¹⁷⁸.

Представляется продуктивным рассмотреть конкретные действия Погодина, его основную деятельность в общественно-политической жизни, что поможет отнести его воззрения к определенному направлению. Наиболее значительным фактом в этом отношении является преподавание Михаилом Петровичем русской истории в Московском университете. Для нас важно знать, как сам ученый определял свои задачи на этом поприще. Однако прежде необходимо обозначить те общественно-политические условия, в ко-

---

¹⁷⁵ Погодин М.П. Потребности минуты // Он же. Историко-политические письма... С. 315.

¹⁷⁶ Погодин М.П. Гроза над Россией. Средства получить мир или продолжать войну // Он же. Историко-политические письма... С. 338-339.

¹⁷⁷ Погодин М.П. Для биографии графа Сергея Семеновича Уварова. Стб. 2085-2088; Барсуков Н.П. Указ. соч. Кн. 6. СПб., 1892. С. 30-33.

¹⁷⁸ Погодин М.П. Для биографии графа Сергея Семеновича Уварова. Стб. 2090.

торых приходилось действовать Погодину. Он возглавлял кафедру русской истории в 1835–1844 гг., хотя преподавал в университете и раньше.

Эти годы приходятся на правление Николая I, на то время, когда во главе Министерства народного просвещения стоял С.С. Уваров. Свой взгляд на политику правительства в сфере образования будущий министр, а тогда его товарищ, изложил в отчете после обзора в 1832 г. Московского университета: «...В общем смысле дух и расположение умов молодых людей ожидают только обдуманного направления... я твердо уповаю, что нам остаются средства... постепенно завладевши умами юношества, привести оное почти нечувствительно к той точке, где слиться должны к разрешению одной из труднейших задач времени, образование правильное, основательное, необходимое в нашем веке, с глубоким убеждением и теплою верой в истинно русские охранительные начала *Православия, Самодержавия и Народности*, составляющие последний якорь нашего спасения и вернейший залог силы и величия нашего Отечества»¹⁷⁹.

Очевидно, для реализации обозначенных целей правительство должно было назначать преподавателями в одно из важнейших высших учебных заведений страны определенных людей. Поэтому утверждение Погодина в качестве главы кафедры русской истории уже само по себе достаточно красноречиво. Сам ученый демонстрировал соответствующее понимание своих задач. В сентябре 1832 г. в присутствии Уварова он прочитал лекцию, которую завершил словами: «...*Российская история может сделаться охранительницею и блюстительницею общественного спокойствия, самую верною и надежною*»¹⁸⁰.

Свой взгляд на ту роль, которую должна играть русская история в сфере просвещения, и на свои задачи как историка Погодин очень ярко и определенно высказал в ходе переписки с Уваровым в 1841 г. по поводу предложенного ему места директора канцелярии министра народного просвещения.

---

¹⁷⁹ Барсуков Н.П. Указ. соч. Кн. 4. С. 82-83.

¹⁸⁰ Там же. С. 78.

Отвечая, Михаил Петрович в качестве одной из своих задач обозначил следующую: «Я желаю... приготовить в продолжение двух-трех лет несколько молодых людей на кафедру русской истории, приготовить так сказать фундаментально, по подлинным источникам и памятникам, проникнуть их одним духом, дать им одно направление, согласное с намерениями правительства, с пользою Отечества, со всеми его данными, прошедшими, настоящими и будущими, под просвещенным наблюдением вашим, по вашим указаниям и наставлениям, и таким образом обеспечить судьбу русской истории, надолго застраховать сколько возможно образ мыслей и следовательно и действий будущих поколений»¹⁸¹.

Также весьма показательны слова историка, которыми он встретил удостоившего его своим визитом министра 27 июля 1841 г.: «Я могу сказать... что никогда русское ученое сословие, обеспеченное и успокоенное стараниями вашего высокопревосходительства, не получало от правительства такого знака внимания, участия, уважения, какое получаю я теперь в вашем посещении моей ученой кельи. <...> Примите же изъявление глубочайшей признательности от всего сословия, которого в эту минуту я имею счастье быть случайным представителем; примите уверение, что оно живо чувствует все ваши отеческие попечения и потщится всеми силами, проходя свое служение под вашим руководством, в духе *Православия, Самодержавия и Народности*, заслуживать более и более милость царскую»¹⁸².

Ученики и современники Погодина оставили воспоминания о том направлении, в котором были выдержаны лекции и труды исследователя. А.Д. Галахов говорил: «Любовь Погодина к Отечеству по своей искренности, силе и неизменности должна служить образцовым примером. Справедливо замечание Карамзина, что патриотизм требует размышления, но это относится ко второй высшей его степени, на которую восходят путем самосознания,

---

¹⁸¹ Погодин М.П. Для биографии графа Сергея Семеновича Уварова. Стб. 2083-2085; Барсуков Н.П. Указ. соч. Кн. 6. С. 28-30.

¹⁸² Погодин М.П. Речи, произнесенные в торжественных и прочих собраниях. С. 37; Барсуков Н.П. Указ. соч. Кн. 6. С. 158-159.

т.е. изучением характера, истории и настоящего положения народа. На первой же ступени действует непосредственное влечение к родине, данное от природы, всасываемое с молоком матери. Многие ни во что ставят эту инстинктивную привязанность, видят в ней нечто неразумное и даже обозвали ее “квасным патриотизмом”: это большая ошибка. Предосудительно навсегда замкнуться в пределах инстинктивного чувства, но внести его, как элемент, в сознание необходимо для полноты укрепления. <...> В патриотизме Погодина мы именно видим неразрывное сочетание обоих элементов: непосредственного (инстинктивного) и посредственного (сознательного)»¹⁸³.

Ученик Погодина Ф.И. Буслаев отмечал, что «консерватизм Михаила Петровича был воспитан методом и материалом самой науки, которой он посвятил всю свою жизнь. Это был консерватизм беспристрастного историка и критика исторических материалов. Михаил Петрович видел в старине не одно отжившее, но и основу всему последующему, видел в ней живой принцип и семена для будущих начинаний и развитий, видел в ней источники прогресса. <...> Такой консерватизм уживается с переменами в течении времени и улаживает себя в новых обстановках. <...> Потому... он постоянно боролся с плохим, ложно понятым новаторством, указывая в нем самом принцип разрушения, на том основании, что оно враждебно относится к прошедшему и стоит за тот лишь настоящий момент, в который полагает господствовать авторитетно, и потому и само оно, как новизна, как мода, обрекает себя на кратковременность и падает под ударами новых попыток такого же живучего новаторства»¹⁸⁴.

Другой ученик Погодина известный славянофил Ю.Ф. Самарин вспоминал: «Чему нас выучил Погодин, я не могу сказать, передать содержание его лекций я был бы не в состоянии; но мы были наведены им на совершенно новое воззрение на русскую историю и русскую жизнь вообще. Формулы западные к нам не применяются; в русской жизни есть какие-то особенные,

---

¹⁸³ Галахов А.Д. Указ. соч. С. 141-142.

¹⁸⁴ Буслаев Ф.И. Указ. соч. С. 252-253.

чуждые другим народам, начала; по иным, еще не определенным наукою законам совершается ее развитие. <...> До Погодина господствовало стремление отыскивать в русской истории что-нибудь похожее на историю народов западных; сколько мне известно, Погодин первый, по крайней мере, первый для меня и для моих товарищей, убедил в необходимости разъяснения явлений русской истории из нее самой»¹⁸⁵.

В 1891 г. Н.П. Барсуков, приводя эти свидетельства, подкреплял ими свое утверждение: «В продолжение всей своей жизни Погодин был неизменным служителем и проповедником этих трех коренных начал нашей русской жизни: *Православия, Самодержавия и Народности*». Также автор биографии Михаила Петровича указал на его «счастливое выражение» о знаменитой формуле Уварова: «...это “твердые, крепкие столпостены, на которых, под державою Мономахова потомства, Святая Русь удержалась, удерживается и удержится до тех пор, пока они не будут поколеблены в своих заветных, священных основаниях”»¹⁸⁶. В конце жизни, в 1873 г., историк следующим образом оценивал триединую формулу: «Давления она никакого не производила и производить не могла». В ней «появилось впервые слово “народность”, в официальном языке до тех пор неслыханное», и «за одно это слово должно помянуть добром Уварова»¹⁸⁷.

Другим важным фактом общественно-политической деятельности Погодина является издание им в 1841–1856 гг. журнала «Москвитянин». Говоря об этом, необходимо обратить внимание на те условия, в которых осуществлялось данное предприятие ученого. Годы правления Николая I, особенно последние, отличались тщательным контролем за печатью и строгой цензурой. Периодическое издание могло рассчитывать на существование только при условии соответствия своих позиций идеологическим требованиям власти. Несоблюдение этого условия приводило к прекращению деятельности печатного органа. В качестве примера случаев, когда именно несоответствие

---

¹⁸⁵ Самарин Ю.Ф. Из воспоминаний об университете. С. 19.

¹⁸⁶ Барсуков Н.П. Указ. соч. Кн. 4. С. 2-5.

¹⁸⁷ Погодин М.П. К вопросу о славянофилах. С. 506.

общественно-политических позиций журнала установленным требованиям повлекло за собой его запрет, можно вспомнить судьбу «Европейца» И.В. Киреевского, закрытого за его статью «Девятнадцатый век», «Московского телеграфа» Н.А. Полевого – за его рецензию на драму Н.В. Кукольника «Рука Всевышнего Отечество спасла», «Телескопа» Н.И. Надеждина – за публикацию «Философического письма» П.Я. Чаадаева.

«Москвитянин» просуществовал с момента своего основания до конца царствования Николая I и продолжал выходить при Александре II. И хотя журнал также постоянно сталкивался с цензурными затруднениями, и Погодин получал предупреждающие замечания, тем не менее, он прекратил свою деятельность по иным причинам. Михаил Петрович часто жаловался на цензуру, но, как заметил в 1900 г. Н.П. Барсуков, «все эти жалобы Погодина были односторонни, и во многом, если не во всем, в неуспехе *Москвитянина* он был сам виноват», поскольку, «беспрестанно отрываясь от редакции, он действовал чрез свою контору, которая всегда отличалась классическим безобразием», и «книжки журнала выходили крайне неисправно»¹⁸⁸. Таким образом, неспособность редактора сосредоточиться на издании привела к его прекращению.

Однако факт выхода журнала в правление Николая I, в том числе в особенно тяжелые для печати последние годы царствования, весьма показателен – в целом, «Москвитянин» выдерживал необходимое направление. Как сообщает Н.П. Барсуков, сразу «по выходе в свет первого номера *Москвитянина*, Погодин прежде всего отправил его к Уварову с просьбою представить государю». Ответ министра красноречиво выразил отношение власти к новому изданию: «Рассмотрев номер и оставшись им доволен, Уваров исполняет желание Погодина, и 10 января 1841 года он был осчастливлен получением от министра следующего письма: “При поднесении Его Императорскому Величеству первой книжки журнала *Москвитянин*, я счел долгом обратить внимание Его Величества на статью о *Петре Великом* и на статью *Взгляд*

---

¹⁸⁸ Барсуков Н.П. Указ. соч. Кн. 14. СПб., 1900. С. 222.

Русского на Европейское образование, равно как и на стихи Хомякова. При сем случае прибавил я: “Желательно, чтобы это новое периодическое издание, продолжая идти стезею благородного направления, могло некоторым образом служить и образцом для русской журналистики, к сожалению столь мало соответствующей доселе собственной цели и общей пользе”. Сообщая о сем вам и сотрудникам вашим, остаюсь я в надежде, что ожидание министерства исполнится, и что издаваемый вами журнал никогда не уклонится от истинного своего назначения”»¹⁸⁹.

В конце 1842 г. Погодин на страницах журнала подробно обозначил его позицию: «Защитники же русского начала видят в России самобытное зерно, которое не иначе, как из самого себя, из своих собственных начал, под высшим влиянием мысли, от Промысла ему предоставленной, должно развиваться и допускать при развитии своем всевозможные влияния предшествовавших в образовании народов, но с тем, чтобы воспринять иноземное не иначе, как согласив его со внутреннею своею народною и христианско-человеческою потребностью, и извергнуть из себя все то, что противоречит его внутреннему, коренному бытию. Вот образ мыслей, вот тот взгляд на ход образования отечественного, которому постоянно в течение двух лет оставался верен *Москвитянин* и которому он, конечно, не изменит и в будущем»¹⁹⁰. Об этом направлении издания Погодин впоследствии периодически напоминал¹⁹¹.

Показательно восприятие духа «Москвитянина» оппозиционно настроенными представителями русского общества. Говоря об издателях этого печатного органа как о партии, А.И. Герцен считал: «Партию эту можно назвать не только университетскою, но и отчасти *правительственною*. Это

---

¹⁸⁹ Барсуков Н.П. Указ. соч. Кн. 6. С. 22-23.

¹⁹⁰ Там же. С. 282-284.

¹⁹¹ Барсуков Н.П. Указ. соч. Кн. 7. СПб., 1893. С. 73-74; то же. Кн. 9. С. 372; то же. Кн. 12. С. 187; то же. Кн. 14. С. 380.

большая новость в русской литературе... Погодин и Шевырев, издатели *Москвитянина*... были *добросовестно раболепны*»¹⁹².

Еще одним немаловажным фактом общественно-политической деятельности Погодина следует считать поддержание им постоянных отношений с представителями правительственных сфер. Этими связями он пользовался и как возможностью довести до власти свое мнение по тем или иным актуальным вопросам современной политики. Можно утверждать, что Михаил Петрович хотел таким путем влиять на действия правительства. В обоснование этой претензии он говорил о своих многолетних занятиях историей. В качестве наиболее ярких примеров подобного рода деятельности можно привести его отчеты правительству после своих заграничных путешествий о внешнеполитической ситуации, где ученый на основании своих наблюдений рекомендовал осуществлять определенные действия. Еще более заметным событием общественной жизни были его письма в продолжение Крымской войны, содержащие критику правительственной политики и программу необходимых реформ.

Переписка Погодина с представителями власти именно в период этой войны ярко иллюстрирует его претензию влиять на политику. Например, в одном письме он утверждал: «Говоря без церемоний с Николаем Павловичем, я позволяю себе говорить откровенно и с его министрами. <...> Тридцать лет призывал я к своему столу то Петра, то Екатерину, то Иванов, а о Рюрикe и говорить нечего. – Немудрено, что получил я тон за панибрата с сильными мира сего!»¹⁹³. В другом указывал: «Вспомните прежние мои политические записки: если б обращено было на них действительное внимание, то многое было бы теперь иначе»¹⁹⁴.

Н.П. Барсуков заметил, что именно «благодаря успеху своих политических писем» Погодин в 1854 г. «имел счастье представляться царице» и два раза видеть наследника Александра Николаевича, которому ученый говорил

---

¹⁹² Барсуков Н.П. Указ. соч. Кн. 7. С. 395-396.

¹⁹³ Барсуков Н.П. Указ. соч. Кн. 13. СПб., 1899. С. 171.

¹⁹⁴ Барсуков Н.П. Указ. соч. Кн. 14. С. 102.

в благодарственном письме: «Прошу вашего позволения, представить прямо к вашему императорскому высочеству последние мои политические записки, служащие продолжением и окончанием первых, кои удостоились вашего, столь драгоценного для меня, внимания»¹⁹⁵.

Тот факт, что представители власти поддерживали связи с Погодиным (чего стоят только близкие отношения с Уваровым) и что его письма и статьи по крайней мере рассматривались, характеризует отношение правительства к общественно-политической позиции историка. Важно отметить, что Михаил Петрович стремился сам занять место чиновника. О попытке получить должность начальника канцелярии министра народного просвещения уже сказано. Попытка эта окончилась неудачно, и Погодин, в частности, записал в дневнике: «Уваров лишил себя великой помощи и, смею сказать, славы»¹⁹⁶.

16 мая 1854 г. ученый записал в дневнике: «Думал об обер-прокурорстве Святейшего Синода. А третьего дня я видел во сне орла, летящего около дома». В то же время он сообщал Ф.И. Прянишникову (чиновник, связанный с почтовым делом): «Сорокалетние мои занятия историей дали мне такой барометр, какого не достает в канцеляриях, и на этом барометре я вижу, что правительству предлежит новый путь действий. С своей стороны, я готов на службу, какую – писарем, секретарем, министром. Совесть моя гражданская и вместе личная благодарность государю обязывают меня сделать это предложение. Мне кажется, я могу принести пользу»¹⁹⁷. Желание Михаила Петровича стать представителем власти характеризует восприятие им своей общественно-политической позиции: он должен был полагать, что правительство в его взглядах и мыслях по крайней мере увидит основание рассмотреть кандидатуру историка на какой-либо пост.

Таким образом, анализ деятельности Погодина показывает, что основные ее стороны отражают триединую формулу Уварова, теорию «официальной народности». Поэтому в целом воззрения ученого следует отнести к

---

¹⁹⁵ Барсуков Н.П. Указ. соч. Кн. 13. С. 172-173.

¹⁹⁶ Барсуков Н.П. Указ. соч. Кн. 6. С. 41.

¹⁹⁷ Барсуков Н.П. Указ. соч. Кн. 13. С. 92-94.

охранительному вектору общественно-политической жизни. Однако эта характеристика не должна заслонять естественного разнообразия и оттенков взглядов и поведения живого мыслящего человека. Именно это богатство мыслей Погодина дало основание для неоднозначных и разносторонних характеристик его общественно-политической позиции в историографии. И тем более неоправданными являются те негативные оценки взглядов историка, которые были свойственны советской историографии. Следовательно, неправомерно делать вывод о полном подчинении поведения и взглядов М.П. Погодина правительственным интересам, но в то же время можно говорить о совпадении позиции ученого с ними.

ГЛАВА 2. НОРМАНСКАЯ ТЕОРИЯ М.П. ПОГОДИНА

§ 1. М.П. ПОГОДИН О РОЛИ ВАРЯГОВ И ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РУССКОЙ ИСТОРИИ

В 1846 г. в третьем томе «Исследований» М.П. Погодин убеждал, что все главные мероприятия, постепенно приводившие к складыванию Древнерусского государства, проводились либо непосредственно самими варягами, либо под их руководством: «Варяги-русь сделались основанием городских дружин, военного сословия, которое дополнялось часто новыми пришельцами». Призванное племя явилось «к нам, разумеется, со своими законами и обычаями, точно как со своими именами, верованиями, своим языком, образом действий». Исследователь отметил роль варягов в крещении Руси: они «воевали и торговали беспрестанно с Константинополем», где узнали «христианскую веру, начали принимать ее, и потом сообщили ее нашим словенским племенам – так что христианством обязаны мы варягам точно так же, как и гражданским устройством...»¹⁹⁸.

Варяги были в изображении Погодина стержнем, государствообразующим началом, их деятельность составляла содержание данного процесса. Следует отметить, что вопрос о влиянии этого внешнего фактора является одним из наиболее дискуссионных в науке. В советской историографии утверждалась мысль о необходимости наличия в обществе внутренних социально-экономических предпосылок для образования государственности, а роль внешнего фактора отрицалась. Михаил Петрович справедливо обозначил важную роль последнего в формировании Древнерусского государства, хотя и впал в крайность, абсолютизируя его значение.

Другой вопрос – определение этнокультурной принадлежности варягов-руси, а соответственно, выявление конкретного влияния, следов их деятельности, т.е. та позиция, с которой исследователь будет смотреть на исто-

---

¹⁹⁸ Погодин М.П. Исследования... Т. III. С. 122, 302, 359-360.

рию Киевской Руси. Погодин считал призванное племя норманнами (скандинавскими германцами), поэтому в его взгляде на события нашей начальной истории тесно переплетается мысль о ведущей роли в них варягов с утверждением о норманской природе этих явлений. Именно это обстоятельство дало основание появлению таких характеристик исследователя, как, например, слова 1872 г. Д.И. Иловайского: «самый ревностный представитель норманизма»¹⁹⁹.

Поэтому, проводя мысль о преобладающем влиянии варягов, Михаил Петрович не мог не подчеркивать свое мнение об их норманском происхождении. Например, статью «Формация государства» (1837) он заключал следующими словами: «Так удалые норманны, в продолжении двухсот лет раскинули план будущего государства, наметили его пределы, раскинули ему земли без циркуля, без линейки, без астролябии, с плеча, куда хватила размахистая рука...»²⁰⁰. Тесное переплетение указанных мыслей можно видеть в следующих рассуждениях: «При таких близких сношениях, родственных и дружественных, у наших князей с норманскими, при такой связи Новгорода и Киева с Севером, варяги, разумеется, приходили сначала толпами участвовать во всех действиях своих единоплеменников, так что первые предприятия могут назваться общими»²⁰¹. Период 862–1054 гг., когда «рождалась Россия», Погодин назвал «норманским периодом русской истории» (хотя иногда обозначал его как «варяжский», что для него было равнозначно)²⁰². Варяги, утверждал Погодин, «имеют свою особую историю, или лучше сказать одни составляют ее», они «образовали государство». А славяне «платили дань, работали – и только, а в прочем жили по-прежнему»²⁰³.

Следует подчеркнуть, что в своих убеждениях историк не был одинок. Сегодня В.В. Фомин указывает, что в первой половине XIX в. под влиянием

---

¹⁹⁹ Иловайский Д.И. Указ. соч. С. 102.

²⁰⁰ Погодин М.П. Формация государства. С. 52.

²⁰¹ Погодин М.П. Исследования... Т. III. С. 108.

²⁰² Погодин М.П. Норманский период... С. IV; Он же. Формация государства. С. 53.

²⁰³ Погодин М.П. Исследования... Т. III. С. 519.

концепции немецкого ученого, А.Л. Шлецера (1735–1809), несколько лет работавшего в России, которую в 1836 г. антинорманист Ю.И. Венелин охарактеризовал как «скандинавомания», а в 1931 г. норманист В.А. Мошин как «“ультранорманизм” шлецеровского типа», многие исследователи предельно преувеличивали роль скандинавов в истории Древней Руси. Н.А. Полевой в 1829 г. писал о господстве в этот период «норманской феодальной системы» и утверждал, что «история русского народа» начинается немногочисленными скандинавами. В 1834 г. О.И. Сенковский «эпоху варягов» называл «периодом Славянской Скандинавии». В 1837 и 1843 гг. С. Сабинин «основание всего нашего древнего быта» выводил из Скандинавии. В 1848 г. в посмертно изданной работе И.Ф. Круга говорилось, что скандинавский язык долго употреблялся на Руси и даже господствовал в Новгороде из-за присутствия «множества скандинавов». Такой взгляд проводился и во второй половине XIX в., например, А.А. Куником, Е.Е. Голубинским²⁰⁴.

Отметим, что подобные рассуждения вызывали критику даже со стороны норманистов. В 1874 г. Н.И. Ламбин выражал недоумение, как скандинавы «ухитрились основать государство чисто славянское, без участия самих славян». В 1877 г. И.И. Первольф, говоря о состоянии разработки варяго-русского вопроса в отечественной науке, констатировал: «Все делали на Руси скандинавские норманны: они воевали, грабили, издавали законы, а те несчастные словене, кривичи, северяне, вятичи, поляне, древляне только и

---

²⁰⁴ Венелин Ю.И. Скандинавомания и ее поклонники, или столетние изыскания о варягах. М., 1842; Мошин В.А. Указ. соч. С. 24, 70; Полевой Н.А. История русского народа. Т. I. М., 1997. С. 34, 59, 91, прим. 51 к кн. I; Сенковский О.И. Скандинавские саги // Библиотека для чтения. 1834. Т. I. С. 18, 22-23, 26-27, 30-40, 70; Он же. Эймундова сага // Там же. 1834. Т. II. С. 47-49, 53, 60; Сабинин С. О происхождении наименований боярин и болярин // ЖМНП. 1837. Ч. 16. С. 45, 71, 77-79, 81-83; Он же. Волос, языческое божество славяно-руссов, сравненное с Одином скандинавов // Там же. 1843. Ч. 40. С. 23, 29-52, 83-84; Куник А.А. Дополнения // Дорн Б. Каспий // Записки императорской Академии наук. 1875. Т. XXVI. Приложение № 1. С. 461; Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. I. Ч. I. М., 1880. С. 52-53, 55; Фомин В.В. Начальная история Руси. С. 29-34.

делали, что платили дань, умыкали себе жен, играли на гусях, плясали и с пением ходили за плугом, если не жили совсем по-скотски»²⁰⁵.

В.В. Фомин констатирует, что «“ультранорманизм” шлецеровского типа» возродился в современной науке и высказывания в духе Погодина продолжают звучать. Например, в 1994 г. Д.С. Лихачев предложил определять Древнюю Русь как «Скандославию» (что было повторено в 2001 г. в посмертно изданной работе). В 1995–1999 гг. Р.Г. Скрынников говорил о Киевском государстве как «Восточно-Европейской Нормандии». О «Нормандии» в Новгородской земле сегодня ведет речь археолог Е.Н. Носов²⁰⁶. Возрождение направления первой половины XIX в. делает актуальным изучение концепции Погодина – одного из самых крупных его представителей.

Все разобранные мысли ученого закрепили за ним в историографии репутацию крайнего норманиста, интересующегося в древнерусской истории в основном варяго-русским вопросом. Однако для полноты представления о его концепции нашей начальной истории следует подчеркнуть, что Погодин проявлял интерес к славянским племенам, вошедшим в Киевскую Русь. Во втором томе «Исследований» (1846) он напечатал лекции «О славянах вообще, об отношении, какое имеют славянские древности к русской истории, о племенах славянских в эпоху прибытия норманнов»²⁰⁷.

Поскольку эта работа не столь часто анализируется в науке, то следует подробнее на ней остановиться. Излагая свой первоначальный взгляд на историю восточных славян и на уровень их развития к моменту прибытия варя-

---

²⁰⁵ Ламбин Н.И. Источник летописного сказания о происхождении руси // ЖМНП. 1874. Ч. 173. С. 227; Первольф И.И. Варяги-русь и балтийские славяне // Там же. 1877. Ч. 192. С. 39.

²⁰⁶ Лихачев Д.С. Нельзя уйти от самих себя... Историческое самосознание и культура России // Новый мир. 1994. № 6. С. 113; Он же. Россия никогда не была Востоком (об исторических закономерностях и национальном своеобразии: Евразия или Скандославия?) // Он же. Раздумья о России. СПб., 2001. С. 35; Скрынников Р.Г. Войны Древней Руси // Вопросы истории. 1995. № 11-12. С. 33; Он же. Русь IX–XVII века. СПб., 1999. С. 20-45, 49-50; Фомин В.В. Скандинавомания или небылицы о шведской Руси // Сборник Русского исторического общества. 2002. Т. 5 (153). С. 230-257; Он же. Начальная история Руси. С. 166-169; Он же. Ломоносовофобия... С. 457-458.

²⁰⁷ Погодин М.П. Исследования... Т. II. С. 319.

гов, Погодин указывал: «Я начинал обыкновенно лекции свои о русской истории с 862 года, то есть с прибытия князей варяго-русских в Новгород. О главном народе, к которому пришли братья, и его однородцах, я довольствовался изложением слов Нестора о полянах и древлянах, вятичах и радимичах, кривичах и северянах. Я думал, что о славянских племенах больше и говорить нечего...».

Однако словацкий ученый П.Й. Шафарик (1795–1861) изменил этот взгляд: «Ныне Шафарик сочинением своим “Славянские древности” производит совершенный переворот в наших понятиях об этом предмете. <...> Шафарик принуждает нас начинать славянскую историю с глубочайшей древности»²⁰⁸.

Труд П.Й. Шафарика «Славянские древности» вышел в 1837 г. и тогда же начал выходить в русском переводе слависта О.И. Бодянского (полный перевод увидел свет в 1848 г.). Эта работа была важной вехой в истории изучения происхождения славян. Как, например, отмечал в 1979 г. В.В. Седов, «научные изыскания по проблеме славянского этногенеза начинаются с 30-х годов XIX в., когда появилась книга известного исследователя славянских древностей» П.Й. Шафарика (кроме того, «в те же годы лингвист Ф. Бопп показал, что славянский язык принадлежит к индоевропейской языковой семье»)²⁰⁹. Прежде в науке господствовало представление о позднем появлении славян в Европе и низком уровне их развития. Теперь была утверждена идея об их древнем пребывании в Европе и достаточной развитости. В лекциях «О славянах» Погодин взял на вооружение мысли П.Й. Шафарика, обратив, в первую очередь, внимание на его вывод, что «славяне (а следовательно, и мы, нынешние русские) принадлежим к числу древних обитателей, старожилов Европы, вместе с греками, латинами, кельтами, немцами, фракийцами – племени индоевропейского»²¹⁰.

---

²⁰⁸ Погодин М.П. Исследования... Т. II. С. 321-322.

²⁰⁹ Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979. С. 8.

²¹⁰ Погодин М.П. Исследования... Т. II. С. 322-323.

Погодин представил «заключение» ученого «о нравственных свойствах древних славянских племен»: они «искони имели постоянные жилища и занимались земледелием», отличительными «признаками нравственных свойств славянских была простота, чуждая всякой злости и лжи, откровенность, приветливость», «славяне уже в древнее время задолго до выступления из первобытных своих жилищ имели свои собственные законы и право», все они «от верховного начальника страны до самого простого селянина пользовались на родине своей одинаковой свободой».

Историк показал и различные виды их деятельности: «Кроме спокойного занятия земледелием, пчеловодством, скотоводством и звериной ловлей, славяне всегда показывали склонность к промышленности и торговле. <...> За век до Р.Х., говорится о виндах или славянских купцах, плававших по Балтийскому морю для торговли с чуждыми землями. Таково происхождение многих торговых городов, на Руси, в Польше, Поморье...». Также известно, «что они достигли искусства во многих ремеслах, именно в плотничестве, горных работах, резьбе и т.д.»²¹¹.

Погодин привел сообщения, позволяющие сделать вывод, что «древние славяне в народной поэзии, пении, музыке и пляске превосходили все европейские народы». Исследователь указал, что «норманны отправляли в Вангаейм, т.е. землю виндов, своих богов и знаменитых мужей для приобретения мудрости; от ванов же заняли они некоторые божества, обряды и выражения, относящиеся к предметам гражданственной образованности». На войне славяне отличались «не только храбростью, но и сметливостью, ловкостью и искусством». Из пороков же «их летописи указывают на два главные... Славяне, ненавидя взаимно друг друга, находятся в беспрестанном между собою несогласии и разъединении». Также «необыкновенная любовь к иностранному... все чужое казалось им всегда лучше своего родного; чужой язык и образ жизни были приятнее, чем свой отечественный».

---

²¹¹ Погодин М.П. Исследования... Т. II. С. 365-367, 369-370.

В заключение Погодин выделил «существенные положения из всех предложенных исследований: 1. Народ славянский принадлежит к числу старожилов Европы. 2. Все племена славянские жили искони в постоянных жилищах и возделывали землю. 3. Управление везде примечается семейное, родовое, патриархальное. 4. Главные добродетели: кротость и терпение. 5. Пороки: сварливость между собою и пристрастие к иноплеменникам»²¹².

Михаил Петрович показал необходимость изучения истории славян для разработки древнерусского периода: «Древние славяне и мы ныне так называемые русские... составляем один и тот же народ... следовательно, все, что принадлежало древним славянам, то досталось и нам, в лице наших предков девятого столетия. В чем же состояло это наследство?». Во-первых, «народ наш жил уже как особый народ... по крайней мере полторы тысячи лет до Рюрика». Во-вторых, «язык, в одном наречии которого, близком к нашему и понятном, нашлись в 9 веке выражения для всего Священного писания». Далее – «религиозные верования, законы и обычаи». Наконец, «все плоды долговременного пребывания на одном месте, в постоянных жилищах, все успехи в разных родах первой промышленности, знакомства с необходимыми удобствами жизни»²¹³.

Погодин заявил об ошибочности господствовавшего до того времени в науке мнения: «Верно не находились они на той степени дикости, на которую поставил их неумолимый Шлецер, и на которой видели их все наши исследователи, до Шафарика! И Новгород, и Полоцк, и Изборск, и Ростов, и Киев, и Смоленск, и прочие города, представляются нам тотчас в другом свете»²¹⁴. По мнению А.Л. Шлецера, которое опровергал ученый, находившийся сначала под его влиянием, в Восточной Европе до прихода норманнов «все было покрыто мраком», люди жили «без правления», «подобно зверям и птицам», «жили рассеянно... без всякого сношения между собою»²¹⁵.

---

²¹² Погодин М.П. Исследования... Т. II. С. 370-373.

²¹³ Там же. С. 383-384.

²¹⁴ Там же. С. 384.

²¹⁵ Шлецер А.Л. Нестор. Ч. I. СПб., 1809. С. 325, 419-420.

Затем Погодин обратился к решению важного вопроса: «В каком состоянии находились по свидетельствам славянские племена в эпоху прибытия Рюрика?». И он характеризовал восточных славян вполне организованными на определенном уровне: «Не составляя одного политического целого, не составляя и порознь политических обществ, имея правление племенное, вероятно с родоначальниками и старейшинами... племена входили в сношение между собою и с отдаленною своей братьей...». Он также подчеркнул, что «некоторые племена наши верно вели торговлю...», а «о древности торговли новгородцев и их богатстве... нет никакого сомнения»²¹⁶.

Укажем здесь, что в третьем томе «Исследований» (1846) ученый высказал несколько мыслей о развитии Новгорода: «...Новгородцы увидели, что наряда в их земле нет и пошли искать себе князя – это и показывает развитие или начало гражданского смысла, какого у других наших племен славянских мы не видим». Рассматривая вече в Новгороде как самобытное славянское учреждение, Погодин также указал, что «из других городов – упоминается оно в Белгороде...», а «в позднейших летописях уже мы находим известия, что веча были во всех городах». К начальному этапу русской истории относятся упоминания «в городах... еще старейшин или *старцев* людских, а в Киеве сверх того *десятских* и *сотских*»²¹⁷.

В заключение Михаил Петрович сделал важное признание: «Я со своей стороны должен сказать вам, что слишком поздно мог смотреть на предмет с этой стороны. Все свое внимание я обращал на норманнов, и им до сих пор посвящал преимущественно труды свои, стараясь описать элемент, внесенный этими бранными пришельцами в государство, вновь основанное ими из мирных славянских племен. Славян предоставляю будущим профессорам славянских историй и наречий, которых ожидают теперь все русские университеты»²¹⁸.

---

²¹⁶ Погодин М.П. Исследования... Т. II. С. 390-393.

²¹⁷ Погодин М.П. Исследования... Т. III. С. 414-415.

²¹⁸ Погодин М.П. Исследования... Т. II. С. 400.

Таким образом, Погодин показал, что местное население на момент призвания варягов было уже достаточно развитым для самостоятельной исторической жизни. Исследователь считал, что в течение «норманского периода» влияние «славян на варягов было внутреннее, которое обнаружилось вполне уже в следующем периоде», когда «оба эти племени составили один народ, т.е. варяги сделались славянами, приняв их язык...»²¹⁹.

Мысли Михаила Петровича о развитости славян и их ассимилирующем воздействии на призванное племя заставляли его делать такие выводы, которые сводили на нет утверждение о преобладании норманнов во всех сферах жизни Древнерусского государства. Например, с одной стороны, он констатировал, что из всех славянских племен именно жители Новгорода были наиболее тесно связаны с варяжским миром: «Это племя, варяги-русь, было им известно, вероятно, более других, вследствие каких-нибудь предыдущих обстоятельств, напр. торговли, которую искони производили новгородцы на море Балтийском». Указывая, что «варяги, ославяниваясь и забывая свой язык, принимали, разумеется, славянское употребление», он отмечал, «что все норманские слова держались долее в Новгороде»²²⁰. Однако, с другой стороны, там «мы усматриваем только новое гражданское, то есть норманское начало при Рюрике, которое вскоре подверглось влиянию древнего славянского, блеснуло и угасло»²²¹. Комментируя эти слова, В.О. Ключевский замечал: «Трудно рельефнее изобразить в двух-трех словах слабость влияния и быстроту исчезновения норманского начала»²²².

Показательно также, что мысль о всеобъемлющем влиянии скандинавов, высказанную в 1834 г. в крайнем виде норманистом О.И. Сенковским, Погодин в 1846 г. оспорил. Он посчитал несправедливым утверждение, что

---

²¹⁹ Погодин М.П. Исследования... Т. III. С. 545.

²²⁰ Там же. С. 25, 416-417.

²²¹ Погодин М.П. Формация государства. С. 38; Он же. Исследования... Т. III. С. 476; Он же. Норманский период... С. 138; Он же. Древняя русская история... С. 73.

²²² Ключевский В.О. Рецензия на книгу М.П. Погодина «Древняя русская история до монгольского ига» // Он же. Сочинения в девяти томах. Т. VII. Специальные курсы / Под ред. В.Л. Янина. М., 1989. С. 288-290.

«Россия варяжских времен была с некоторыми оттенками финно-славянская Скандинавия». Михаил Петрович возражал, что «все-таки нельзя назвать Россию новой Скандинавией, а только скандинавской колонией среди славянских племен...». Он признавал туземное славянское население участником и творцом начальной истории Руси. О.И. Сенковский, считал Погодин, «напрасно говорит», что «история России начиналась в “Скандинавии и на водах Балтийского моря”». Там «начинается история династии, история русского правительства, а история вообще предначинается с первым поселением славян в наших краях»²²³. В 1873 г. в дискуссии с Д.И. Иловайским ученый вспоминал, что О.И. Сенковский «дошел до крайности», думая, что «с прибытием норманнов вся наша страна сделалась Скандинавией». Историк признал, что «норманны собственно стяжали у нас не государство, а земли, одну за другою, из которых составилось государство, разумеется, при непосредственном участии, действительном и страдательном, племен славянских»²²⁴.

В итоге, Погодин пришел к противоречивым суждениям. М.О. Коялович в 1884 г. заметил, что у Михаила Петровича «утверждение славянской самобытности и национальных основ русской истории с первых же шагов сменяется крайностью норманнской теории», она ставит его «в противоречие с началами древней славянской жизни». Н.Л. Рубинштейн в 1941 г. указывал: «Призвание вместо завоевания – акт народной самодеятельности, сохраняющий самобытность русского народа. Но в то же время все остальное развитие Погодин выводит от варягов, и самый период Киевской Руси, по Погодину, – норманнский период»²²⁵.

Сам историк в 1846 г. признался: «Может быть, и я сам увлекаюсь норманским элементом, который разыскиваю двадцать пять лет, и даю ему слишком много места в древней русской истории; явится другой исследователь, который исключительно предастся славянскому элементу (впрочем, непохожий на нынешних невеж): мы оба погрешим, а наука, истина, умеряя од-

---

²²³ Погодин М.П. Исследования... Т. I. С. 288, 290.

²²⁴ Погодин М.П. Подстрочный разбор... С. 322.

²²⁵ Коялович М.О. Указ. соч. С. 286-287; Рубинштейн Н.Л. Указ. соч. С. 266.

ного другим, выиграет»²²⁶. Погодин также замечал, что «были и еще племена», которые имели влияние на формирование государства. Среди них историк называл греков, болгар, финнов, хазар, печенегов²²⁷. Таким образом, мысли Михаила Петровича о достаточной зрелости восточных славян для самостоятельного развития вступают в противоречие с его утверждением о формировании германским племенем основ Древнерусского государства.

§ 2. ДОКАЗАТЕЛЬСТВА М.П. ПОГОДИНА В ПОЛЬЗУ НОРМАНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ВАРЯГОВ-РУСИ

Варяго-русский вопрос Погодин считал главной проблемой древнерусской истории. Ученый занимался им в течение всей научной деятельности и, по словам 1872 г. Д.И. Иловайского, «едва только кем-нибудь заявлялись сомнения, он немедленно выступал бойцом». Поэтому, он «по справедливости может быть назван патриархом современных норманистов»²²⁸.

Интерес к данной проблеме появился у него уже при прочтении в 1818 г. «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Именно с этого времени он начал составлять свои замечания к истории Древней Руси²²⁹. Погодин тогда заканчивал обучение в московской гимназии и готовился к поступлению в университет. Михаил Петрович всю жизнь сохранял трепетное отношение к работе Карамзина и требовал впоследствии такой же преданности ей от своих учеников. Н.П. Барсуков подчеркивал, что экземпляр «Истории государства Российского» до конца жизни Погодина «не сходил с его письменного стола и был для него как “друг и неразлучный спутник”»²³⁰. В 1868 г. ученый вспоминал: «В университете я предался преимущественно русской истории (но не вследствие лекций, кои шли тогда по этому предмету самым нелепым образом, а вследствие только что вышедшей тогда истории Карам-

---

²²⁶ Погодин М.П. Исследования... Т. III. С. 296, прим. 700.

²²⁷ Там же. С. 545-546.

²²⁸ Иловайский Д.И. Указ. соч. С. 102.

²²⁹ НИОР РГБ. Ф. 231/1. Картон 27. Ед. хр. 4.

²³⁰ Барсуков Н.П. Указ. соч. Кн. 1. СПб., 1888. С. 30.

зина)...». Тогда же, рассуждая о методах формирования у молодого поколения знаний по истории России, он писал: «Из русской истории кроме руководств читайте Карамзина, Карамзина и еще Карамзина»²³¹.

Однако Погодин не сразу воспринял норманизм автора. Как отметил Н.П. Барсуков, впоследствии ученый говорил, что «глава о происхождении руси от норманнов “смущала его много”, и он долго не мог помириться с мыслью, что основателями Русского государства были иностранцы». Много лет спустя Михаил Петрович отмечал, что обрадовался бы, если б в то время «вышли исследования Гедеонова и даже Иловайского»²³². Но поскольку таких исследований не было, Погодин, утверждая свою норманскую концепцию, постоянно ссылался на мнение Н.М. Карамзина по различным ее аспектам.

Обучаясь в Московском университете, он продолжал интересоваться этой проблемой. Огромное влияние на него оказало знакомство с «Нестором» А.Л. Шлецера. Н.П. Барсуков привел слова Погодина по прочтении этой работы: он «очутился в новом мире и уразумел, что такое критика»²³³. Бестужев-Рюмин отметил, что на основе данного труда у Михаила Петровича «создались собственные ученые приемы», а «выводы Шлецера служили часто основой его собственным выводам». По личному опыту Константин Николаевич знал, что «молодым людям, начинающим заниматься историей, Погодин прежде всего давал в руки “Нестора”». Шлецер также передал «непоколебимую веру в скандинавизм» варягов своему «ревностному ученику»²³⁴. Таким образом, по справедливому замечанию Д.И. Иловайского, Погодин «начал свое ученое поприще под влиянием двух подавляющих авторитетов того времени»²³⁵ – Н.М. Карамзина и А.Л. Шлецера, которые были норманистами.

---

²³¹ РГАЛИ. Ф. 191. Оп. 1. Ед. хр. 1557.

²³² Барсуков Н.П. Указ. соч. Кн. 1. С. 30.

²³³ Там же. С. 54.

²³⁴ Бестужев-Рюмин К.Н. Биографии и характеристики. С. 236.

²³⁵ Иловайский Д.И. Указ. соч. С. 102.

Однако в годы обучения в Московском университете Погодин еще колебался между разными точками зрения. Хотя в целом он придерживался норманских взглядов, однако в 1846 г. вспоминал, что в те годы «связь этнографическая Новгорода с Балтийским поморьем ему нравилась», его увлекала идея «родства» города «с балтийским славянством»²³⁶. Он признавался, что был под влиянием мнения М.В. Ломоносова и М.Т. Каченовского о славянском происхождении варягов. Однако это длилось «несколько времени», только «эпизодически, среди его двадцатилетних разысканий об этом предмете». Но лишь только он «оборотился вновь к источникам, то и утвердился в прежних своих мыслях»²³⁷.

Его магистерская диссертация «О происхождении руси» 1825 г. стала, по оценке 1876 г. К.Н. Бестужева-Рюмина, «лучшим сводом главнейших доказательств норманизма»²³⁸. Здесь он, как заметил в 1884 г. М.О. Коялович, «явился уже последователем Шлецера, каким и остался по вопросу о призвании князей до конца дней своих»²³⁹. Эта диссертация, как отмечал сам Погодин, «исправленная и дополненная новыми открытиями», с разбором «новых мнений» и «опровержением возникших сомнений», вошла во второй том «Исследований»²⁴⁰. Историк сразу обозначил основной тезис работы: «Древнейшее и достовернейшее мнение есть то, по которому варяги-русь признаются норманнами»²⁴¹.

И хотя в историографии Погодина традиционно характеризуют как одного из самых последовательных сторонников норманской теории, однако при этом далеко не всегда уделяется внимание анализу тех аргументов, на которых историк утверждал свою концепцию. В дискуссии с Н.И. Костомаровым Михаил Петрович признавал, что «на каждое положение о норманском происхождении руси порознь можно делать возражения». Однако,

---

²³⁶ Погодин М.П. Исследования... Т. I. С. 329.

²³⁷ Погодин М.П. Исследования... Т. II. С. 184.

²³⁸ Бестужев-Рюмин К.Н. Биографии и характеристики. С. 239.

²³⁹ Коялович М.О. Указ. соч. С. 246.

²⁴⁰ Погодин М.П. Исследования... Т. I. С. IX.

²⁴¹ Погодин М.П. Исследования... Т. II. С. 5.

утверждал он, «все доказательства вместе имеют особую силу и крепость». Н.И. Костомаров же, в свою очередь, возражая, замечал: «Чтобы их узнать, надобно рассмотреть их поодиночке и исследовать силу и свойство каждого в отдельности»²⁴². Поэтому важно проанализировать доказательную базу норманской теории ученого, представленную письменными источниками и лингвистическим материалом. Изложению именно этих аргументов Михаил Петрович посвятил второй том своих «Исследований».

Однако сначала необходимо сказать о том важном вкладе, который внес исследователь в обоснование достоверности древнерусских источников. Вокруг ПВЛ, основного памятника по истории Древней Руси, ведутся споры по многим вопросам: авторство, время и место составления, источники, первоначальный вид, достоверность сведений. Ответ на них в конечном итоге приводит к разрешению основной проблемы – в какой степени информация нашей древнейшей летописи может быть использована при исследовании начального этапа истории России. Важность изучения ПВЛ возрастает при учете того обстоятельства, что она – основной древнерусский памятник в кругу ограниченного числа источников по этому периоду.

В связи с указанными проблемами находится вопрос о начале летописания. Признание его древности, а, следовательно, приближенности к описываемым событиям, дает возможность обосновать достоверность сведений ПВЛ, заимствованных из предшествующих памятников. Мысль о позднем появлении первых письменных фиксаций исторических событий снижает значение летописи как источника, ставит под сомнение факты древнерусской истории. Указанные критические идеи периодически звучат в исторической науке, поэтому актуально заострить внимание на позиции Погодина по вопросу о достоверности ПВЛ.

Поскольку главным объектом его исследований был период становления Древнерусского государства, то Начальная летопись (другое название ПВЛ) была одним из основных источников, с которым он работал. В курсе

---

²⁴² Публичный диспут... С. 286.

русской истории, который Михаил Петрович преподавал в университете, при обзоре источников начального периода ученый основное внимание уделял именно этому памятнику, о чем свидетельствует конспект его лекций²⁴³. В 1864 г. в дискуссии с С.А. Гедеоновым Погодин утверждал, что Нестор (монах Киево-Печерского монастыря, который, как традиционно считается, придал окончательный вид ПВЛ) – «первый и самый благонадежный свидетель, современник, очевидец», и «за кого он принимает варягов-русь» имеет «тяжелый вес для всякого мнения» об их происхождении²⁴⁴.

Поэтому не случайно, как отметил К.Б. Умбрашко, «первой крупной полемикой М.П. Погодина, имевшей широкий общественный резонанс», был спор со «скептической школой»²⁴⁵. Рассматривая данный этап научной деятельности Михаила Петровича, Барсуков кратко изложил взгляды «скептиков». Их глава профессор Московского университета М.Т. Каченовский в 1833 г. выдвинул идею, что «в летописях наших много баснословного», следует признать их «позднее составление и недостоверность», а поэтому и «древняя история наша недостоверна»²⁴⁶.

Таким образом, когда в конце 20-х – первой половине 30-х гг. XIX в. М.Т. Каченовский и его ученики выступили с идеей о позднем составлении ПВЛ (а также Русской Правды и ряда других древних памятников), а потому недостоверности большей части сообщаемых ею сведений, Погодин написал несколько статей в опровержение этих взглядов. Необходимо отметить, что, как показал в 1871 г. В.С. Иконников, направление М.Т. Каченовского «вышло из критики» А.Л. Шлецера «и продолжало развиваться под влиянием критики» другого немецкого ученого: Б.Г. Нибура (1776–1831)²⁴⁷. Таким образом, «скептическая школа» возникла в русле общеевропейской историче-

²⁴³ ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Ед. хр. 1059.

²⁴⁴ Погодин М.П. Г. Гедеонов... С. 4.

²⁴⁵ Умбрашко К.Б. М.П. Погодин. Человек. Историк. Публицист. С. 167.

²⁴⁶ Каченовский М.Т. О баснословном времени в российской истории // Ученые записки Московского университета. 1833. № 2-3. С. 273-274, 288; Барсуков Н.П. Указ. соч. Кн. 4. С. 215-216.

²⁴⁷ Иконников В.С. Скептическая школа в русской историографии и ее противники. Киев, 1871. С. 2-3.

ской мысли. Важно также указать, что сама по себе идея более критичного отношения к источнику и более осторожного использования его сведений справедлива и плодотворна для науки. Однако, прилагая ее к древнерусским памятникам, «скептики» впали в чрезмерную крайность, отрицая их достоверность. Подробнее об истоках, становлении, идеях, значении и представителях «скептической школы» в отечественной исторической науке говорится в двухтомной монографии 2006 г. К.Б. Умбрашко²⁴⁸.

Написанные Погодиным статьи позже вошли в монографию «Нестор. Историко-критическое рассуждение о начале русских летописей» (1839), которая, в свою очередь, легла в основу первого тома «Исследований»²⁴⁹. Историк подчеркивал, что, только «представив доказательства достоверности Несторовой летописи», он мог приступить «к исследованиям о древнейшем периоде русской истории, которым летопись служит главным основанием»²⁵⁰.

Приводя общие соображения в пользу достоверности древнерусского периода, исследователь справедливо подчеркнул, что «русская история так счастлива, что самые первые, главные ее положения... засвидетельствованы иностранцами – современниками и очевидцами». Собрав эти иностранные сообщения, он сделал вывод: «Сим свидетельствам нельзя не верить! Это все очевидцы, современники описанных ими происшествий, в которых иным случалось быть даже действующими лицами. Они не сговаривались между собою: один жил в Константинополе, другой в Багдаде, третий внутри Германии, четвертый на острове Исландия, пятый в Кремоне, шестой в Александрии. Они не списывали друг у друга: византиец не знал по-арабски, араб по-исландски, немец по-арабски». Изучив соответствующие сведения русских

---

²⁴⁸ Умбрашко К.Б. «Скептическая школа» в исторической науке России первой половины XIX века. Т. 1. М., 2006. С. 3-338; то же. Т. 2. М., 2006. С. 3-317.

²⁴⁹ Погодин М.П. О достоверности древней русской истории. С. 77-104; Он же. Кто писал Несторову летопись. С. 1-10; Он же. Первобытный вид и источники Несторовой летописи. С. 1-18; Он же. Последние исторические толки. С. 110-126; Он же. О договорах русских князей Олега, Игоря, Святослава с греками. С. 98-137.

²⁵⁰ Погодин М.П. Исследования... Т. II. С. 1.

летописей, Погодин заключил, что «в них те же самые известия, хотя летописатели наши верно не знали ни по-арабски, ни по-исландски, ни по-латыни, если и знали по-гречески», что Несторова летопись говорит то же, «что араб, что грек, что немец, что исландец, что итальянец, с которыми он из глубокой и темной своей пещеры не мог ни сговариваться, ни перемигиваться»²⁵¹.

Погодин обосновывал достоверность сведений летописи также «математическим» приемом «доказательства от противного». Даже если признать первыми достоверными события более позднего времени, то, отталкиваясь от них, ретроспективно исследователь восстанавливал ту же картину древнего периода, которую представляет ПВЛ. Он предполагал, что пусть «мы не имеем не только своих летописей, но даже иностранных известий» о IX–XI веках. Затем он брал точку, с которой «думал бы кто-либо начинать несомненную русскую историю», например, XII столетие. Выясняется, что в это время все главные «действующие лица» – князья, состоящие в близком родстве. Отсюда ученый заключал, что «сторона наша искони принадлежала одному роду». Значит, она «не была завоевана», а была «занята мало-помалу по мере размножения сего рода», иначе «была бы роздана, как везде, между завоевателями».

Анализируя встречающиеся в XII в. имена, он делал вывод, что изначально на Руси было два племени – пришлое и туземное. «Непонятные» имена принадлежат пришлому племени, «понятные» – туземному. Первых осталось мало, значит их носители прибыли давно. Князья и население «исповедуют греческую веру», значит, их предки «получили ее из Константинополя, следовательно, имели связь с сим городом больше, нежели с Западом». Все эти «заключения о древней нашей истории» выводятся «посредством немногих посылок – назад из состояния нашей стороны, даже в 12 веке». Таким образом, «иностранные свидетельства, математические заключения от известного, бесспорного, о неизвестном и наши летописи говорят одно». Значит,

---

²⁵¹ Погодин М.П. Нестор. С. 7-8, 10.

«древняя история наша достоверна» и начинать ее должно «с 9, как доселе было принято, а не с 12, не с 11, даже не с 10 столетия»²⁵².

Погодин, опираясь на конкретные сведения текста ПВЛ, доказывал, что «начало летописи написано в 11 столетии»²⁵³. Он высказал мысль, что памятник дошел в том виде, как его составил сводчик (по его мнению – монах Киево-Печерского монастыря Нестор), т.е. он отказался от поиска «очищенного Нестора» (идея, высказанная А.Л. Шлецером), признав, что встречающиеся в летописи вставки не более позднего, чем ее составление, происхождения. В связи с этим Н.Л. Рубинштейн в 1941 г. отмечал, что, «идя от Шлецера, Погодин в известной мере делает определенный шаг вперед, представляет новый этап в развитии изучения летописи», у него «задача дать “очищенного Нестора” сменялась иной проблемой – установить источники летописи Нестора»²⁵⁴.

Следует отметить, что вопрос о времени появления вставок (места, которые заимствованы из иных источников, представляют отдельное смысловое целое, но интегрированы в текст редакторской работой сводчика) имеет большое влияние на решение более общей проблемы этапов составления, количества и датировок редакций памятника в целом. Признание позднего их происхождения ставит под сомнение древность создания ПВЛ. Михаил Петрович, доказывая современное составлению летописи появление вставок, тем самым обосновывал древность, а потому и достоверность ее известий. Погодин полагал: «Нельзя ссылаться с Шлецером на переписчиков; нельзя обвинять вставщиков, со всеми нашими исследователями: летопись дошла до нас в том виде, в каком написана первым своим сочинителем...»²⁵⁵.

Появление в ПВЛ вставок Погодин объяснял использованием ее составителем памятников более ранней письменной традиции. Среди источников, использованных Нестором, первым он называл «какие-нибудь прежние за-

---

²⁵² Погодин М.П. Нестор. С. 11-14.

²⁵³ Там же. С. 24-59.

²⁵⁴ Рубинштейн Н.Л. Указ. соч. С. 268.

²⁵⁵ Погодин М.П. Нестор. С. 77-80.

писки, церковные или монастырские, хронографические отметки». Михаил Петрович утверждал: «Да, я уверен, что до Нестора были какие-нибудь краткие записки... подобные запискам, кои ведутся помещиками в провинциях при календарях». И, отстраняя возражения против мысли о раннем появлении традиции письменной фиксации событий, указывал: «Вспомним, что христианство в Киеве начинается со времен Аскольда и Дира, а христианство без грамоты быть не может... вспомним, что при Игоре была соборная церковь, что при Ольге был священник и переводчики...».

Погодин заключал, что «Нестору попались эти записки, и он вставлял в них, что слышал по преданию, что знал сам, что показалось ему любопытным из чужих временников». Однако ПВЛ «не теряет нимало своего достоинства от предположения о прежних записках, оставаясь драгоценным памятником 11 столетия», наоборот, «она получает для нас новую цену, заключая в себе еще древнейшие памятники нашей грамотности»²⁵⁶. Отметим, что отдельно Погодин доказывал достоверность договоров Олега, Игоря, Святослава с греками, Русской Правды, церковных уставов Владимира и Ярослава²⁵⁷.

Оценивая вклад Михаила Петровича в обоснование достоверности памятников истории Древней Руси, следует подчеркнуть, что споры по этому вопросу периодически возобновляются. Ограниченное количество источников по данному периоду и временная отдаленность их происхождения от современности обуславливают необходимость тщательной критической проверки сообщаемых сведений. Однако увлечение критикой иногда приводит к сомнению в достоверности памятника. Сегодня В.В. Фомин констатирует, что «сомнения в ПВЛ как историческом источнике присутствуют в науке давно, и ими в той или иной мере были заражены многие известные исследователи»: М.Т. Каченовский, С.М. Строев, Д.И. Иловайский, Н.И. Костомаров,

---

²⁵⁶ Погодин М.П. Нестор. С. 89-91, 98.

²⁵⁷ Погодин М.П. Исследования... Т. I. С. 232-273.

В.А. Пархоменко, М.Д. Приселков, А.А. Шахматов, Д.С. Лихачев, Я.С. Лурье, М.Х. Алешковский²⁵⁸.

В.В. Фомин акцентирует внимание на заслуге Михаила Петровича в защите достоверности ПВЛ: «Взгляд большинства дореволюционных исследователей на летопись выразил М.П. Погодин, подчеркнув, что ПВЛ “достоверна в главном, подтверждаясь свидетельствами иностранными”»²⁵⁹. Важно также указать, что против «скептической школы» выступил не только Погодин, но и другие исследователи, его современники. Наиболее заметным был труд 1840 г. П.Г. Буткова «Оборона русской летописи от наветов скептиков»²⁶⁰. В.В. Фомин подчеркивает, что «в дореволюционный и послереволюционный периоды против ничем не оправданного гиперкритического отношения к ПВЛ выступали многие специалисты», которых «в целом трудно назвать единомышленниками»²⁶¹.

В советское время против отрицания значения ПВЛ как исторического памятника также выступил ряд исследователей. Б.Д. Греков говорил о ней как «нашем наиболее полном и достоверном источнике». В.В. Мавродин призвал к «защите источника от “источниковедов”». Н.К. Никольский, М.Н. Тихомиров, Л.В. Черепнин, Б.А. Рыбаков, А.Г. Кузьмин, по словам В.В. Фомина, дали «исчерпывающий ответ “скептикам”, выражающим недоверие ПВЛ», в своих трудах, где доказали «раннее возникновение летописи, а следовательно, достоверность большинства ее известий»²⁶².

Таким образом, в дискуссию о достоверности ПВЛ, периодически возобновляющуюся в науке, Погодин внес важный вклад, обосновав значение Начальной летописи как основного источника по истории Древней Руси (что

---

²⁵⁸ Фомин В.В. Варяги и варяжская русь. С. 263-264; Он же. Начальная история русского летописания в дореволюционной и советской историографии // Вехи минувшего. Ученые записки исторического факультета. Вып. 5. Липецк, 2009. С. 40-44; Он же. Древнерусские летописи как исторический источник // В поисках истины: ученый и его школа. М., 2012. С. 155-157.

²⁵⁹ Фомин В.В. Варяги и варяжская русь. С. 266-267.

²⁶⁰ Иконников В.С. Указ. соч. С. 103-104.

²⁶¹ Фомин В.В. Древнерусские летописи... С. 158.

²⁶² Фомин В.В. Варяги и варяжская русь. С. 267-269; Он же. Начальная история русского летописания... С. 44-53; Он же. Древнерусские летописи... С. 158-178.

в качестве его заслуги рассматривала даже советская историография, в целом по идеологическим причинам умалявшая значение трудов Михаила Петровича в развитии исторической науки²⁶³). Если же рассматривать проблему достоверности ПВЛ и других источников по древнерусскому периоду в перспективе и в динамике развития науки, то значимость работ Погодина по данному вопросу выступает очевиднее.

Таким образом, при изучении варяго-русского вопроса он справедливо отдал приоритет русским источникам. Ученый заявил, что первое доказательство его мнения о норманском происхождении призванного племени «представляют отечественные летописи»²⁶⁴. Приведя все места из ПВЛ, где упоминаются варяги, Михаил Петрович заключал, что «из «57 мест, в которых Нестор употребляет имя варягов, нет ни одного противоречащего мнению, что варяги суть скандинавы»²⁶⁵.

Однако, как правило, это утверждение Погодин основывал только на том факте, что по летописи «варяги очевидно Балтийские жители»²⁶⁶. Например, рассматривая известие о славянских племенах, одни из которых платили дань хазарам, а другие варягам, он говорил: «По простому заключению видно, что победители северных племен, варяги... должны жить на севере...». Впрочем, «и само по себе видно, что “имаху дань варязи из заморья” разумеется из-за своего моря, в которое входили по Двине, из-за Варяжско-го=Балтийского»²⁶⁷. Однако в одном месте ПВЛ есть слова, что варяги пришли в Новгород «горою», и ученый заметил: «Выражение горою значит и теперь у нас на севере: сухим путем»²⁶⁸.

Из слов летописи – «по тому же морю (т.е. Варяжскому) сеждать (варязи) к западу до земле Агнянски и Волошски»²⁶⁹ – Погодин делал вывод, что

---

²⁶³ Историография истории СССР. С. 165-167; то же. 2-е изд. С. 143-145.

²⁶⁴ Погодин М.П. Исследования... Т. II. С. 5.

²⁶⁵ Там же. С. 23, 32.

²⁶⁶ Там же. С. 27.

²⁶⁷ Там же. С. 20-22.

²⁶⁸ Там же. С. 35.

²⁶⁹ Летопись по Лаврентьевскому списку. С. 3-4.

«варяги, по мнению Нестора, жили по Варяжскому, то есть Балтийскому и Немецкому морям, до Англии и Франции». Ученый полагал, что «Агнянская земля, как то показывает самое имя, есть Англия». Однако в этом случае возникал вопрос, который он не мог разрешить: «Почему же Нестор полагает землю Агнянскую границею Варяжских народов, между тем как англ, по его словам, суть варяги? Это не относится к сущности дела, показывая только маловажную неточность и неосмотрительность»²⁷⁰. Заметим, что это недоумение исчезает, если принять существующую в науке точку зрения о южной части Ютландского полуострова как «Агнянской земле»²⁷¹.

Наиболее весомые доказательства в пользу норманского происхождения варягов-руси Погодин находил в тех местах ПВЛ, где эти этнонимы стояли в ряду других, обозначавших в большинстве племена германские. Например, «наияснейшим свидетельством» ученый считал следующее: «...Пошли посланные за море к варягам руси, – так сии варяги назывались русью, как другие свеями и проч. Итак, варягами Нестор ясно называет свое (шведов), оурман (норвежцев), англян (англичан), готов, народы очевидно единоплеменные. Все племена – сии шведы, норвеги, англ, готы, какое общее название имели у других народов? Они назывались норманнами, скандинавами»²⁷².

Также особое значение придавал он словам: «Афетово бо и то колено; варязи (свеи, оурмане, русь, агняне), галичане, волхва, римляне, немцы, корлязи, веньдици, фрягове и прочии...». По его мнению, «Нестор хотел сказать следующее: Афетово бо и то колено: варязи-свеи, варязи-оурмане, варязи-русь, варязи-агняне, может быть, варязи-галичане, волхва и проч.»²⁷³. В историографии вопроса давно говорится о слабости таких рассуждений, когда этнос одного племени определяется в зависимости от этнической принадлежности тех народов, в ряду которых он упомянут в источнике. Особенно эта

---

²⁷⁰ Погодин М.П. Исследования... Т. II. С. 8, 14.

²⁷¹ Фомин В.В. Начальная история Руси. С. 179-180.

²⁷² Погодин М.П. Исследования... Т. II. С. 22-23.

²⁷³ Там же. С. 14.

несостоятельность видна на втором примере, где русь стоит в ряду не только германских племен. Как подчеркнул в 2005 г. В.В. Фомин, хотя в данном перечне «в соседстве с германцами названы другие народы, но они, как известно, не принадлежат ни к германцам вообще, ни к скандинавам, в частности»²⁷⁴.

Отдельно Погодин отметил, что «в некоторых новейших списках Нестора при повествовании о начале Русского государства, вместо варягов поставлены немцы». По его мнению, «это известие примечательно, показывая, кого разумели под варягами и средние летописатели, ближайšie к ним и к Нестору». Таким образом, исследователь находил, «что варяги непрерывно упоминаются в наших летописях, всегда в одном и том же значении». И «если в последнее время очевидно варягами назывались немцы, норманны, – то и в первое они же, даже и без приведенных доказательств»²⁷⁵. Здесь необходимо отметить, что ряд ученых (в том числе антинорманисты, дискутировавшие с Михаилом Петровичем) указывал на факт употребления в Древней Руси термина «немцы» в более широком смысле – европейцев вообще, а также на изменение значения слова «варяги» с течением времени в наших источниках, что не учитывал Погодин. Как показал в 2005 г. В.В. Фомин по итогам многолетних исследований на широком круге источников, эволюция понятия «варяг» «от частного (собственно варяги IX–X вв., внесшие значительный вклад в русскую историю) в общее (европейские народы), завершилась трансформацией в понятие, с которым (под влиянием церковной традиции, ведущей свое начало от полемических сочинений эпохи Киевской Руси против католицизма) ассоциировались самые темные силы мира»²⁷⁶.

Переходя к иностранным свидетельствам, историк, в первую очередь, обратил внимание на византийские источники, в которых «с 9-го столетия упоминается... об особенных телохранителях императорских, которые состояли из норманнов, и назывались у них варангами». Он полагал, что «ви-

---

²⁷⁴ Фомин В.В. Варяги и варяжская русь. С. 341.

²⁷⁵ Погодин М.П. Исследования... Т. II. С. 33, 38.

²⁷⁶ Фомин В.В. Варяги и варяжская русь. С. 374-375.

зантийские варанги были норманны, скандинавы, след. и наши варяги, почти совершенно им подобные (что касается имени, звания и образа действий), были скандинавы». Впрочем, Погодин указал, что «в XI столетии телохранители упоминаются только в первый раз» под именем варангов, правда, добавлял он «уже как известные». Ученый приводил «места из византийских писателей, которые доказывают скандинавское происхождение сих варягов», но все они относятся к событиям со второй половины XI в., т.е. намного позже времени призвания варягов²⁷⁷. Кроме того, исследователь констатировал, что в греческих источниках варангов называют по-разному: «Германы, кельты, инглины, немцы, жители острова Туле – все эти названия приличествуют норманнам-варягам»²⁷⁸. В этом перечне, однако, упомянуты кельты, не относящиеся к германским племенам.

Михаил Петрович отметил, что «о сих варягах телохранителях упоминают часто северные летописатели». И он делал следующий вывод: «Итак, варанги греческих писателей суть одно с верингами, *vaeringer*, северных: то же имя, то же происхождение, те же занятия. Но одно ли они с варягами Нестора? Без сомнения: варяги Нестора отправляли в Киеве ту же службу, что и варанги в Константинополе»²⁷⁹. В данных выводах Погодин не примирил хронологию и не обосновал скандинавской природы варангов, и впоследствии признал справедливой критику этого аргумента со стороны С.А. Геденова.

Кроме того, использовал историк византийские памятники и для обоснования норманнской природы руссов: «У византийцев... также сказано о роде руссов: руссы, которых зовут дромитами, происходят от франков». Михаил Петрович, однако, признавал, что «название франк есть название, правда, неопределенное, но можно сказать утвердительно, что сие название никогда не давалось византийцами народам не европейским». Следовательно, «византийцы производили русь от европейцев, из которых по преимуществу народы

---

²⁷⁷ Погодин М.П. Исследования... Т. II. С. 41-46.

²⁷⁸ Там же. С. 117.

²⁷⁹ Там же. С. 46, 49.

германские назывались франками...»²⁸⁰. Здесь ученый все же признал более широкое толкование термина «франки» греческих источников как европейцев вообще, но для подкрепления своей теории вынужден был отдать предпочтение германскому элементу.

Погодин использовал также западноевропейские источники для обоснования своей теории. Во-первых, Бертинские анналы, в рассматриваемой части принадлежащие Пруденцию (ум. 861 г.), где говорится, что в 839 г. к франкскому королю Людовику Благочестивому вместе с посольством из Византии прибыли люди, назвавшиеся «рос», которые в итоге расследования были признаны «свеонами». Они также объявили, что у них есть правитель, называемый «каган». Из этого сообщения ученый делал вывод о норманской природе руссов, но не конкретно шведской, как полагали некоторые другие норманисты²⁸¹. Он не допускал мысль, что послами были шведы, называвшиеся русью: «С чего им присваивать себе чужое имя? С какой целью? Откуда шведы возьмут себе имя россов..?». В анналах «отнюдь не видно, чтоб император открыл обман, а только объясняется так сказать частное, мелкое, специальное имя россов именем шведов, более общим, более известным и употребительным: император узнал, что люди, называющие себя россами, суть рода шведов – и только». Историк, однако, не мог согласовать норманскую теорию с упоминанием кагана, от которого приходили послы. Поэтому он, вслед за А.Л. Шлецером, утверждал, что в источнике говорится не о титуле, а об имени норманского князя – Гакан²⁸².

Обратил внимание Михаил Петрович и на слова кременского епископа Лиутпранда (X в.), из которых, по его мнению, «ясно видно, что руссов он, лангобард, называл и почитал норманнами»²⁸³. Ученый не раз впоследствии ссылался на этот источник, хотя его оппоненты указывали на необходимость более широкого толкования в данном случае названия «норманны» в смысле

---

²⁸⁰ Погодин М.П. Исследования... Т. II. С. 25, 51.

²⁸¹ Там же. С. 56-58.

²⁸² Там же. С. 122.

²⁸³ Там же. С. 60.

географическом. Как сегодня указывает В.В. Фомин, сам Лиутпранд «объясняет, что термин “норманны” имеет территориальное, а не этническое значение: “Ближе к северу обитает некий народ, который греки по внешнему виду называют русиями, мы же по местонахождению именуем норманнами. Ведь на немецком языке nord означает север, а man – человек; поэтому-то северных людей и можно назвать норманнами”»²⁸⁴.

Погодин приводил восточные свидетельства, в которых речь шла о проживании варягов на берегах Балтийского моря, и из этого заключал: «Сии арабские известия о варягах... служат... доказательством, как мы видели, норманского их происхождения». Более весомым считал он сообщение арабского географа IX в. ал'Йа-куби (называемого историками XIX в. Ахмед-эль-Катиб), который «называет норманнов, нападавших (что известно из многих западных летописей) в 844 г. на Севиллу, руссами: “нападали нечестивцы, которые называются руссами”»²⁸⁵. Однако данный источник единственный, обозначивший этих «нечестивцев» как руссов, что было связано, как показал впоследствии антинорманист С.А. Гедеонов, с этнографическим заблуждением его автора²⁸⁶.

Погодин особое значение придавал лингвистическому материалу при обосновании своей концепции: «Язык пришедших варягов-руси, дошедший до нас в собственных их именах, именах днепровских порогов и некоторых словах гражданственных, обличает их норманское происхождение». Говоря о природе личных имен, исследователь ссылался на немецких историков Г.З. Байера (1694–1738) и А.Л. Шлецера.

Утверждая, что «русские названия семи днепровских порогов, помещенные императором Константином Багрянородным в книге его об управлении государством (писан. 949–952 г.) могут быть объяснены только из язы-

---

²⁸⁴ Древняя Русь в свете зарубежных источников: Учебное пособие для студентов вузов / Под ред. Е.А. Мельниковой. М., 1999. С. 291-292; Фомин В.В. Варяги и варяжская русь. С. 385.

²⁸⁵ Погодин М.П. Исследования... Т. II. С. 66.

²⁸⁶ Гедеонов С.А. Отрывки из исследований о варяжском вопросе // Записки императорской Академии наук. 1862–1863. Т. I-III. Приложение № 3. С. 90-93.

ков скандинавских, согласно с названиями славянскими и переводом греческим, там же помещенными», Михаил Петрович также обращался к работам норманистов А.Х. Лерберга (1770–1813, дерптский ученый), Ю. Тунманна (1746–1778, шведский историк), Ф.Г. Штрубе де Пирмонта (1704–1790, немецкий ученый, работал в России). Обращаясь к местным географическим названиям, ученый соглашался со Штрубе де Пирмонтом, что наименования Нева, Ижора, Луга, Нарва происходят из скандинавских языков²⁸⁷.

Также «несколько слов, слов важных, означающих гражданские должности и действия, дошли до нас в договорах с греками, Русской Правде, Несторовой летописи и прочих древних памятниках, которые и доставляют нам сильное доказательство о норманском происхождении народа, принесшего оные: боярин, гридин, ябедник, шильник, метельник, паломник. Гуды, карлы, может быть огнищане, мужи, люди, гости. Вира, верфь, губа. Комент, стяг, ряд. Скот, скотница, бретьяница, щляг (шелег, стерлиг)». Погодин присоединил «сюда еще несколько норманских слов, принесенных также вероятно варягами-русью: нетий, суда, якорь, луда, олуй, груз, безмен, ладья, цеж»²⁸⁸.

Рассмотренный аргумент в пользу норманской теории является одним из наиболее подвергаемых критике из-за очевидных натяжек при словопроизводствах, когда древнерусские слова объявляются происходящими из скандинавских языков на основе встречающихся созвучий. Наиболее ярко это проявилось при объяснении личных имен. В 1830-х гг. Ю.И. Венелин указал, что данный способ вошел в науку по той причине, что Г.З. Байер и А.Л. Шлецер, желая «ввести в Россию шведов», «превратили» летописные имена в скандинавские. По мнению Г.З. Байера, «еще от Рюрика все имена варягов, в русских летописях оставшиеся, никакого иного языка, как шведского, норвежского и датского суть; и сие не темно и не слегка наводится». Сегодня В.В. Фомин отмечает: «Но что значит в устах норманиста “не темно

---

²⁸⁷ Погодин М.П. Исследования... Т. II. С. 67-85, 87-88.

²⁸⁸ Там же. С. 88-90.

и не слегка наводится”, видно из того, как Байер даже чисто славянские имена Владимир и Святослав представил, посредством лингвистических изысков, в качестве “нормандских”». Однако этим именам, как заметил Ю.И. Венелин, «можно найти созвучные, и даже тождественные не только у скандинавов, но и у прочих европейских и азиатских народов», и вообще, заключал он, «всякому слову в мире можно найти или сделать подобозвучное, стоит только переменить букву, две, и готово доказательство»²⁸⁹.

Этимологические построения Г.З. Байера одинаково оценили, что характерно, антинорманист М.В. Ломоносов и норманист В.О. Ключевский. Согласно замечанию первого, немецкий ученый, «последуя своей фантазии», имена русских князей «перевертывал весьма смешным и непозволительным образом, чтобы из них сделать имена скандинавские». В.О. Ключевский констатировал, что «впоследствии многое здесь оказалось неверным, натянутым, но самый прием доказательства держится доселе». Эти слова относятся и к нашему времени. Например, в 2004 г. археолог Л.С. Клейн утверждал, что имена Рюрик, Олег, Аскольд, Дир, Игорь «легко раскрываются из скандинавских» корней. В 2005 г. филолог Е.А. Мельникова говорила, что этимология имени князя Олега восходит «древнескандинавскому антропониму *Helgi*»²⁹⁰.

Однако еще в 1997 г. Л.П. Грот подчеркнула, что шведское имя «*Helge*», означающее «святой», появилось в Швеции в ходе распространения христианства в XII в. и потому «никакой связи» не имеет с русским именем «Олег» IX века. При этом исследовательница констатирует, что «распространение имени “Олег” не ограничивается только древнерусским обществом, но встречается и у западных славян (сравни чешское Олек, Олька), и в родовом

---

²⁸⁹ Байер Г.З. О варягах // Фомин В.В. Ломоносов. С. 347, 349; Венелин Ю.И. [О происхождении славян вообще и россос в особенности] // Сборник Русского исторического общества. 2003. Т. 8 (156). С. 47, 49; Фомин В.В. Ломоносовофобия... С. 216.

²⁹⁰ Ломоносов М.В. Замечания на диссертацию Г.Ф. Миллера «О происхождении имени и народа российского» // Фомин В.В. Ломоносов. С. 407; Ключевский В.О. Лекции по русской историографии // Он же. Сочинения в восьми томах. Т. VIII. М., 1959. С. 398; Клейн Л.С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. СПб., 2004. С. 140; Мельникова Е.А. Олгъ / Ольгъ / Олегъ Вещий: К истории имени и прозвища первого русского князя // У источника: Сборник статей в честь С.М. Каштанова. М., 2005. С. 138.

имени литовских князей Ольгердовичей и пр.» (в 2015 г. Л.П. Грот продемонстрировала несостоятельность норманистских объяснений имен Рюрик, Олег, Ольга, Святослав, Владимир). Сегодня В.В. Фомин указывает, что «сказанное полностью относится и к имени Ольга (к тому же оно существовало у чехов, среди которых норманнов не было)», а «тот факт, что саги называют княгиню Ольгу не “Helga”, как того следовало бы ожидать согласно логике норманистов, а “Allogia”, говорит об отсутствии тождества между этими именами, следовательно, об отсутствии связи как имени, так и самой Ольги со Скандинавией»²⁹¹.

А.Г. Кузьмин, начиная с 70-х гг., в своих работах продемонстрировал, что полиэтничный древнерусский именовослов включает славянский, иранский, иллиро-венетский, подунайский, восточнобалтийский, кельтский, фризский, финский и другие компоненты, «германизмы» же в нем «единичны и не бесспорны». В.В. Фомин также констатирует, что «древнерусская народность, как показывает лишь только один пантеон Владимира, возникла из слияния многих народов и вобрала в себя имена, не связанные со славянской традицией, но и не имеющие отношения к германцам». Ученый подчеркивает, что «совершенно иная картина предстает, по факту многолетнего проживания на этих землях норманнов, во Франции и в Англии». Например, во Франции, констатирует Г. Джонс, зафиксировано «множество скандинавских личных имен, к которым добавлен суффикс –ville». П. Соьер, приводя результаты изысканий своих предшественников 1920–1930-х гг., указывает, что «линкольнширский судебный реестр за 1212 г. содержит 215 скандинавских имен, и только 194 английских». Ж. Симпсон отмечает, что, согласно описи 1086 г. – «Книге Страшного суда», «у землевладельцев в период до

---

²⁹¹ Грот Л.П. Мифологические и реальные шведы на севере России: взгляд из шведской истории // Сборник Русского исторического общества. 2003. Т. 8 (156). С. 179-182; Она же. Имена летописных князей и корни древнерусского института княжеской власти // Варяги и Русь. Сб. статей и монографий / Составитель и ред. В.В. Фомин. М., 2015. С. 246-488; Фомин В.В. Варяго-русский вопрос... С. 374.

нормандского завоевания в ходу было, по меньшей мере, 350 скандинавских личных имен...»²⁹².

Таким образом, аргументы в пользу норманской теории, основанные на письменных источниках и лингвистическом материале, приведенные Погодиным, не решают варяго-русский вопрос в пользу его мнения. Сам ученый при изложении некоторых из них вынужден был соглашаться со справедливостью интерпретации антинорманистов. Например, с мыслью, что те места письменных источников, которые он приводил в подкрепление своей позиции, в действительности не говорят прямо об этносе варягов и руси, указывая лишь на географическое их распространение, либо на их принадлежность европейским народам. Впоследствии, как будет показано ниже, Погодин в дискуссиях с оппонентами отказался от некоторых рассмотренных доказательств.

Следующему аргументу ученый придавал особое значение и заслугу в его разработке считал своей: «К числу сильнейших доказательств норманского происхождения варягов-руси принадлежат их действия. Походы первых князей, по рекам и морям, взимание дани, нападения на Константинополь, вообще образ их действия, в войне и мире, дома и на стороне, их занятия, добрые и худые качества, самые предания и басни о разных частных и мелких поступках, одним словом вся их жизнь, весь их быт обличают в них норманнов. Наши летописатели описывают их почти одними и теми же словами, какими латинские, греческие и арабские описывают прочих норманнов»²⁹³.

Свое выражение этот аргумент получил в объяснении Погодиным событий древнерусской истории при помощи обращения к обычаям норманнов. Главная причина оставления Новгорода князем Олегом – «этот дух движения, с которым норманнам не сиделось на месте. (Он продолжался еще дол-

---

²⁹² Кузьмин А.Г. Об этнической природе варягов (к постановке проблемы) // Вопросы истории. 1974. № 11. С. 70-81; Он же. История России... С. 97; Он же. Начало Руси. С. 36, 313-332; Фомин В.В. Ломоносовофобия... С. 217; Соьер П. Эпоха викингов. СПб., 2002. С. 231, 233; Джонс Г. Викинги. Потомки Одина и Тора. М., 2007. С. 231; Симпсон Ж. Викинги. Быт, религия, культура. М., 2005. С. 37.

²⁹³ Погодин М.П. Исследования... Т. II. С. 90-91.

го: Святослав оставил и Киев: все это были военные постояльцы)». Именно поэтому преемник Рюрика «пошел воевать по норманскому обычаю, куда глаза глядят...». Хитростью Олег «умертвил Аскольда и Дира», в чем Погодин не нашел ничего удивительного, ведь «норманны часто употребляли хитрости друг против друга»²⁹⁴.

Некоторые колебания возникли при определении этнической принадлежности княгини Ольги. Однако и тут в итоге, «основываясь на одном большинстве голосов древних свидетелей, должно ей приписать варяжское происхождение»: «Она называлась Ольгою. Какое это имя? Норманское или варяжское – Алогия, весьма у норманнов употребительное»²⁹⁵. Следовательно, «Ольга, имея норманское имя, вероятно и была норманкою». Привел историк также следующие соображения: «Ольга приняла христианскую веру – и в этом происшествии я вижу указание на ее норманское происхождение: ибо первые христиане у нас были норманны». Погодин полагал, что «в самой жизни Ольгиной в удержании власти после смерти Игоря, в гражданской деятельности, в путешествии в Царьград – виден дух более норманский, нежели словенский». Обращал внимание он «и на месть Ольги над убившими ее мужа и искавшими ее руки для своего князя, древлянами, в описании которой у Нестора есть историческая правда, среди баснословных подробностей, напоминающих норманские саги».

Михаил Петрович не сомневался, что, «читая императора Константина Багрянородного, как Ольга кивнула головою императрице перед обедом, между тем как прочие гости кланялись в землю... видишь пред собою величавую норманку...». Вспомнил ученый и о «Рогнеде, которая говорит посланникам Владимира: не хочу разуть робичича, и после поднимает руку на Владимира». Все это «черты, совершенно сходные с переданными нам историей об Ольге».

---

²⁹⁴ Погодин М.П. Исследования... Т. III. С. 75, 78, 87.

²⁹⁵ Погодин М.П. Нечто о роде великой княгини Ольги. С. 130-139; Он же. Исследования... Т. III. С. 91.

Святослав «был воспитан норманнами, Свенельдом и Асмудом, что ясно показывают их имена». Не сомневался ученый и в происхождении князя Владимира и его матери: «Ключница Ольгина Малуша, от которой Святослав имел Владимира, была также вероятно норманка...». Имя Малуши «может быть есть тоже что и Малфрид». Здесь, впрочем, Михаил Петрович нашел затруднение: «Этому противоречит несколько словенское имя Добрыни, дяди его, сына Малкова и брата Малушина. Но норманны могли у словен принять словенское имя»²⁹⁶.

Историк утверждал, что «сообщение между княжеским домом киевским и северными государями было очень живо и не прерывалось ни на минуту. Наши князья у норманнов, норманские у нас, всегда находили родственную помощь и убежище. Норманские витязи являлись очень часто при киевском дворе и получали себе владения». Однако все приведенные им известия (кроме одного – о прибытии Рогволода в Полоцк при Святославе) в пользу этой мысли относятся ко времени, начиная с правления Владимира²⁹⁷.

Именно тогда, в конце X в., как показал на обширном материале В.В. Фомин, впервые начинают регулярно появляться на Руси норманны: «С показаниями саг о времени появления скандинавов на Руси – с княжения Владимира Святославича – находится в связи материал ПВЛ и других летописей. В их известиях о варягах выходцы “из заморья” воспринимаются, если не считать статью под 859 г. и начало варяжской легенды, двояко: либо как естественная часть восточнославянского мира, либо как какой-то особый, но очень дружественный и весьма близкий русским людям “заморский” народ. Но, начиная именно с 80-х гг. X в., в летописях резко меняется тональность сообщений о варягах. Резко меняется, вместе с тем, и род деятельности этих находников на Руси. Если до сих пор они являли собой организующую и созидательную силу в восточнославянском обществе, активно решающую сложные внутри- и внешнеполитические вопросы, стоявшие перед зарожда-

---

²⁹⁶ Погодин М.П. Исследования... Т. III. С. 92-95.

²⁹⁷ Там же. С. 99-107.

ющимся и быстро крепнувшем государством, то во времена Владимира и Ярослава варяги выступают, прежде всего, в роли активных участников княжеских распрей и в роли профессиональных убийц...»²⁹⁸.

Михаил Петрович считал ведущее значение варягов-руси в военном деле доказательством норманского происхождения. Проявление воинственности со стороны славян он отвергал. Говоря о восстании 1068 г. в Киеве, ученый рассуждал: «...Люди киевские приступили к Изяславу, чтоб он дал им оружие и коней для войны с половцами, которые пред тем разбили князя вместе с его братьями. Князь не хотел сражаться, и они, выпустив заключенного Всеслава Полоцкого, возвели его на престол. Неужели это тихие поляне? В 1077 г. они грозят братьям Изяславовым оставить город, и уйти в Грецию, если те не умилоостивят возвращавшегося Изяслава. Неужели это тихие поляне, которые платили дань козарам, беспрекословно покорились Аскольду и Диру, потом Олегу? Неужели это тихие поляне, которых так прославляет Нестор? Нет, это находницы варяги, ходоки в Грецию. Мысль уйти в Грецию не могла прийти и в голову полянам». Хотя, согласно его концепции, к 1054 г. норманны были уже ассимилированы туземным населением²⁹⁹.

Вместе с тем, историк констатировал отличие действий варягов и норманнов: «Впрочем, характер походов варяжских был у нас иной, нежели в прочей Европе: они не являются грабителями и опустошителями. Это было без всякого сомнения по той причине, что славянские племена, тихие, смиренные, не раздражали их, не представляли им никакого сопротивления...»³⁰⁰. Хотя впоследствии, например в дискуссии с Костомаровым, он утверждал, что варяги действуют «тождественно с норманнами в Англии, Франции, Италии, на море Немецком, Средиземном, Черном: одни и те же приемы»³⁰¹.

Торговлю Погодин также рассматривал с помощью обращения к соответствующим норманским обычаям. У нас «торговое путешествие было вме-

---

²⁹⁸ Фомин В.В. Варяги и варяжская русь. С. 380.

²⁹⁹ Погодин М.П. Исследования... Т. III. С. 121, 123-124.

³⁰⁰ Там же. С. 138-139.

³⁰¹ Погодин М.П. О литовском начале руси... С. 147.

сте и военным. На Черном море русь сама из оборонительного положения принимала наступательное и, вероятно... пускалась часто на разбой». На севере «викинги занимались торговлею вместе с разбоем; иногда выезжали они на разбой, иногда для торговли; и нередко торговые путешествия соединены были у них в одно время с военными»³⁰².

Вместе с тем, ученый говорил и о развитии торговли на Руси до прихода варягов. Он указал, что, хотя «о торговле славянской на Балтийском море вообще встречаются положительные известия поздно, уже во второй половине 11 столетия», однако «без всякого сомнения она существовала издавна, что ясно и по находимым монетам, и города славянские в устьях Эльбы, Одера, Вислы, на о. Рюгене, процветали гораздо прежде». И «о торговле норманнов с Новгородом находится множество свидетельств»³⁰³. Обращаясь к археологическому материалу – находкам монет, Михаил Петрович вновь отметил развитую торговлю на Руси до прихода варягов: «Следственно в Новгороде уже в VIII веке были хорошие деньги, были богатство и торговля, и норманнам тогда уже было что грабить»³⁰⁴.

Михаил Петрович признал справедливой мысль о древнем существовании торговых путей на территории страны. Ученый обратил внимание, что немецкий историк А.Г.Л. Герен (1760–1842) «считает решительно торговлю Югорскую... продолжением той, которую знал и описал Геродот, в связи с торговлею черноморских городов», и «свидетельство об Югорской торговле, за пять веков до Р.Х. и чрез 15 веков после Р.Х. он признал тождественным». Впоследствии историк-востоковед Х.Д. Френ (1782–1851) своими открытиями «в арабской литературе и нумизматике» подтвердил факт существования этого торгового пути для «8, 9, 10, 11 века».

Таким образом, заключал Погодин, «эта двухтысячелетняя цепь получает много средних твердых колец, и мысль или лучше чаяние, предчувствие, догадка» экономиста А.К. Шторха (1766–1835) «о древнем сообщении евро-

---

³⁰² Погодин М.П. Исследования... Т. III. С. 253-256.

³⁰³ Там же. С. 268-269, 273.

³⁰⁴ Там же. С. 291-293.

пейского севера с Азиатским югом чрез Россию возвращает себе цену, отнюдь не заслуживая, как оказывается, той насмешки, которой подверг ее неумолимо-своенравный Шлецер»³⁰⁵. Последний следующим образом высказался об идее А.К. Шторха, сделав показательную оговорку: «Каким образом ученый человек, сведущий в немецкой словесности... мог попасть не токмо на ненаучную, но и уродливую мысль о древней России (которая, конечно, бы опровергла все, что до сих пор о ней думали)»³⁰⁶.

Обращаясь к религии, Погодин прямо заявил, что не ее изучение станет служить объяснением происхождения варягов, но принятый тезис об их норманской природе станет той точкой, с которой будут рассматриваться верования призванного племени. Приводя цитаты из источников о религии варягов, ученый говорил: «Все эти места относятся к варягам-руси, а не к славянам, представляют действия и верования варягов-руси, а не славянских наших племен, все они, следовательно, принадлежат мифологии варяго-русской, скандинавской, а не славянской, и с этой точки зрения должны быть объясняемы. Так требует здравый рассудок и историческая последовательность». Такой подход неизбежно вел к преувеличениям при объяснении соответствующих сведений источников. Комментируя упоминаемый в договорах Руси с Византией обычай князей и дружины клясться богами Перуном и Волосом, историк утверждал: «Может ли быть какое сомнение, что это боги норманские, а не наши славянские: Олег и мужи его, чистые норманны, первого поколения, большею частью пришедшие с Рюриком, не могли бы клясться чужими богами, богами, которым не верили: всякий клянется своею клятвою». Ссылаясь на С. Сабинина, Михаил Петрович соглашался «что Волос есть одно и то же мифологическое божество с Одином, а Перун с Тором...».

Вместе с тем, он отметил, что «в Перуне находят сходство с скандинавским Тором, но без достаточного, кажется, основания», хотя при этом и ого-

---

³⁰⁵ Погодин М.П. Исследования... Т. III. С. 297, 300-301.

³⁰⁶ Шлецер А.Л. Указ. соч. Ч. I. С. 388-390.

ворился, что «нельзя решить даже, есть ли это слово славянское...»³⁰⁷. Однако в 1872 г. в дискуссии с Д.И. Иловайским он заявил: «Но почему вы знаете, что между этими божествами не было соответствия? Перун разве не близок Тору?»³⁰⁸. Также вызвало у исследователя затруднения и объяснение происхождения еще некоторых божеств: «...Стрибога, который, судя по слову о полку Игореве, был богом ветров. Но как в русскую мифологию попало это славянское имя вместе с Дажбогом? Может быть, это были собственно славянские божества, которые присоединены Владимиром к его русскому сонму»³⁰⁹.

В связи с рассуждениями Погодина актуально указать, что сегодня археологи-норманисты Д.А. Мачинский, В.Я. Петрухин, Л.С. Клейн пытаются объяснить факт приверженности варягов славянским языческим божествам перенятием норманнами местных верований. Д.А. Мачинский полагает, что они были усвоены в начале X в. «скандинавами поколения Рюрика-Олега...». В.Я. Петрухин объясняет это тем, что «именно от местных богов зависела удача». Он также указывает на «прагматическую» ориентацию норманнов «на славянские обычаи и язык, необходимые в отношениях как с данниками-славянами, так и с Византией и Халифатом», поэтому скандинавы клялись при заключении договоров с греками «именами славянских богов Перуна и Волоса: ведь они пришли из славянских земель». Л.С. Клейн говорит, что, «по скандинавским нормам, боги сильны только на своих землях» и что в представлениях норманнов «славянский громовержец Перун мог легко подменить скандинавского громовержца Тора»³¹⁰.

---

³⁰⁷ Погодин М.П. Исследования...Т. III. С. 304-306, 307-308, 310.

³⁰⁸ Погодин М.П. Новшество г. Иловайского. С. 280.

³⁰⁹ Погодин М.П. Исследования...Т. III. С. 310.

³¹⁰ Мачинский Д.А. Ладога / *Aldeigja*: религиозно-мифологическое сознание и историко-археологическая реальность (VIII–XII вв.) // Ладога и религиозное сознание. Третьи чтения памяти А. Мачинской. СПб., 1997. С. 164; Петрухин В.Я. Древняя Русь: Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. Т. I (Древняя Русь). М., 2000. С. 149, 252, 257-259, 261; Он же. Мифы древней Скандинавии. М., 2010. С. 281, 403; Клейн Л.С. Воскрешение Перуна. С. 42, 136, 142, 144, 146, 173-174; Он же. Спор о варягах. С. 172, 208.

Однако еще в 1876 г. С.А. Гедеонов отметил, что «промена одного язычества на другое не знает никакая история». С ним соглашается сегодня В.В. Фомин, который подчеркивает, что «не могли норманские конунги поступить так, как их заставляют делать норманисты, ибо они, становясь поклонниками Перуна и Велеса, “тем самым отрекались от своих родословных”, которые вели от языческих богов, следовательно, навлекали на себя и на своих подданных неминуемую беду». Ученый указывает, что в «языческом пантеоне князя Владимира Святославича 980 г.» присутствуют «боги разных народов – славян, иранцев, угро-финнов», но нет «ни одного скандинавского бога»³¹¹.

Законы варягов-руси Погодин считал одним из важных доказательств их норманского происхождения. Поэтому, в первую очередь, он рассмотрел самый значимый из дошедших памятников права Древней Руси – Русскую Правду. Исследователь сразу обозначил свой подход к анализу источника: «Законы и обычаи русские=норманские=скандинавские=варяжские сохранились между нами, как верования, как имена, как язык, как дух, подвергаясь мало-помалу вместе с ними влиянию туземному, потом христианства».

Михаил Петрович вновь прибегнул к приему сравнения древнерусских и германских законов. Обозначив статьи, написанные князем Ярославом Мудрым, историк заявил, что они «являют германское происхождение, то есть месть, пени за побои, повреждения, постановления относительно холопов, коней, значение 12 мужей, в роде присяжных, и проч.»³¹². Заметим, что, как сегодня обращает внимание В.В. Фомин, современники Погодина Г. Эверс и Г.А. Розенкампф «показали несостоятельность утверждений норманистов о скандинавской основе Русской Правды»³¹³.

Слабость, натянутость применяемого Погодиным приема еще более очевидно выступает в последних двух аргументах историка – обычаи и обряды, нравственные качества. Например, говорил он, у варягов «*красота уважалась*». Также «известно, как норманны уважали красоту». У наших князей

---

³¹¹ Гедеонов С.А. Варяги и Русь. С. 92; Фомин В.В. Ломоносовофобия... С. 214-215.

³¹² Погодин М.П. Исследования...Т. III. С. 359-360, 367, 378-379, 381-382.

³¹³ Фомин В.В. Варяго-русский вопрос... С. 446.

«многоженство допускалось», и «норманские обычаи были совершенно те же: люди знатного происхождения имели по нескольку жен». Ученый обратил внимание, что «*баню* очень любили норманны, которые ходили в оные по субботам», и привел примеры из истории Англии и Руси³¹⁴.

Наконец, особенно слабым и несостоятельным выглядит последний аргумент историка – «нравственные качества», «характер народный». Вместе с тем, здесь наиболее очевидно выявилась и слабость того приема, на котором построены последние пять доказательств, поскольку в данном случае Погодин проводил параллели между такими нравственными качествами норманнов и варягов, которые свойственны человеческой природе в целом, либо вообще народам, находящимся на определенной ступени развития.

В первую очередь, ученый указал на «*страсть к войне* варягов-руси, *страсть*, которой отличались их единомышленники пред всеми современными народами Европы». На Руси «мужчины с детства начинали ходить на войну» – «так и на севере». У варягов «*славолюбие* тесно соединено было со *страстью к войне*» – «точно таковы были норманны». Далее, «*корыстолюбие* – вторая побудительная причина войны» – «о норманнах говорить нечего в этом отношении: они слишком известны». И «в *жестокости* наши варяги-русь не уступали также своим единоплеменникам». Михаил Петрович проиллюстрировал примерами «*гордость*», «*мстительность*», «*хитрость*», «*сластолюбие*» варягов и норманнов³¹⁵.

Таким образом, изложенные в третьем томе «Исследований» последние пять доказательств норманнского происхождения варягов – их действия, религия, законы, обычаи и обряды, нравственные качества, – основаны на проведении параллелей между соответствующими племенами. Однако этот прием, по справедливому замечанию 1876 г. И.Е. Забелина, «утвержден только на собранных чертах простого человеческого естественного сходства в некото-

---

³¹⁴ Погодин М.П. Исследования...Т. III. С. 418-425, 430-434, 439, 441, 443, 451-453.

³¹⁵ Там же. С. 454-459, 461, 463-472.

рых обычаях, нравах», такие свойства «без особого труда можно найти у всех народов, и они в сущности объясняют только, что люди везде люди»³¹⁶.

Погодин видел в этих аргументах особую доказательную силу и вменял их разработку себе в заслугу: «Прежние исследователи, довольствуясь внешними, так сказать, доказательствами, т.е. свидетельствами, не обращали внимание на действия варягов-руси, но, по моему мнению, это внутреннее доказательство должно причислить к самым значительным и твердым»³¹⁷. Однако, по словам К.Д. Кавелина, это «дельное замечание о прежних исследователях отчасти относится к нему: он тоже останавливается иногда на одних внешних свойствах, которые сами по себе ничего не доказывают, потому что бывают общи самым различным народам»³¹⁸.

Разбирая мнение М.В. Ломоносова о происхождении варягов, сам Погодин признавал, что простое сходство в обычаях у разных народов не служит аргументом в пользу их тождества: «Есть несколько обычаев сходных с прусскими, еще более с норманскими, несколько со славянскими, пожалуй, с финскими, турецкими – но одно это сходство не может служить доказательством происхождения»³¹⁹.

Сегодня В.В. Фомин, показывая несостоятельность такого способа аргументации, когда сходство принимается за тождество, констатирует, что он присущ не только Погодину, но используется сторонниками норманизма давно и на современном этапе звучит вновь. Например, в 1835 г. В.В. Григорьев, говоря о походах руссов X в. по сообщениям арабских авторов, утверждал, что эти мероприятия «носят все качества и признаки других норманских походов», «все признаки норманского духа», их «образ действия уже показывает норманнов, которые всегда вторгались по течению рек». В 1998 г. А.А. Александров подчеркивал, что в ситуации восстания древлян в 945–946 гг. княгиня Ольга действовала «как типичная скандинавка». В 2000 г. архео-

---

³¹⁶ Забелин И.Е. Указ. соч. С. 111-112.

³¹⁷ Погодин М.П. Исследования... Т. II. С. 90-91.

³¹⁸ Кавелин К.Д. Исторические труды М.П. Погодина. Стб. 140-141.

³¹⁹ Погодин М.П. Исследования... Т. II. С. 183.

лог В.Я. Петрухин полагал, что поход руси начала X в. на Каспий напоминает «морские набеги викингов на Западе, в империи Каролингов: разграбив побережье Каспия, русы укрылись на близлежащих островах, и неопытные в морских сражениях местные жители были разбиты, когда попытались на своих лодках сразиться с русами». По поводу последних двух рассуждений В.В. Фомин замечает, что это «стиль в духе Погодина».

В 1978 г. Г.С. Лебедев, анализируя сообщение Ибн Фадлана о «неопрятности» руси, делал вывод, что «способ омовения, когда несколько человек пользуются одной лоханью, чужд славянской бытовой культуре и несомненно германского происхождения». В 2010 г. В.Я. Петрухин заключал о характере этого обычая умывания из таза, что он «несвойственен народам Восточной Европы, в том числе славянам – они использовали рукомойник; этот обычай присущ народам Европы Северной». А.Г. Кузьмин в связи с такими рассуждениями отмечал, что «этот способ аргументации весьма напоминает доводы старых норманистов: русы любили мыться в бане, норманны – тоже. Следовательно, русы – норманны»³²⁰.

Возвращаясь к разобранным мыслям Погодина, необходимо подчеркнуть, что он периодически сталкивался с такими сообщениями источников, которые противоречили взгляду о норманской природе явлений древнерусской истории и заставляли его признавать и славянский их характер.

Таким образом, в рассуждениях историка не действия, религия, законы, обычаи и обряды частной жизни, нравственные качества служат доказательствами скандинавского происхождения варягов, а заранее принятое положение об их «норманстве» заставляет рассматривать эти действия, религию, законы, обычаи и нравы как скандинавские. Можно сделать вывод, что в треть-

---

³²⁰ Григорьев В.В. О древних походах руссов на Восток // ЖМНП. 1835. Ч. 5. С. 240, 248, 257; Александров А.А. Псковские сопки (историографические, исторические и топонимические комментарии к археологической карте) // Труды VI Конгресса славянской археологии. Т. 4. М., 1998. С. 149; Петрухин В.Я. Мифы древней Скандинавии. С. 279; Лебедев Г.С. Этнографические сведения арабских авторов о славянах и руси // Из истории феодальной России. Л., 1978. С. 23; Кузьмин А.Г. Начало Руси. С. 405, коммент. 802; Фомин В.В. Начальная история Руси. С. 167-169; Он же. Голый конунг. С. 246-248.

ем томе «Исследований» Погодин последовательно приложил тезис о норманском происхождении призванного племени к объяснению всех основных явлений древнерусской жизни. Однако очевидные натяжки, к которым он прибегал, крайности, которые стали неизбежным следствием такого подхода, его алогичность в итоге не утверждают, а подрывают само исходное основное положение. Представляется, что это весьма показательный историографический урок, актуальный и в наше время, поскольку сегодня, как уже было сказано, рассуждения в духе Погодина о всеобъемлющем влиянии норманнов на все стороны жизни Древнерусского государства звучат вновь.

Следует также отметить, что, справедливо указав на важную роль варягов в образовании государственности на Руси и при этом утверждая мысль о норманской природе прибывшего племени, Михаил Петрович был до конца верен принятой точке зрения и показал, к каким результатам приводит подобный взгляд. Между тем, на что сегодня обращает внимание В.В. Фомин, некоторые норманисты, также говоря о преобладании скандинавов в жизни древнерусского общества, об их бóльшей развитости по сравнению со славянами, вместе с тем заявляли, что следы данного влияния исчезли впоследствии под ассимилирующим воздействием славянской культуры, либо просто выражали недоумение по поводу отсутствия этих следов.

А.Л. Шлецер в начале XIX в. своем «Несторе» говорил, что на Руси «все делается славянским! явление, которого и теперь еще совершенно объяснить нельзя», что из смешения языка славян и скандинавов «не произошло никакого нового наречия». А в 1999 г. Р.Г. Скрынников утверждая, что «на обширном пространстве от Ладоги до днепровских порогов множество мест и пунктов носили скандинавские названия», вместе с тем заключал: «...Со временем следы норманской культуры окончательно исчезли под мощным слоем славянской культуры». Тем самым, подытоживает сегодня В.В. Фомин, автор «расписался в безосновательности своей посылки». Здесь уместно будет привести слова 1849 г. лингвиста И.И. Срезневского по поводу тенденции норманистов преувеличивать влияние скандинавов: «Уверенность,

что это влияние непременно было и было сильно во всех отношениях, управляла взглядом, и позволяла подбирать доказательства часто в противность всякому здравому смыслу». Проведя анализ слов, которым приписывается норманское происхождение, он сделал вывод о нескандинавской природе большинства из них: «...Остается около *десятка* слов происхождения сомнительного или действительно германского»³²¹. Последовательность же в данном вопросе Погодина позволяет увидеть ту картину древнерусской истории, которая вырисовывается с норманской точки зрения. Здесь уместно вспомнить слова С.М. Соловьева, что в силу этой последовательности ученый «делает Перуна, Волоса и другие славянские божества скандинавскими», также и «Русская Правда является скандинавским законом, все нравы и обычаи русские объясняются нравами и обычаями скандинавскими»³²².

---

³²¹ Шлецер А.Л. Указ. соч. Ч. I. С. 342, прим. *; то же. Ч. II. СПб., 1816. С. 171-172; Скрынников Р.Г. Русь IX–XVII века. С. 17-18; Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. СПб., 1850. С. 130-131, 154; Фомин В.В. Начальная история Руси. С. 44, 56.

³²² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 1-2. С. 325, прим. 437.

ГЛАВА 3. ИЗМЕНЕНИЕ ВЗГЛЯДОВ М.П. ПОГОДИНА НА ВАРЯГО-РУССКИЙ ВОПРОС

§ 1. ОТНОШЕНИЕ М.П. ПОГОДИНА К ТРУДАМ АНТИНОРМАНИСТОВ

В науке за Погодиным закрепилась репутация, по определению, данному в 1899 г. Н.П. Загоскиным, «особенно фанатичного поборника учения норманизма»³²³. Действительно, ученый упорно, «не на живот, а насмерть», если использовать его выражение, отстаивал норманское происхождение варягов и руси в течение всей жизни. Если какой-либо исследователь высказывал иную точку зрения, он сразу же старался разобрать ее и опровергнуть в своих работах. Он был человеком, справедливо констатировал в 1999 г. К.Б. Умбрашко, «открытым для полемики, готовым и в юности, и в старости яростно защищать любимые идеи». Как заметил в 2003 г. Н.И. Павленко, «кажется, ни один из историков – современников Погодина не инициировал такого количества дискуссий, как Михаил Петрович»³²⁴.

Среди этих прений важное место занимали споры именно по варяго-русскому вопросу. Погодин всегда подробно разбирал аргументацию оппонентов, стремился опровергнуть ее определенной системой собственных доказательств. Например, в дискуссии с Н.И. Костомаровым (1860), С.А. Гедеоновым (1864), Д.И. Иловайским (1872) историк осуществлял «подстрочный» разбор их трудов.

К.Б. Умбрашко заметил, что Погодин «остался в памяти современников человеком с несколько скандальной репутацией», поскольку «в силу своего характера он не мог спокойно относиться к научным теориям, с которыми не был согласен и почти всегда негативное отношение к той или иной концеп-

---

³²³ Загоскин Н.П. История права русского народа. Лекции и исследования по истории русского права. Т. I. Казань, 1899. С. 336.

³²⁴ Умбрашко К.Б. М.П. Погодин. Человек. Историк. Публицист. С. 165; Павленко Н.И. Указ. соч. С. 189.

ции переносил на их носителей»³²⁵. Однако при этом историк все же сохранял с оппонентами уважительные отношения.

Важно подчеркнуть, что Михаил Петрович переводил и публиковал труды антинорманистов, стремясь вовлечь в научный оборот все мнения, чтобы позволить читателю сравнить разные точки зрения, более объемно взглянуть на проблему. В заседании Императорского Общества истории и древностей российских 15 апреля 1825 г. он «предложил об издании на русском языке главных изысканий, сделанных иностранцами по части русской истории, преимущественно древней, и о переводе, на первый раз, Байера, Эверса, и Общество определило перевод Эверса поручить самому же Погодину». Поскольку Погодин «давно уже занимался» творчеством этого ученого, «то не удивительно, что через месяц после предложения он уже представил в Общество готовый перевод эверсовых предварительных изысканий, относящихся к древней российской истории». И в конце года перевод «вышел в свет»³²⁶. В этом исследовании Эверс выступил против норманского происхождения руси и обосновывал ее южное (хазарское) происхождение.

Интересно сравнить уважительную позицию Погодина к труду представителя противоположных взглядов с отношением другого норманиста знаменитого историка Н.М. Карамзина. При личном свидании с ним в 1825 г. Михаил Петрович передал ему перевод Эверса. Н.М. Карамзин сказал: «А это Эверс? Как не стыдно историческому Обществу издавать Эверса? Вот то-то что у нас везде есть имена, а нет вещей. Я уважаю Эверса, его познания; но не понимаю каким образом можно нам повторять его нелепое мнение, к поддержанию которого он клонит свою книгу. Это ошибка против вкуса». Погодин вспоминал: «Я сидел как на иглах, ибо я предложил, я и перевел Эверса. “Общество имело другую цель, – сказал я, – оно хотело сделать гласной книгу, на которую у нас опираются многие, и представить, таким образом, воочию нелепость мнения эверсова, мной разобранного”. “Кто же эти

---

³²⁵ Умбрашко К.Б. М.П. Погодин. Человек. Историк. Публицист. С. 165.

³²⁶ Барсуков Н.П. Указ. соч. Кн. 1. С. 312-313.

многие? Их нет. По-моему, если есть какая-либо историческая истина, так такую должно почитать скандинавское происхождение руссов»³²⁷.

Погодин в течение 1826 г. «перевел и издал на счет Императорского Общества истории и древностей российских 2-й том исторических исследований Эверса». Тогда же он завершил другой свой труд – перевод сочинения другого профессора Дерптского университета И.Г. Неймана, вышедшего на немецком в 1825 г., и опубликованного на русском языке в 1826 г. под заглавием: «О жилищах древнейших руссов. Сочинение г-на N. и критический разбор оного». Автор данной работы также защищал южное происхождение руси. Этот перевод Погодин посвятил Эверсу.

Когда господство норманской теории в своих крайних формах («ультранорманизм шлецеровского типа» по упомянутому определению В.А. Мошина), с одной стороны, и все более возраставший интерес к истории славянства и русского народа, с другой, привели в первой половине XIX в. к появлению антинорманистских работ, то одной из них был труд М.А. Максимовича (1804–1873) «Откуда идет Русская земля, по сказанию Несторовой повести и по другим старинным писаниям русским», увидевший свет в 1837 г. в Киеве³²⁸. Михаил Александрович был другом Погодина по Московскому университету. Их дружба продолжалась вплоть до смерти Максимовича, о чем свидетельствует их переписка³²⁹. Автор считал варягов норманнами, а русь – славянами-рюгенцами Южной Балтики. Погодин начал писать рецензию («письмо к сочинителю»), которую завершил и опубликовал в 1841 г. в издаваемом им журнале «Москвитянин». Одновременно он предоставил слово Максимовичу для ответа, тем самым очень умело и удобно для заинтере-

---

³²⁷ Погодин М.П. Мое представление историографу. Стб. 1766-1770; Барсуков Н.П. Указ. соч. Кн. 1. С. 330-331.

³²⁸ Максимович М.А. Откуда идет Русская земля, по сказанию Несторовой повести и по другим старинным писаниям русским // Он же. Собрание сочинений. Т. I. Киев, 1876. С. 9-67.

³²⁹ Письма М.П. Погодина к М.А. Максимовичу. С. 3-136; РГАЛИ. Ф. 373. Оп. 1. Ед. хр. 224; Ф. 314. Оп. 1. Ед. хр. 35.

сованной аудитории организовав полемику на страницах собственного издания³³⁰. На антикритику друга Погодин также напечатал ответ.

Следует особо подчеркнуть значение этих действий Михаила Петровича и поставить их ему в заслугу, поскольку они характеризуют его как корректного ученого, осознающего необходимость донести до читателя противоположную точку зрения как для оживления интереса к проблеме, так и для пользы науки в целом. Сам историк, объясняя свои намерения, говорил: «Я хотел основать в своем журнале критику в новом духе, то есть критику беспристрастную и, сколько возможно, дельную... С этой целью, для примера, я избрал темою сочинения близких мне людей».

Отметив спокойное отношение М.А. Максимовича к критике, Погодин заключал: «Да и как могло быть иначе: кто предан науке, кто любит истину, тот принимает речь об ней с любовью, как бы она ни была высказана». А если «сказать педанту, который привык пользоваться незаслуженной славой, сказать даже учтиво: вы не издали никакого сочинения, вы не написали никакого рассуждения, вы не рассмотрели даже ни одной книги порядочно – а только грозитесь из-за угла и обещаетесь. О – такое учтивное замечание приводит в неистовство...»³³¹. Таким образом, опубликованная Погодиным в журнале «Москвитянин» в 1841 г. его полемика со своими друзьями Н.И. Надеждиным (считал русь южным племенем)³³², Ф.Л. Морошкиным (считал и варягов, и русь славянами)³³³, М.А. Максимовичем должна была, по замыслу Михаила Петровича, стать образцом беспристрастной критики (хотя он, в

---

³³⁰ Максимович М.А. Письмо к издателю // Москвитянин. 1841. Ч. III. С. 199-205.

³³¹ Погодин М.П. Ответ. С. 211.

³³² Надеждин Н.И. О важности исторических и археологических исследований Новороссийского края, преимущественно в отношении к истории и древностям русским // Торжественное собрание Одесского общества любителей истории и древностей 4 февраля 1840 года. Одесса, 1840. С. 27-58; Погодин М.П. О важности исторических и археологических исследований... С. 547-557.

³³³ Морошкин Ф.Л. О значении имени руссов и славян. М., 1840. С. 4-75; Погодин М.П. О значении имени руссов и славян. С. 557-561.

своей манере, не избегал назидательного тона по отношению к оппонентам)³³⁴.

Дружеские отношения связывали историка с Ю.И. Венелиным (считал русь славянами-померанцами), взгляды которого он критиковал, но способствовал изданию его трудов, его занятиям научной деятельностью³³⁵. В 1846 г. Погодин рассказывал: «В 1827 году покойный Венелин, среди разговоров исторических со мною... сообщил мысль свою о древности славян – никогда не представлялась она мне столь ясною и убедительною: славяне живут искони в Европе, скрывавшись до VI-го века под другими именами. Множество положений важных для науки, казалось мне, можно извлечь из нее, и я убедил Венелина, тогда медицинского студента, изложить свои мнения в особом сочинении, которое и напечатал в 1828 году под заглавием “Древние и нынешние болгары” и которое породило несчастных подражателей».

И хотя Михаил Петрович критиковал этот труд за крайности выраженных в нем воззрений, он не сомневался в его пользе: «В печати недостатки оказались явственнее, чем в изустной увлекательной речи, и я тогда же увидел, что это сочинение может только обратить внимание на предмет, возбудить любопытство, поднять спор, но не более, чем и оправдывался пред знаатоками...». Историк также отмечал, что Ю.И. Венелин ездил «для продолжения своих ученых исследований в путешествие по Болгарии (1830, 1831), устроенное общими силами наших знакомых»³³⁶.

В 1864 г. Погодин, дискутируя с С.А. Геденовым (полагал, что варяги – южнобалтийские славяне), с уважением признавал, что в его лице «норманская система» встретила «сильного и опасного противника»³³⁷. В письме 1853 г. Степана Александровича Погодину содержатся интересные сведения об отношении последнего к научным занятиям коллеги: «Вы хотите знать, что

---

³³⁴ Барсуков Н.П. Указ. соч. Кн. 6. С. 93-107.

³³⁵ Погодин М.П. Исследования... Т. II. С. 197-198; Барсуков Н.П. Указ. соч. Кн. 4. С. 51-60; то же. Кн. 6. С. 200-202; НИОР РГБ. Ф. 231/1. Картон 44. Ед. хр. 32; Ф. 231/II. Картон 6. Ед. хр. 73.

³³⁶ Погодин М.П. Исследования... Т. II. С. 374-375, 377.

³³⁷ Погодин М.П. Г. Геденов... С. 1.

делается с норманнами и славянами? Вот уже пятнадцать лет, как я занимаюсь этим вопросом, первым и по мне важнейшим русской истории; награду, если не за умение, то за труд, получил я от вас: не бойтесь за меня увлечений света; кому вы, Михаил Петрович, сказали “пиши”, тот должен и будет писать»³³⁸. Ученый поддерживал отношения с антинорманистом И.Е. Забелиным (правда, с ним шла дискуссия не по варяго-русскому, а по вопросу о методах исторического исследования), о чем свидетельствует их переписка³³⁹.

После смерти М.Т. Каченовского Погодин, несмотря на испорченные с ним отношения в связи с борьбой со «скептической школой», «почтил его память самым сочувственным образом», признал его «самым исправным профессором», человеком, отличавшимся «честностью и бескорыстием». Он сказал, что, несмотря на «ученое разногласие», всегда «чтил его достоинства». Погодин хлопотал перед университетским начальством о материальном обеспечении вдовы и детей Каченовского³⁴⁰.

Полемика с Д.И. Иловайским (1832–1920) по варяго-русскому вопросу была одной из последних дискуссий историка. Из письма от 18 декабря 1872 г. Дмитрия Ивановича Погодину можно узнать о его позиции и отношении к оппоненту: «Многоуважаемый Михаил Петрович. Посылаю Вам отдельный оттиск моей последней статьи о варяжском вопросе. Из нее Вы увидите, что с норманизмом я окончательно расхожусь и намерен вести с ним войну беспощадную. Различие мнений по этому вопросу конечно не мешает мне питать к Вам прежнее уважение и чтить Ваши заслуги»³⁴¹.

Таким образом, Погодин проявлял подлинно научное отношение к противоположной точке зрения, публикуя и переводя труды оппонентов, вступая с ними в дискуссии. Но в том числе под его несомненным влиянием и другие ведущие норманисты XIX столетия начинали думать подобным образом. Так, например, в 1855 г. С.М. Соловьев констатировал, что «отрицание сканди-

---

³³⁸ НИОР РГБ. Ф. 231/II. Картон 7. Ед. хр. 115.

³³⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 1. Ед. хр. 74.

³⁴⁰ Барсуков Н.П. Указ. соч. Кн. 6. С. 341-342.

³⁴¹ РГАЛИ. Ф. 373. Оп. 1. Ед. хр. 161.

навского происхождения Руси освобождало от вредной односторонности, давало простор для других разнородных влияний, для других объяснений, от чего наука много выигрывала»³⁴². Не ранее 1876 г. В.О. Ключевский следующим образом охарактеризовал свое отношение к норманской теории: «Мы чувствовали, что в ней много нескладного, но не решились сказать что-либо против нее. Мы ее сохранили как ученики ее создателей и не знали, что делать с ней как преподаватели. Открывая свой курс, мы воспроизводили ее, украшали заученными нарядами и ставили в угол, как ненужный, но требуемый приличием обряд»³⁴³.

§ 2. РАЗБОР М.П. ПОГОДИНЫМ ВЗГЛЯДОВ И.Ф.Г. ЭВЕРСА

Одним из первых трудов, где Михаил Петрович опровергал антинорманские взгляды, был его разбор концепции немецкого ученого, работавшего в Дерптском университете, И.Ф.Г. Эверса (1781–1830). С его основной работой Погодин познакомился при подготовке магистерской диссертации благодаря одному из преподавателей Московского университета М.Т. Каченовскому. Последний в 1823 г. «печатал в своем “Вестнике Европы” свой перевод сочинения» немецкого ученого-лингвиста И.С. Фатера (1771–1826) «О происхождении русского языка и о бывших с ним переменах». В этом сочинении «Фатер признавал призванных нами руссов готами, оставшимися издревле при Черном море и соединившимися там с поселенцами норманскими». Прочитав это, «Погодин написал разбор фатерова рассуждения и желал напечатать его в “Вестнике Европы”; но Каченовский, стоявший за южное происхождение руссов, отказался напечатать этот разбор».

Другой преподаватель университета И.И. Давыдов «сказал ему, что статья его “задела Михаила Трофимовича... тем более, что сам не сделал на статью Фатера никакого замечания и почитал ее за неприкосновенную”». Вместе с тем, «Давыдов сообщил Погодину, что Каченовский “хочет дать

---

³⁴² Соловьев С.М. Каченовский Михаил Трофимович // Он же. Сочинения в XVIII кн. Кн. XXIII. М., 2000. С. 83.

³⁴³ Ключевский В.О. Наброски по варяжскому вопросу. С. 119-120.

ему какую-то книгу и говорит, что, если он и после ее останется при своем мнении, тогда напечатает разбор»». Когда Михаил Петрович пришел к Каченовскому, тот сказал: «Я вам хотел дать книгу; возьмите Эверса, прочтите ее со вниманием, здесь вы увидите много света. Надо знать все мнения, и если после вы останетесь при своем, то посмотрим». В конце концов «Каченовский все-таки не напечатал разбора сочинения Фатера»³⁴⁴.

Перед защитой диссертации Погодин волновался, поскольку тезис «“варяги-русь не хазары” не мог быть приятен Каченовскому, который с высоты университетской кафедры, согласно дерптскому ученому Эверсу, проповедовал хазарство руси; а между тем, Каченовский был первый судья диссертации»³⁴⁵.

В качестве свидетельства уважительного отношения самого Эверса к Михаилу Петровичу приведем строки из письма к нему его ученика И.Ф. Золотарева, посетившего в 1830 г. Дерпт: «В воскресенье был с письмом вашим у почтеннейшего мужа, равно всеми здесь любимого и уважаемого – у Эверса. Он очень болен глазами, но, несмотря на то, узнав, что я имею письмо от вас, принял меня и я имел счастье быть им обласкан, как нельзя более... Он поручил мне уведомить вас, что он сам будет отвечать вам касательно ваших с ним ученых сношений»³⁴⁶.

Разбор взглядов немецкого ученого на варяго-русский вопрос Погодин предпринял в своей диссертации 1825 г. «О происхождении руси», почти без изменений внесенный во второй том «Исследований» в 1846 г., в котором, посвятив отдельную главу опровержению мнений антинорманистов, он подчеркнул: «Начнем с Эверса. Ему принадлежит здесь первое место, потому что он, представляя свое мнение о восточном происхождении руси, поступил как истинный ученый (хотя и пристрастный), и перебрал почти все, известные в его время, противные ему доказательства»³⁴⁷.

---

³⁴⁴ Барсуков Н.П. Указ. соч. Кн. 1. С. 228-229.

³⁴⁵ Там же. С. 291.

³⁴⁶ Барсуков Н.П. Указ. соч. Кн. 3. СПб., 1890. С. 186.

³⁴⁷ Погодин М.П. Исследования... Т. II. С. 94.

Рассмотрим те позиции Погодина, которые, во-первых, показывают, что историк использовал аргументы Г. Эверса против ряда распространенных положений норманской теории. Во-вторых, обратим внимание на те утверждения и доказательства немецкого ученого, которые Михаил Петрович стремился опровергнуть, но, как он сам признавался, это ему не удалось в полной мере. Разбор именно этих позиций позволит наглядно проиллюстрировать факт влияния антинорманистских взглядов, в данном случае Г. Эверса, на концепцию самого Погодина.

Разбирая разные точки зрения по вопросу о конкретной этнической принадлежности руси, Михаил Петрович остановился на следующем распространенном среди норманистов утверждении: «Тунманн и Шлецер почитают варягов-русь – именно шведами. Первое мнение сие выдал Тунманн», который, однако, заметил, что «шведы никогда не называли себя руссами; ни один народ не называет их так, кроме финнов». Чтобы отстранить это возражение, Тунманн говорил: «финны называют себя не финны, а суоми... ни один немец не называет себя аллеманом»³⁴⁸.

Погодин для опровержения этой мысли использовал аргументы Г. Эверса: «Почему же финны, называя шведов руссами, не назвали также и народ, вновь ими у славян... составленный, и продолжали его называть, как и прежде, веннеланами, как будто бы руссы тут и не делались господами?», «мог ли бы целый народ занять свое имя от другого потому только, что выбирает себе государей из сего последнего?», «покоренным народам всегда почти давалось имя их покорителей; но беспримерным и неестественным... кажется, чтоб завоевывающий народ переменял собственное свое имя на другое, употребляющееся у соседа, и сообщил сие принятое, чуждое для себя имя основанному им государству», «если шведы назывались у славян по Бал-

---

³⁴⁸ Погодин М.П. Исследования... Т. II. С. 142-143.

тийскому морю до Рюрика руссами, то когда и почему перестали они так называться у сих славян?»³⁴⁹.

В 1825 г. Погодин отметил, что «сходством самой Русской Правды с законами скандинавскими доказывали скандинавское происхождение руссов». Первым «обратил внимание на это Штрубе; Шлецер принял оное в доказательство», однако «Эверс основательно опровергнул их причины». Михаил Петрович полагал, что «скандинавы и Ярослав заимствовали свои законы от германцев» и что «сношение с Германией было у нас частое». Но «если бы даже доказано было занятие сих законов от скандинавов и тогда нельзя было бы сим доказывать происхождения руссов, бывшего с лишком за 200 лет до введения оных»³⁵⁰. Таким образом, под влиянием Г. Эверса Погодин сомневался в скандинавском происхождении основного юридического памятника нашей начальной истории и отказался доказывать им норманское происхождение варягов-руси.

Однако в 1846 г. он уже не сделал этой уступки: «В 1825 г. пишучи свое рассуждение о варягах-руси под влиянием шлецеровской буквы, я принял возражения Эверса, и не считал сходства законов доказательством происхождений. беру свою уступку назад, научась, что законы северные, несмотря на позднюю редакцию (впрочем, все-таки древнее, чем показывал Эверс) относятся к глубокой древности и могли быть, следовательно, источником Русской Правды»³⁵¹. Здесь следует подчеркнуть колебания Погодина вследствие воздействия на него аргументации Г. Эверса. Важно также отметить, что уступку свою Михаил Петрович взял обратно в 1846 г., когда для обоснования норманской природы варягов-руси все явления древнерусской жизни объяснял с позиций норманизма, впадая в очевидные преувеличения и натяжки. В 1825 г., однако, позиция Г. Эверса была для него убедительна.

---

³⁴⁹ Эверс Г. Предварительные критические исследования для российской истории. Кн. I-II. М., 1825–1826. С. 110-111; Погодин М.П. Исследования... Т. II. С. 142-144.

³⁵⁰ Погодин М.П. О происхождении руси. С. 42-43.

³⁵¹ Погодин М.П. Исследования... Т. III. С. 386.

Погодин не мог не признать серьезность опровержений ряда положений норманизма, выдвинутых учеником А.Л. Шлецера, и поэтому вынужден был отвечать на них. Г. Эверс «утверждал, что варяги по Нестору есть имя слишком общее и означает не одних норманнов»: «Нестор... расселяет варягов до симова удела, т.е. до Востока. Как теряются в сем обширном пространстве обитатели Балтийского и Немецкого морей! Оно вмещает кроме германцев еще многие другие народы...»³⁵². Погодин не соглашался и считал, что «никакого обширного пространства с многими народами из сих слов не видать: от Балтийского моря до Волги... недалеко»³⁵³. Как видим, Михаил Петрович не опровергнул утверждение Эверса, а просто привел свою интерпретацию источника.

В некоторых списках ПВЛ вместо варягов говорится о немцах. Интерпретируя эти известия, Г. Эверс констатировал: «Немцы есть общее имя для всех иностранцев... Нестор разумел под немцами только чужеземцев, не славян. Придавая это имя Рюрику и братьям, он хотел сказать только, что они были не славяне»³⁵⁴. Погодин признал, что «все места в наших летописях... показывают, что под немцами, говоря уже в самом обширном смысле,разумеются только европейские, только западные от Руси народы». Согласившись понимать под «немцами» в целом европейские народы, Михаил Петрович, однако, сделал непоследовательное заключение, сводящее значение этнонима «немцы» древнерусских источников исключительно к германским народам: «Следовательно, название немцами варягов в средних веках может служить подкреплением мнению, что варяги руссы суть происхождения германского»³⁵⁵.

По-другому понимал Г. Эверс и одно из западноевропейских свидетельств, привлекаемых норманистами в свою пользу – сведения кремонского епископа Лиутпранда (X в.): «Норманнами называет Лиутпранд руссов в

---

³⁵² Эверс Г. Указ. соч. С. 41-42.

³⁵³ Погодин М.П. Исследования... Т. II. С. 95.

³⁵⁴ Эверс Г. Указ. соч. С. 78.

³⁵⁵ Погодин М.П. Исследования... Т. II. С. 99-101.

смысле греков, потому что они обитали на север от сих последних...». Он также указывал, что, «может быть, и без отношения к грекам Лиутпранд употреблял имя норманнов в смысле многих современных западных писателей, у которых... все северные народы, а не один преимущественно, назывались норманнами», а «о происхождении их они не заботились»³⁵⁶. Погодин считал, что Лиутпранд называет руссов норманнами «в своем, а не в греческом значении». Михаил Петрович также полагал, что «западные летописатели принимали имя сие в надлежащем значении», т.е. в качестве скандинавских племен, по мысли ученого³⁵⁷. Таким образом, и в этом случае Погодин не опроверг мысли оппонента, а высказал свое понимание источника.

Вывод немецкого ученого о ненадежности производства имен деятелей древнерусской истории из скандинавских Михаил Петрович считал неубедительным³⁵⁸. Но впоследствии в ходе полемики с другими антинорманистами, прежде всего с С.А. Гедеоновым, Погодин признает вслед за Г. Эверсом ненадежность этого аргумента.

Историк справедливо заметил, что «противники норманского происхождения говорят еще о молчании норманских летописей», что «по моему мнению, это есть самое важное возражение: в скандинавских летописях нет ни слова о нашем Рюрике»³⁵⁹. Г. Эверс, очень точно характеризуя этот факт как «убедительное молчание», указывал, что скандинавские «предания», «песни» и «древние летописи» «не говорят ничего о Рюрике». Хотя «такое событие», справедливо подчеркивал он, «столь лестное для самолюбия норманнов, не могло бы казаться быть позабыто ими»³⁶⁰.

Отвечая, Михаил Петрович напоминал: «Шлецер отвечал на это возражение тем, что мы не имеем ни одного писателя между норманнами из IX и X столетия». От себя же добавлял, что «водворение Рюрика в Новгороде бы-

---

³⁵⁶ Эверс Г. Указ. соч. С. 123.

³⁵⁷ Погодин М.П. Исследования... Т. II. С. 124, 126.

³⁵⁸ Там же. С. 131.

³⁵⁹ Там же. С. 135.

³⁶⁰ Эверс Г. Указ. соч. С. 148-151.

ло сначала слишком маловажно, и не обратило на себя ничьего внимания», «последствия совершенно не соответствовали началу». Кроме того, «свидетельства о Рюрике могли пропасть». В итоге, он заключал: «Как бы то ни было, молчанием скандинавских летописей небольшому еще подвергается сомнению истина, что варяги – были норманны»³⁶¹. Как видим, историк сам понимал (хоть и «небольшое», но «сомнение»), что ему не удалось снять опровержение Г. Эверса, сохраняющее значение и сегодня.

Противоречили норманской теории и сведения о существовании на юге страны народов с этнонимом «русь» или близкими к нему. Эти свидетельства использовал Г. Эверс для утверждения своей мысли о южной, а именно хазарской природе руссов. Спасая свою концепцию, Погодин утверждал: «Руссов именно при Черном море мы никаких следов не находим». Впрочем, добавлял он, «нам принадлежали может быть некоторые острова на Черном море». Однако, чтоб не впасть в противоречие, историк заявлял: «Сии острова, как и остров Тамань (Тмутаракань), должно почитать завоеванием руссов после водворения их в Киеве»³⁶².

Михаил Петрович заметил, что вопрос о южной руси неверно решал норманист А.Л. Шлецер, который «почитал также сих руссов за особенный народ, который не имел к нам никакого отношения, который неизвестно откуда пришел на берега Черного моря и неизвестно куда скрылся», совершив поход на Константинополь. И Г. Эверс, заключал Погодин, прав, когда возражал «Шлецеру, утверждая, что киевские Аскольд и Дир предпринимали сей поход», но считал, что немецкий ученый ошибался, доказывая «и необходимость участия черноморских руссов в оном», существования которых Михаил Петрович в рамках своей концепции не мог признать³⁶³.

Таким образом, антинорманистская работа Г. Эверса стала одной из первых, которую пришлось опровергать Погодину. И уже по этому раннему его опыту видно, что он не был единокорен во всех утверждениях с другими

---

³⁶¹ Погодин М.П. Исследования... Т. II. С. 136-137.

³⁶² Там же. С. 254, 257.

³⁶³ Там же. С. 259.

представителями норманизма. Напротив, Михаил Петрович использовал доводы Г. Эверса, соглашаясь с ними, против некоторых положений сторонников скандинавского происхождения руси. Вместе с тем, силу выдвинутых немецким исследователем аргументов против идей, разделяемых самим Погодиным, историк не мог нейтрализовать. Однако следует отметить, что концепция последнего о хазарской природе руссов была достаточно убедительно опровергнута Погодиным (сам Г. Эверс впоследствии от нее отказался), что в целом создает впечатление бóльшей правоты московского историка³⁶⁴. Поэтому при изучении процесса изменения взглядов Михаила Петровича на варяжский вопрос в сторону уступок антинорманизму следует подчеркнуть влияние труда немецкого ученого.

Укажем в общем виде на связь этих изменений с идеями Г. Эверса. Погодин в итоге отказался принимать Скандинавию в качестве родины варягов-руси и более широко стал интерпретировать понятие «варяги» как обозначение этнически разных народов, что согласуется с аналогичными высказываниями Г. Эверса. Кроме того, немаловажно отметить, что Михаил Петрович так и не решил в рамках своей концепции и такой принципиальной проблемы варяжского вопроса, как происхождение этнонима «русь». Он просто объявлял этот аспект вопроса несущественным. В неприятии же Погодиным распространенной среди норманистов идеи происхождения этнонима «русь» от финского обозначения населения Скандинавии как «руотси» сыграла свою роль аргументация Эверса против данного решения проблемы.

§ 3. ДИСКУССИЯ М.П. ПОГОДИНА И Н.И. КОСТОМАРОВА

Показательной и заслуживающей особого внимания как яркий пример отношения Погодина к противоположной точке зрения является его дискуссия 1860 г. с Н.И. Костомаровым (считал русь литовским племенем жмудь), поскольку она прошла не только на страницах журналов, но и в форме ини-

---

³⁶⁴ Погодин М.П. Исследования... Т. II. С. 218-277.

цированного им публичного диспута. Н.П. Барсуков подробно осветил это событие, приведя обширные цитаты из многочисленных источников.

В 1860 г. Н.И. Костомаров опубликовал в «Современнике» работу «О начале руси» (в том же номере Н.А. Добролюбов говорил, что этот труд опровергает «норманство» Погодина, который все время повторяет «собственные старые мысли и не слышит на них возражений»)³⁶⁵. Историк написал статью в опровержение. В ней он признал Николая Ивановича «честным, добросовестным исследователем в куче шарлатанов, невежд, посредственностей и бездарностей», поэтому потребовал во имя науки «полной сатисфакции, то есть торжественного отступления из жмуди, или полного отражения» приведенных им доказательств. В противном случае он бросал Костомарову перчатку и вызывал на дуэль: «Без шуток, приехав на неделю в Петербург, я предлагаю вам публичное рассуждение, в университете, географическом обществе, или академии, в присутствии лиц, принимающих живое участие в вопросе»³⁶⁶.

Николай Иванович в «Санкт-Петербургских ведомостях» напечатал ответ, где сообщал, что принял вызов «с полным уважением как к науке, так и к почтенному ее ветерану», считая «это предложение высокой для себя честью», и объявил, что он найдет его, «с оружием в руках, везде и всегда, куда только назначит явиться»³⁶⁷. Согласие это оказалось для Погодина неожиданным. Чуть позже, при обсуждении организации диспута с «профессорами, академиками, литераторами», он был уверен, что большинство собравшихся скажет: «О чем же вам спорить, господа? Дело ясно. Есть только недоразумения на той и на другой стороне: вам нужно только объясниться, пожалуй, перед нами». Однако «этого не послышалось».

Погодин понял, что для них его правота не очевидна: «Большинство или запомняло на ту пору старые основания, или не познакомилось вни-

---

³⁶⁵ Костомаров Н.И. О начале руси // Современник. 1860. Т. LXXIX. С. 5-32; Добролюбов Н.А. Норманский период русской истории. Сочинение М. Погодина // Там же. С. 104-108.

³⁶⁶ Публичный диспут... С. 271.

³⁶⁷ Барсуков Н.П. Указ. соч. Кн. 17. СПб., 1903. С. 277-278.

мательно с новыми, или увлеклось только мыслью о споре, независимо от его содержания». И так, «как ни неожиданно» было для него «услышать согласие Костомарова», но не мог же он сказать ему, будто струсив: «Нет, я пошутил!». Поэтому он отвечал ему: «Разумеется: ну, так идем на бой!». Диспут проходил 19 марта 1860 г. в Санкт-Петербургском университете. Погодин вспоминал, что «народу набралось столько, что, когда он сел на кафедру», то «не мог буквально оборотиться, чтоб не задеть головою соседа»³⁶⁸.

Н.П. Барсуков привел многочисленные отзывы очевидцев события, которые по-разному оценили его. По словам одного из них, обыгравшего известную фразу из ПВЛ, «публика была велика и обильна, а порядка в ней не было». В другой публикации были приведены слова зрителя, представленные как общее мнение: «Я думал, что диспут будет интереснее. Но, право, не жаль ни денег, ни времени. Когда б чаще бывали такие диспуты – как бы хорошо было». Иные полагали, что поведение публики дискредитировало значение прения: «Оно началось; но студенты, которые составляли большинство слушателей, беспрестанно мешали делу рукоплесканиями и всякими знаками одобрения или неодобрения. Какое неуважение к науке, и где и от кого!». «Прежде мы не знали куда идем, а теперь не знаем и откуда», – эту остроту одного из свидетелей диспута многие считали соответствующей положению вещей³⁶⁹.

По замечанию современника, публика – «легковерная молодежь» – склонялась «больше на сторону Костомарова». Николай Иванович полагал, что молодое поколение на его стороне вовсе не потому, что «уверилось в литовском происхождении руси», т.к. и сам он «не считает это дело решенным», а потому, что он «указывает ему путь низвергать освященные временем предрассудки в русской истории». Если же публика ошиблась, заключал

---

³⁶⁸ Погодин М.П. О публичном диспуте... С. 150, 153.

³⁶⁹ Барсуков Н.П. Указ. соч. Кн. 17. С. 286, 291-295.

Костомаров, то виноват сам Михаил Петрович, представив «ей такие слабые доводы; если они были б сильнее, тогда бы она приняла» его сторону³⁷⁰.

Московские друзья Погодина также признавали поражение историка. А.С. Хомяков говорил: «Срам: какое ясное дело и не умел его выиграть так, чтобы и слепые видели, кто победил! Что публика была бессмысленная, во все не отговорка. Нет публики, при которой было бы позволительно не разбить Костомарова в пух и прах»³⁷¹. Тогда ученый опубликовал в оправдание «Отчет московским друзьям», в котором заявил, что, будучи заранее уверен в согласии Н.И. Костомарова с его доводами против жмудской теории, он, чтобы «облегчить ему согласие, подать удобный случай сказать несколько удачных слов в ответ», «предложил ему дуэль». Однако «это было ничто иное, как шутка»³⁷².

Отчет этот вызвал ряд публикаций против Погодина, некоторые из которых имели для него оскорбительный характер. Например, один из редакторов «Современника» Н.Г. Чернышевский заявил, что труды историка «не имеют ровно никакого ученого значения» и пора «приняться за перетряску хлама многих ученых», чтобы «всем стало видно, что это именно хлам, ничего не стоящий, ни к чему не годный», пора «разделаться с пустыми репутациями»³⁷³.

Костомаров также опубликовал статью, где критически разобрал «Отчет»³⁷⁴. Однако в личном письме оппоненту Николай Иванович выражал сожаление, что «к нашему спору присоединились с обеих сторон люди, которые смотрят на нас, как на врагов и бранят нас под знаменем одного из нас». Автор письма говорил, что «никакие норманны и жмудины» не изгладят из его «сердца того глубокого уважения», которое он питал к Погодину «более двадцати лет», не зная его лично, «и которое теперь еще полнее и живее, по-

---

³⁷⁰ Барсуков Н.П. Указ. соч. Кн. 17. С. 294, 298-299.

³⁷¹ Там же. С. 305.

³⁷² Погодин М.П. О публичном диспуте... С. 150.

³⁷³ Чернышевский Н.Г. Замечание на «Последнее слово г. Погодину» г. Костомарова // Современник. 1860. Т. LXXXI. С. 84-88; Барсуков Н.П. Указ. соч. Кн. 17. С. 314-319.

³⁷⁴ Костомаров Н.И. Последнее слово г. Погодину... С. 73-83.

сле того, как в последнее время» он «имел удовольствие сблизиться» с ним. Костомаров просил «не вмешивать» его в то, что «писали Чернышевский и Свисток» (приложение к «Современнику»); он «сам по себе, они сами по себе». «С “Современником” у меня нет никакой нравственной связи», – подчеркивал Николай Иванович³⁷⁵. Погодин также отмечал: «Г. Костомарова я не считал причастным к разным проделкам, на диспуте и после в журналах, и мы расстались в приятельских отношениях»³⁷⁶. Об этом свидетельствуют и последующие письма Николая Ивановича оппоненту³⁷⁷.

Интересно отношение Михаила Петровича к восприятию публикой его идей. Костомаров предлагал «выбрать посредников, не менее трех особ, известных ученых, оказавших русской истории действительную пользу», таких, «которые не писали о варяжском вопросе и не принимали участия в спорах по поводу его», чтобы спор этот, «как часто бывает со спорами, не окончился ничем», и чтобы каждый «не стоял упорно в своем мнении». Погодин, однако, отверг эту идею. Он заявил, что предложенные Костомаровым посредники – Н.В. Калачов, К.Д. Кавелин, Ф.И. Буслаев – «люди, слишком ко мне близкие по университетской памяти», поэтому «едва ли возьмутся принять на себя окончательное решение». Историк считал, что «это дело внутреннего, личного убеждения», которое следует предоставить слушателям. Главная же цель диспута – «возбудить в молодых деятелях участие к вопросу о происхождении руси, который так для нас важен, особенно в наше время, когда скоро исполнится тысяча лет основанному ею государству»³⁷⁸.

Он говорил, что нельзя «третейским судом» решать «ученых вопросов», иначе «легко было бы науке идти вперед». Достаточно передать все, «что можем, в пользу наших мнений, а окончательный вывод должно, кажется, предоставить сознанию всякого слушателя, смотря по тому, какое в ком выработается убеждение». Впрочем, Н.И. Костомаров впоследствии вспоми-

---

³⁷⁵ Барсуков Н.П. Указ. соч. Кн. 17. С. 320, 322.

³⁷⁶ Погодин М.П. Борьба... С. II.

³⁷⁷ РГАЛИ. Ф. 373. Оп. 1. Ед. хр. 188.

³⁷⁸ Барсуков Н.П. Указ. соч. Кн. 17. С. 272, 278-279.

нал, что «Погодин сначала согласился на арбитров, именно тех самых», на которых он указал, «но потом переменил свое мнение, очевидно потому, что начал ожидать от избираемых лиц не того, чего бы желал»³⁷⁹.

Диспут, как показано, должен был состояться вопреки ожиданиям Погодина. Согласившись на него, он оставил мысль добиться публичного отказа Н.И. Костомарова от своих взглядов и утверждения норманской теории. Историк решил, что это прение «должно было принять особый характер и иметь в виду более публику, чем науку»³⁸⁰. Михаил Петрович полагал, что рассуждать перед собравшимися «о том или другом месте из летописи, о значении того или другого слова в языке, прибегать к тонкостям логики, было бы слишком неуместно». В первую очередь следовало «подумать о том, чтоб публика не получила отвращения от ученых состязаний, а напротив, расположилась бы еще более в их пользу». Поэтому «надо было сообщить спору, по возможности, общую занимательность, показать образчик, как можно говорить о самых сухих предметах с участием, и дать молодым людям пример спокойного ученого состязания». Н.И. Костомаров согласился с этой идеей. Оппоненты «решились, обдумав свои речи, соответственно вновь открывшимся целям, сойтись накануне на несколько часов, чтоб раскинуть сообща план мирного сражения». Также встретились они «перед обедом в день самого диспута, и переговорили окончательно о пределах состязания». И чтобы не оставить «спора без конца, без развязки», которую обычно ждет публика, они, «соразмерив удары, определили и формулировали взаимные возможные уступки»³⁸¹.

Таким образом, соперники «сговорились предварительно»: они «уравновесили взаимные возражения, сделали несколько репетиций, и на публичное прение отправились в одном экипаже»³⁸². В своей вступительной речи на диспуте Погодин заявил, что, «являясь с таким рвением, как будто бы для эс-

---

³⁷⁹ Барсуков Н.П. Указ. соч. Кн. 17. С. 280, 312.

³⁸⁰ Погодин М.П. Борьба... С. II.

³⁸¹ Погодин М.П. О публичном диспуте... С. 152-153.

³⁸² Погодин М.П. Борьба... С. II.

стетического наслаждения произведениями изящных искусств, общество представляет самое ясное, разительное» доказательство, что «мы созрели для рассуждения, для участия в вопросах всех родов, для нас важных и нужных, теоретических и практических». После спора он также говорил, что «в продолжение состязания» отметил «одно утешительное явление» – «совершенное беспристрастие со стороны русских к результату спора»³⁸³.

Однако в письме Костомарову после диспута Погодин жаловался на поведение студентов. Николай Иванович отвечал, что оппонент сам отказался от «арбитров», сдавшись «на суд публике», провозгласив «торжественно, что она созрела для суждения о таких вопросах». Костомаров писал Погодину, что о победе над ним «речи не может быть», т.к. они, заранее «спорив и толковав много дней, знали предварительно о ходе нашего спора». Однако, добавлял Николай Иванович, ему на это «отвечали, что тем хуже для норманской теории, когда при таких условиях она не могла сбить противной и показать свою силу»³⁸⁴.

Таким образом, Погодин не стремился во что бы то ни стало утвердить свое мнение в публике, он заботился прежде всего о привитии ей интереса к истории. В своем «Отчете» автор вновь подтвердил, что «публика может и должна принимать участие во всяких суждениях», но она «может ошибаться». Если он приписал ей «зрелость для участия, для суждения о всех вопросах», это не значит, что она непогрешима. Однако даже если бы «десять публик склонилось в пользу жмуди» (впрочем, неизвестно, «в какой степени это верно»), историк «пожалел бы о них, и подал бы апелляцию к их дочкам, внукам и правнучкам, уверенный, что та или другая правнучка возвратится к норманнам, и скажет непременно с улыбкой о своей прародительнице: ах, бабушка, в какую трущобу она попала, и с чего это она туда сунулась!»³⁸⁵.

Будучи уверенным в верности своих взглядов и упорно защищая их, Погодин не оставался вполне беспристрастен, поскольку давал эмоциональ-

---

³⁸³ Барсуков Н.П. Указ. соч. Кн. 17. С. 289-290.

³⁸⁴ Там же. С. 297, 299.

³⁸⁵ Там же. С. 308-309.

ную оценку антинорманизму, относя его к «попятным шагам», признаваясь, что ему «даже стыдно за себя, за русскую науку, за наше время, за университетское образование, видеть, что общий наш уровень так низок, и мы беспрестанно имеем нужду возвращаться к своим задачам, повторять свою азбуку». Неверно думать, полагал он, что «принимать старое мнение знаменует застой в науке, а новое – прогресс». По поводу мнения Н.И. Костомарова о жмудском (литовском) происхождении руси, Михаил Петрович замечал, что этот «эпизод скорее можно причислить к тем попятным шагам, которые заметил еще Шлецер, рассуждая о судьбах русской истории: она идет обыкновенно три шага вперед, и потом два опять назад»³⁸⁶. При этом исследователь справедливо указывал, что в науке объективно существуют различные теории, подходы в решении проблемных вопросов, что «мнения имеют жизнь», они «пропадают, скрываются, и опять возникают, помолодевшие, принаряженные». Во взглядах Н.И. Костомарова он увидел «ломоносовское мнение», только «теперь уже в новом костюме»³⁸⁷.

Разумеется, Погодину было неприятно, что аудитория оказалась не на его стороне. Но, будучи уверен в своей правоте, он полагал, что постепенно отстаиваемые им взгляды, как истинные, все равно восторжествуют. Михаил Петрович отдавал приоритет научной разработке вопроса, в том числе в ходе ученых дискуссий. Все это не позволяет говорить о нем как о норманисте, увлеченном идеей, стремящимся утвердить ее во что бы то ни стало, необоснованно критикующего своих оппонентов лишь потому, что они высказывают иные мнения. Его взгляды были результатом собственных исследовательских изысканий. Он был готов к диалогу, к уступкам, к изменению своих взглядов даже в конце жизни, хотя с молодости их придерживался, о чем свидетельствует эволюция его взглядов по ряду важных аспектов проблемы происхождения варягов и руси.

---

³⁸⁶ Погодин М.П. Второе письмо к г. Костомарову. С. 173, 175.

³⁸⁷ Погодин М.П. О литовском начале руси... С. 156.

§ 4. РАЗБОР М.П. ПОГОДИНЫМ ВЗГЛЯДОВ С.А. ГЕДЕОНОВА

Составитель биографии Михаила Петровича Н.П. Барсуков привел интересную информацию о первом его знакомстве с будущим оппонентом, историком-антинорманистом С.А. Гедеоновым (1816–1878): «Забота о воспитании сына своего Степана познакомила Гедеонова и с Погодиным, который 22 октября 1832 года записал в своем дневнике: “Посещение Гедеонова. Наставление сыну”. Таким образом, Погодину довелось быть наставником Степана Александровича Гедеонова, прославившего впоследствии свое имя в нашей литературе своим историческим исследованием “Варяги и Русь”, в котором он явился противником норманской системы своего наставника»³⁸⁸.

В 1856 г. Погодин рассказал другу М.А. Максимовичу о своих взглядах на исследования С.А. Гедеонова: «Что откроется вперед о славянстве варягов-руси я не знаю, но готов выслушать и принять всякое дельное исследование. Лет пять тому назад я нечаянно встретился в Петербурге с одним молодым человеком, С.А. Гедеоновым, и услышал от него такие примечательные о северных славянах соображения, что они возбудили все мое внимание. Я увидел в них новый шаг вперед и вместе возможность соединения, примирения двух систем о происхождении руси. С тех пор я ничего не слышу об нем и жалею, что он не издает своих любопытных исследований»³⁸⁹.

Из письма 1863 г. норманиста А.А. Куника Погодину мы также узнаем о том значении, которое имела для С.А. Гедеонова позиция Михаила Петровича: «Когда я стал его уговаривать продолжать, он сказал: “Для кого пишем мы оба об этом предмете? Только для нас двоих”. Я стал ему доказывать, что он не должен обращать внимание на молчание журналов, что его работы читаются отдельными серьезнейшими лицами и что для науки они не пройдут бесследно. Он опять ободрился, когда услышал, что вы положительно обещали публично высказаться о нем»³⁹⁰.

---

³⁸⁸ Барсуков Н.П. Указ. соч. Кн. 4. С. 41.

³⁸⁹ Погодин М.П. Ответ на филологические письма М.А. Максимовича. С. 135-136; Барсуков Н.П. Указ. соч. Кн. 15. С. 385-386.

³⁹⁰ Барсуков Н.П. Указ. соч. Кн. 21. СПб., 1907. С. 343-344.

Погодин предложил в 1863 г. Обществу любителей российской словесности сделать С.А. Гедеонова своим членом за его исследования по варяжскому вопросу, за что автор благодарил историка: «Примите многоуважаемый и славный учитель мой, Михаил Петрович, и передайте обществу любителей русской словесности мою душевную благодарность за лестное внимание, которым, удостоив принять меня в число своих членов, оно почтило мои исследования о варяжском вопросе. Горжусь вашим участием; горжусь и за русскую науку тем благородным, истинно ученым беспристрастием, с каким вы и А.А. Куник стали восприемниками, конечно, для вас малоопасного, но все же с вашими убеждениями во многом расходящегося исторического труда. С нетерпением и, признаюсь, не без страха ожидаю обещанного разбора...»³⁹¹.

В 1862–1863 гг. в приложении к Запискам Академии наук были опубликованы «Отрывки из исследований о варяжском вопросе» Степана Александровича. Появление их Погодин в 1864 г. встретил словами: «Труд Гедеонова имеет полное право на внимание ученого мира»³⁹².

В том же году историк издал свой разбор этого труда в работе «Г. Гедеонов и его система о происхождении варягов и руси», где предоставил также место для замечаний С.А. Гедеонова и норманиста А.А. Куника. Автор, прежде всего, подчеркнул значение исследования: «Должно сознаться, что норманская система со времен Эверса не имела такого сильного и опасного противника как г. Гедеонов. <...> Приятно следить за его экскурсиями, подмечать его уклонения, ловить с поличным, припирать к стене; приятно даже уступать ему, потому что он действительно ослабляет силу некоторых наших доказательств...».

Погодин сразу признал силу основной идеи работы оппонента: «Мы искали и указывали на норманство между нашими славянами; г. Гедеонов находит славянство в норманнах. Читая внимательно его исследования, не

---

³⁹¹ Барсуков Н.П. Указ. соч. Кн. 21. С. 348, 350.

³⁹² Погодин М.П. Ученые предприятия в Петербурге. С. 377-378.

соглашаясь со многими утверждениями, чувствуешь, однако ж, невольно присутствие славянского участия, короткое знакомство и тесную связь между племенами славянскими и готскими по близкому их соседству между собой».

Михаил Петрович поспешил указать, что мысль о присутствии славян в среде норманнов он и раньше рассматривал: «В 1859 году в “Русской беседе”... я вспомнил о месте из Гельмольда и привел старое мое к нему примечание: “Маркоманнами называются обыкновенно люди, отовсюду собранные, которые населяют марку. В славянской земле много марок, из которых не последняя наша вагирская провинция, имеющая мужей сильных и опытных в битвах, как из датчан, так и из славян”. “Чуть ли не в этом месте Гельмольда, сказал я еще в 1846 году, чуть ли не в этом углу Варяжского моря заключается ключ к тайне происхождения варягов и руси. Здесь соединяются вместе и славяне и норманны, и вагры и датчане, и варяги и риустри, и росенгау. Если б, кажется, одно слово сорвалось еще с языка у Гельмольда, то все б нам стало ясно, но вероятно этого слова он не знал”. Вот это слово если не нашел, то, кажется, с успехом ищет г. Гедеонов и ловит некоторые звуки»³⁹³.

Погодин согласился с оппонентом в несостоятельности одного из основных положений норманнской теории – «что посредством финского названия для Швеции руотси и шведского Рослагена, объяснять имени русь нельзя, нельзя и доказывать ими скандинавского ее происхождения». Гедеонов «судит очень основательно, доводы его убедительны», «Ruotsi, Rodsin есть случайное созвучие с русью»³⁹⁴.

Степан Александрович полагал, что «никто не имеет права указывать на Rodslagen и на шведских Rodhsin, как на отчизну и на предков несторовых варягов-руси, не объяснив предварительно: 1) каким образом название rodhsin, племенное или народное в IX веке, является нарицательным в XIII; 2) каким образом, если принять слово rodhsin в единственно правильном значе-

---

³⁹³ Погодин М.П. Г. Гедеонов... С. 1-3.

³⁹⁴ Там же. С. 6.

нии его, XIII столетия, шведы именуют себя не шведами, а гребцами – в Царьграде, в Ингельгейме, в Севилье, в Новгороде, в Киеве, в Болгаре; 3) почему, именуя себя постоянно гребцами на востоке, именуют себя, на западе, не гребцами, а шведами; 4) почему имя руси (rodhsin) для шведов исчезает после призвания у славян, издавна привыкших звать их этим именем и прозвавших самих себя русью, от шведского rodhsin». В связи же с «невозможностью удовлетворительного ответа норманской школе остается одно, а именно возвратиться к начальному предположению г. Погодина о каком-то, никому в мире неизвестном русском племени шведов в IX веке, но уже безо всякой связи с шведскими rodhsin и Рослагеном, т.е. без малейшего исторического следа его существования в Швеции»³⁹⁵.

Сегодня В.В. Фомин обращает внимание на уступку в данном вопросе Гедеонову не только Погодина, но также и его современника крупного норманиста А.А. Куника³⁹⁶. Последний в 1862 г. назвал опровержение Степана Александровича «совершенно справедливым», в 1864 г. признался, что норманизм «обанкротился» с Рослагеном, а в 1878 г. подчеркнул, что «сопоставление слов Rôslag и Русь, Rôls является делом невозможным уже с лингвистической стороны...» и что он сам, начиная с 1846 г., «генетической связи между Рослагом и Русью» не допускает³⁹⁷.

Здесь следует сказать о судьбе этого утверждения норманизма в науке. В 1878 г. А.А. Куник констатировал, что впервые «обратили внимание... на собирательное Rôtsi финнов» шведские исследователи XVII–XVIII в., которым также «принадлежит честь заложения первых камней в здании норма-

---

³⁹⁵ Гедеонов С.А. Отрывки из исследований... С. 8-9.

³⁹⁶ Фомин В.В. Голый конунг. С. 105-106.

³⁹⁷ Куник А.А. Предисловие к «Отрывкам из исследований о варяжском вопросе С. Гедеонова» // Записки императорской Академии наук. 1862. Т. I. Приложение № 3. С. IV; Он же. Замечания к «Отрывкам из исследований о варяжском вопросе С. Гедеонова» // Там же. С. 122; Он же. Замечания // Там же. 1864. Т. VI. Приложение № 2. С. 64; Он же. Замечания (По поводу критики г. Фортинского). СПб., 1878. С. 6.

нистики» (сегодня В.В. Фомин среди них указывает на Ю. Буре, И.Л. Локценя, Э. Рунштейна, Х. Бреннера, А. Моллера, А. Скарина, О. Далина)³⁹⁸.

В XVIII в. эту мысль не принял норманист Г.Ф. Миллер под влиянием критики М.В. Ломоносова его диссертации «Происхождение народа и имени российского» в ходе ее обсуждения в 1749–1750 годах. Однако в начале XIX в. данное положение норманизма было утверждено в авторитетных трудах А.Л. Шлецера «Нестор» и Н.М. Карамзина «История государства Российского». Высказана была эта идея и в зарубежной науке: в 1837 г. в знаменитой работе П.Й. Шафарика «Славянские древности»³⁹⁹.

Но одновременно против мысли о связи Рослагена и имени «русь» в первой половине XIX в. выступили Г. Эверс (он также продемонстрировал присутствие руси на юге Восточной Европы задолго до призвания варягов, с чем позже согласились, подчеркивает В.В. Фомин, С.М. Соловьев, Е.Е. Голубинский, В.Г. Васильевский), М.П. Погодин, Г.А. Розенкамф, А.Ф. Федотов, С.А. Бурачек, Н.В. Савельев-Ростиславич. Уже во второй половине XIX в. данную идею опровергали В.И. Ламанский, Н.И. Костомаров, С.А. Гедеонов, Д.И. Иловайский. Тогда под влиянием этой критики, решающий вклад в которую внес С.А. Гедеонов, аргумент был признан несостоятельным крупными норманистами: уже упомянутыми А.А. Куником и Погодиным, а также датчанином В. Томсенем. В конце XIX в. о слабости рассматриваемого построения говорил лингвист Ф.А. Браун⁴⁰⁰.

---

³⁹⁸ Куник А.А. Замечания к «Отрывкам...». С. 122; Фомин В.В. Фальсификации современного норманизма // Российская государственность в лицах и судьбах ее создателей: IX–XXI века. Материалы областной научно-практической конференции по проблемам гуманитарных наук. Липецк, 17-18 мая 2013 года. Липецк, 2013. С. 265-266.

³⁹⁹ Ломоносов М.В. Замечания на диссертацию... С. 401, 408, 410-411, 414; Миллер Г.Ф. Краткое известие о начале Новгорода и о происхождении российского народа, о новгородских князьях и знатнейших онаго города случаях // Он же. Избранные труды. М., 2007. С. 101-102; Он же. О народах издревле в России обитавших // Там же. С. 92; Шлецер А.Л. Указ. соч. Ч. I. С. 316-317, 327-330, 342-343; Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. I. М., 1989. С. 57-58, прим. 107 на с. 214; Шафарик П.Й. Славянские древности. Т. II. Кн. 1. М., 1847. С. 112, 116.

⁴⁰⁰ Эверс Г. Указ. соч. С. 60-63, 72-73, 106, 159-273; Фомин В.В. Начальная история Руси. С. 92-93, 99-100; Погодин М.П. О происхождении руси. С. 110-116, 118-119, 177; Розенкамф Г.А. Объяснение некоторых мест в Нестеровой летописи. СПб., 1827. С. 11-22; Он

Не вдаваясь в детали критики, укажем, что она велась в двух основных направлениях. Во-первых, с точки зрения законов лингвистики исследователи доказали невозможность связи наименований «Рослаген», «руотси», «ротси» (обозначение категории прибрежного шведского населения как «гребцы», которое сторонниками аргумента использовалось как одно из звеньев в их построениях) и «русь». Во-вторых, с исторической стороны указывалось на значительно более позднее появление терминов «Рослаген», «ротси» по сравнению со временем призвания варяжской руси.

Однако в XX в. норманисты стали вновь проводить мысль о происхождении имени «русь» от шведского Рослагена: эмигранты Ф.А. Браун (он ссылался на руническую надпись, высеченную, по его словам, в середине XI в. шведами из корпуса варангов на мраморном льве в афинском Пирее), А.Л. Погодин, советский академик Б.Д. Греков, датский лингвист А. Стендер-Петерсен, языковед М. Фасмер, советские археологи Д.А. Мачинский, А.Н. Кирпичников, И.В. Дубов, Г.С. Лебедев, В.Я. Петрухин. Вместе с тем, не прекращалась и критика этого утверждения. Его необоснованность продемонстрировали эмигранты В.А. Мошин, Г.В. Вернадский, польский историк Х. Ловмянский, советский историк И.П. Шаскольский⁴⁰¹.

же. Обзорение Кормчей книги в историческом виде. 2-е изд. СПб., 1839. С. 249-259; Федотов А.Ф. Указ. соч. С. 42, прим. *; Савельев-Ростиславич Н.В. Варяжская русь по Нестору и чужеземным писателям // ЖМНП. 1845. Ч. 48. С. 19, 27, 53, 55; Он же. Славянский сборник. СПб., 1845. С. XXIII, прим. 54 на с. XLII; Бурачек С.А. История государства Российского Н.М. Карамзина. История русского народа. Сочинение Н. Полевого // Маяк. 1842. № 9-10. С. 85, 87, 89-90, 126; Ламанский В.И. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. СПб., 1859. С. 38-83; Костомаров Н.И. Последнее слово г. Погодину... С. 78; Гедеонов С.А. Варяги и Русь. С. 288-299; Томсен В. Начало Русского государства. М., 1891. С. 84-85; Браун Ф.А. Варяжский вопрос // Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. Va. СПб., 1892. С. 573; Он же. Русь (происхождение имени) // Там же. Т. XXVII. СПб., 1899. С. 367.

⁴⁰¹ Браун Ф.А. Варяги на Руси // Беседа. 1925. № 6-7. С. 322; Греков Б.Д. Киевская Русь. М.-Л., 1939. С. 226; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. III. М., 1987. С. 522; Мачинский Д.А. О месте Северной Руси в процессе сложения Древнерусского государства и европейской культурной общности // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984. С. 18; Петрухин В.Я. Комментарии // Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985. С. 280, коммент. ** к с. 180; Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 202-205; Вернадский Г.В. Древняя Русь. Тверь-М., 1996. С.

Но в современной историографии этот аргумент звучал с еще большей силой. Это давно опровергнутое положение норманизма возвращают в науку историки и археологи А.С. Кан, В.Я. Петрухин, Д.А. Мачинский, особенно активно – филолог Е.А. Мельникова, которая много внимания уделяет рунам пирейского льва. В последние годы о нем пишут В.Г. Вовина-Лебедева в учебнике для студентов-историков, А.Г. Бобров, А.М. Введенский, Л.В. Войтович, С.Л. Николаев, А.Ю. Чернов в комментариях к изданию ПВЛ, а С.Л. Николаев и Л.В. Войтович также в отдельных публикациях⁴⁰².

Как и раньше, одновременно выходят труды, опровергающие это давнее утверждение норманизма. Его несостоятельность параллельно с тем демонстрируют собственно специалисты – лингвисты О.Н. Трубачев, А.В. Назаренко, К.А. Максимович, не сомневающиеся, важно заметить, в норманстве варягов⁴⁰³. Наиболее основательными являются работы антинорманистов В.В. Фомина, который в 2008 г. впервые собрал обширный лингвистический материал, свидетельствующий о научной несостоятельности указанного аргу-

---

285-286, 340; Ловмянский Х. Указ. соч. С. 180; Шаскольский И.П. Вопрос о происхождении имени Русь в современной буржуазной науке // Критика новейшей буржуазной историографии. Вып. 10. Л., 1967. С. 131, прим. 11 на с. 132, прим. 15 на с. 133; История Швеции. М., 1974. С. 77; Фомин В.В. Фальсификации современного норманизма. С. 271-273.

⁴⁰² Кан А.С. Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М., 1999. С. 40; Петрухин В.Я. Древняя Русь: Народ. Князья. Религия. С. 106; Мельникова Е.А. Зарубежные источники по истории Руси как предмет исследования // Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 12-13; Она же. Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. М., 2001. С. 265-272; Мачинский Д.А. Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения русского государства в середине VIII – середине XI в. // Труды Государственного Эрмитажа. 2009. Т. XLIX. С. 483, 613; Вовина-Лебедева В.Г. История Древней Руси: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования. М., 2011. С. 65-66; Бобров А.Г., Введенский А.М., Войтович Л.В., Николаев С.Л., Чернов А.Ю. Комментарии // Повесть временных лет / Пер. с древнерусского Д.С. Лихачева, О.В. Творогова. СПб., 2012. С. 206, коммент. к с. 10; Николаев С.Л. Семь ответов на варяжский вопрос // Там же. С. 411; Войтович Л.В. Викинги в Центрально-Восточной Европе: загадка Ладоги и Плиссеска (II) // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и Филология. 2012. Вып. 1. С. 4.

⁴⁰³ Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков (тексты, перевод, комментарий). М., 1993. Коммент. 48 на с. 41, коммент. 38 на с. 83; Он же. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001. С. 49; Трубачев О.Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. М., 1997. С. 241-243; Максимович К.А. Происхождение этнонима Русь в свете исторической лингвистики и древнейших письменных источников // Юбилейный сборник в честь 60-летия проф. И.С. Чичурова. М., 2006. С. 14-56.

мента, и Л.П. Грот. Последняя показала на основании результатов исследований шведских ученых неправильное прочтение норманистами рун пирейского льва, а также нахождение под водой еще в XI в. той части берега, которая позже получила название Рослаген⁴⁰⁴. Таким образом, в связи с современным состоянием вопроса актуально заострить внимание на уступке Погодина.

Особое внимание С.А. Геденов уделил объяснению применения термина «русь» при обозначении норманнов в иностранных источниках. Он заметил, что «норманны действительно являются в иных известных случаях под именем руси; но у писателей тех только народов или имевших дело с теми только народами, к которым они приходили через Русь или вместе с русью. Таковы были арабы и греки; таковы между западными летописцами – Пруденций и Лиутпранд»⁴⁰⁵.

С этой точки зрения ученый объяснял следующее иностранное свидетельство, используемое норманистами в качестве одного из основных аргументов: «Египетский уроженец Ахмед-эль-Катиб, писавший свою книгу земель в 889–891 году, говорит: “на запад от города, именуемого Elg’esira (Algesiras) есть город, именуемый Ischibilija (Sevilla), лежащий на большой реке, которая есть река Кордобы. В этот город ворвались в 229 году (844 по Р.Х.) неверные (Mag’us), именуемые русью (el-Rus) и грабили, и разбойничали, и топили, и жгли”». Из свидетельства «христианских и арабских историков» выясняется, что «эти неверные, грабившие Севилью в 844 году, были никто иные как скандинавы, норманны». Однако другие «арабские летописцы, повествующие о нашествии 844 года, без сомнения по современным источникам, знают не русь, а одних только Mag’us».

---

⁴⁰⁴ Фомин В.В. Начальная история Руси. С. 78-163; Он же. Варяго-русский вопрос... С. 349-366; Он же. Ломоносовофобия... С. 475-478; Он же. Фальсификации современного норманизма. 265-280; Он же. Голый конунг. С. 101-109; Грот Л.П. О Рослагене на дне морском и о варягах не из Скандинавии // Слово о Ломоносове / Составит. и ред. В.В. Фомин. М., 2012. С. 335-352; Она же. Призвание варягов. Норманская лжетеория и правда о князе Рюрике. М., 2012. С. 99-115, 213-234.

⁴⁰⁵ Геденов С.А. Отрывки из исследований... С. 84.

С.А. Гедеонов полагал, что автор указанного известия «на западе или по известиям с запада... узнал, что Mag'us... разорили Севилью в 844 году; на востоке, что эти Mag'us приходят для торговли в Итиль и Болгар, и слынут у его единоверцев под общим именем русь». В итоге «Ахмед-эль-Катиб соединяет в одно, полученные им из двух разных источников, сведения, и разорителей Севильи называет “неверными, которых именуют русью...”». В целом же арабские писатели в своих сведениях о руси не применяли по отношению к ней обозначения Mag'us, поскольку они не называли так «славянские народности»⁴⁰⁶.

Опровергал Гедеонов и другой аргумент норманистов, опирающийся на западноевропейское свидетельство – сообщение кремонского епископа Лиутпранда (X в.), где он относит русь к норманнам. Ученый заметил, что хотя традиционно «под именем норманнов германо-латинские писатели средних веков понимают обыкновенно или одних норвежцев или только три скандинавских народа», тем не менее, «есть случаи, в которых это имя прилагается и не одним скандинавам». Исследователь привел ряд известий, позволяющих сделать вывод, что «при случае» и поморские славяне «разумелись» под названием норманнов⁴⁰⁷.

Однако, «если эта неопределенность норманского имени и имела своего рода влияние на этнографические понятия Лиутпранда, то не она могла довести его до положительного утверждения за русью мнимого норманства ее». Его отчим «присутствовал при казни русских пленников в Царьграде», где «мог узнать и норманнов в числе привезенных в Константинополь пиратов, но вместе с тем узнавал для них и общее греческое наименование рос», которое и «сообщил своему зятю»⁴⁰⁸.

Погодин не стал опровергать эти соображения оппонента, а лишь ограничился повтором своей интерпретации рассматриваемых сведений: «Свидетельства Ахмед-эль-Катиба о нападении руси=норманнов на Севиллу в 844

---

⁴⁰⁶ Гедеонов С.А. Отрывки из исследований... С. 90-93.

⁴⁰⁷ Там же. С. 94, 96, 98.

⁴⁰⁸ Там же. С. 99-101.

году, и свидетельства Лиутпранда о тождестве руси с норманнами г. Гедеонов никак отвергнуть не может (точно как выше Несторово свидетельство) – но старается ослабить силу их своим ученым толкованием их происхождения. <...> Для меня очень просто и ясно: было племя норманское русь, которое в 838 году посылало послов в Царьград (бертинские летописи), в 844 году нападало на Севилью (Ахмед-эль-Катиб), в 862 году призвано словенами в Новгород (Нестор)⁴⁰⁹. Здесь обращают на себя внимание слова «очень просто и ясно» – аргумент, не удовлетворяющий научным требованиям.

С.А. Гедеонов рассмотрел также свидетельство Бертинских анналов. Он привел сведения о существовании южной руси под властью каганов в 839–871 гг. и заключил: «Но существование в 839 году народа Rhos под управлением каганов уничтожает систему норманского происхождения руси; шведы каганов не знали»⁴¹⁰. Исследователь заметил, что «о невозможности допустить для шведов неслыханное в Швеции и Германии туземное русь, свидетельствуют и подозрения, возбужденные этим именем при дворе франкского императора». Ведь «для франков Швеция не была terra incognita; норманские посольства являлись часто при франкском дворе; в 823 году Людовик посылал своих графов Теотария и Родтмунда в Скандинавию, для точного исследования этого края...». Однако С.А. Гедеонов все же полагал, что «эти загадочные свеоны» были «шведы наверное», которые в Царьграде «сказались русью», возможно, как «обманщики»⁴¹¹.

Погодин считал необоснованным утверждение о существовании Русского каганата: «Козары долго владели Киевом и всей окрестной страной. Киев платил дань кагану – это имя и осталось там надолго, распространилось и сделалось своим». Он также указал на сделанные оппонентом уступки: «Препровожденные из Константинополя люди были шведы наверное: так наш автор находится принужденным согласиться»⁴¹².

---

⁴⁰⁹ Погодин М.П. Г. Гедеонов... С. 29-30.

⁴¹⁰ Гедеонов С.А. Отрывки из исследований... С. 101-103.

⁴¹¹ Там же. С. 110-112.

⁴¹² Погодин М.П. Г. Гедеонов... С. 31-34.

Однако в интерпретации одного из арабских источников X в. Погодин уступил оппоненту. С.А. Гедеонов утверждал, что «русь Ибн Фадлана очевидно генетическая славянская русь»⁴¹³. Погодин согласился, что «сравнение Ибн Фадлановых известий с славянскими обрядами ослабляет несколько доказательную их силу в пользу норманства, но отнюдь не доказывает исключительного славянства». И все же «можно сказать, что автор нейтрализовал это норманское подкрепление»⁴¹⁴.

С.А. Гедеонов выступил с опровержением распространенного среди норманистов объяснения происхождения названия «варяг» от скандинавов. Он заметил, что «Нестор знает варягов до основания государства, стало быть, еще в первой половине IX столетия; между тем, в скандинавских источниках имя *Vaeringjar* упоминается в первый раз только в 1040 году; имя варанг у византийских историков не прежде 1034 года». Указав, что норманисты выводят корпус варангов в Византии от германских наемников федератов, исследователь сомневался, «уверена ли норманская школа, что федераты IX-го столетия и воображаемые ею X-го и XI-го, ничем не отличны от федератов готов IV века; т.е. что в IX–XI столетии корпус федератов состоял, как при начале, из германских наемников?». С.А. Гедеонов подчеркивал, что «в X веке византийская история не знает наемных войск из германских народностей»⁴¹⁵.

Исследователь привел ряд вопросов, неразрешимых в рамках критикуемой им теории: «Если первые норманны ходили в Грецию через Русь, т.е. через земли восточных славян... ясно, что эти славяне узнали их прежде греков, прежде их возвращения из Греции с новоприобретенным именем федератов-варангов. Каким же именем называли восточные славяне этих норманнов в первую минуту знакомства? Немцами, свеями, русью? Но в таком случае не было причины менять этого имени на варяжское. <...> Если, по предположению норманской школы, имя *warang* было употребляемо скандинава-

---

⁴¹³ Гедеонов С.А. Отрывки из исследований... С. 85-88.

⁴¹⁴ Погодин М.П. Г. Гедеонов... С. 29-30.

⁴¹⁵ Гедеонов С.А. Отрывки из исследований... С. 130-133, 135.

ми уже в IX столетии, почему в памятниках исландской письменности не упоминается оно до 1040 года...?»⁴¹⁶. Свои наблюдения С.А. Геденов завершил выводом: «История, выводы лингвистические, соображения здравого смысла убеждают нас в том, что варяжское имя родилось не у норманнов, что скандинавское *vaering* возникло по учреждении варангского корпуса в конце X-го века, что до этой эпохи и вне Греции норманны себя верингами (*vaeringiar*) не называли. Нигде и никем не сказано, чтобы это название употреблялось ими и по возвращении на север»⁴¹⁷.

Погодин в этом вопросе уступил оппоненту: «Но отвергнем, пожалуй, связь федератов с верингами, примем, что позднейшие федераты не походили на первых, положим, что в X веке византийская история не знает наемных войск из германских народностей. Согласимся, что вторая часть вышеизложенного мнения очень натянута. Автор удачно представляет ее слабые стороны: мудрено, точно, полагать, чтоб славяне могли распространять имя проезжих путешественников, очень малочисленных, на все народонаселение берегов Балтийского моря»⁴¹⁸.

Однако при этом историк по-прежнему считал возможным употреблять опровергнутый С.А. Геденовым аргумент в пользу норманизма: «Мнений может быть множество, мнения могут сменять одно другое, но ими сущность дела, тождество варангов, верингов и варягов, впрочем, не изменяется. Как бы то ни было, греческие варанги – норманны. Северные веринги – норманны. Несторовы варяги – норманны»⁴¹⁹.

С.А. Геденов показал славянское происхождение тех слов, которые норманисты выводили из скандинавских языков (например, волхв, вено, гридь, обель, скот, смерд)⁴²⁰. Погодин, относивший этот аргумент к одному из основных в своей теории, счел нужным признать, что оппонент ослабил

---

⁴¹⁶ Геденов С.А. Отрывки из исследований... С. 137-140.

⁴¹⁷ Там же. С. 140-143.

⁴¹⁸ Погодин М.П. Г. Геденов... С. 35-37.

⁴¹⁹ Там же. С. 37-40.

⁴²⁰ Геденов С.А. Отрывки из исследований... С. 168-171, 173-175.

его силу: «...г. Гедеонов доказывает славянское происхождение многих слов... которые мы считали норманскими. Он представляет несколько филологических соображений очень верных и удачных... и однако ж соглашается, например, что “этимологической основой щеляг и стерляг служат германские: schilling и sterling”. <...> Точно то же можно сказать и о других словах, им пререкаемых. Они принесены нам норманнами, норманны получили их из общего источника»⁴²¹.

Особое внимание уделил Степан Александрович происхождению имен деятелей древнерусской истории. Он полагал, что «выводить все варяго-русские имена и личности или хотя большую часть из них из норманского начала... видеть одних норманнов в дружинниках и мужах князей Святослава, Владимира, Ярослава; производить от норманнов, по имени, князей явно славянского происхождения по своим действиям и историческому значению, Рюрика, Олега, Игоря, Рогволода; это значит основывать русскую историю не на фактах, не на исторической логике, а на этимологических случайностях и созвучиях»⁴²².

Исследователь показал славянскую природу имен, традиционно относимых норманистами к скандинавским⁴²³. Погодин подчеркнул, что «г. Гедеонов рассуждает об именах, в которых норманская школа видела, правда, одно из важнейших доказательств» и согласился, что «он колеблет успешно силу этого доказательства»⁴²⁴. Михаил Петрович согласился с мнением словацкого ученого П.Й. Шафарика, которое привел Степан Александрович: «Шафарик указывает на сходство славянской ономатологии с кельтской и германской как на следствие доисторической связи, бывшей между европейскими народами – аборигенами. <...> Это взаимодействие одной народности на другую преимущественно заметно в подробностях германо-славянской ономатологии как особенности более других подверженной иноземному вли-

---

⁴²¹ Погодин М.П. Г. Гедеонов... С. 41.

⁴²² Гедеонов С.А. Отрывки из исследований... С. 176.

⁴²³ Там же. С. 184-206, 242-266.

⁴²⁴ Погодин М.П. Г. Гедеонов... С. 41-42.

янию. Германские и скандинавские имена переходят к славянам, славянские и германские к норманнам»⁴²⁵.

Таким образом, работа С.А. Гедеонова заставила Погодина еще раз пересмотреть свои взгляды на варяго-русский вопрос и сделать ряд существенных уступок антинорманизму. Прежде всего, он признал смешанный состав варяжского племени, включив в него наряду с норманнами славян. Историк вынужден был вновь повторить, что не находит в рамках своей теории ответа на вопрос о происхождении имен «русь» и «варяги», и объявить его несущественным. В частности, он еще раз подтвердил несостоятельность теории, выводящей термин «русь» от названия одной из береговых линий Швеции Рослаген и от именованья финнами населения этой страны «руотси». Также ученый согласился с доводами оппонента против идеи о происхождении слова «варяг» от обозначения готских военных формирований в Византии. Погодин не смог выдвинуть опровержений объяснения С.А. Гедеонова иностранных сведений, используемых норманистами в качестве аргумента своих построений. Под давлением выводов Степана Александровича он отказался от одного из основных доказательств норманизма – утверждения о скандинавской природе имен деятелей древнерусской истории. В свете этих фактов полемика Погодина с Гедеоновым является важным этапом в процессе эволюции взглядов крайнего норманиста Михаила Петровича на варяго-русский вопрос в сторону уступок оппонентам.

§ 5. М.П. ПОГОДИН О ПРОИСХОЖДЕНИИ ИМЕН ВАРЯГОВ И РУСИ, МЕСТЕ ИХ ПРОЖИВАНИЯ И ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Одним из важнейших аспектов взглядов историка является его позиция в вопросе об этнической принадлежности варягов и руси. С его решением тесно связаны проблемы объяснения происхождения их имен, определения места расселения призванного племени. Последние два аспекта, как правило,

---

⁴²⁵ Гедеонов С.А. Отрывки из исследований... С. 179-183.

рассматриваются вместе, поскольку на основе выявления общего корня у названий географических областей с именем «варяги» или «русь» делаются выводы о месте расселения данного племени.

В 1846 г. Погодин проанализировал распространенное среди норманистов утверждение о тождестве шведов и варягов-руси. И, указав, что этой мысли придерживались Ю. Тунманн и А.Л. Шлецер, он заметил: «Во всех известиях, к тому времени относящихся, шведы и русь различаются. Сношение между нами и шведами не прерывалось, и везде сии последние называются своим именем, одним и тем же»⁴²⁶.

Далее Погодин опровергал доказательства Тунманна в пользу его идеи, говоря, «что руссы пришли из Скандинавии, не доказывает, чтоб руссы были шведы». Также, полагал ученый, этого не доказывают «названия порогов русских, которые объясняются из скандинавских языков»⁴²⁷. Свидетельство Бертинских анналов, по мнению исследователя, не подтверждает, а опровергает мысль о тождестве шведов и руси. Погодин, приводя сведения о знакомстве франков со шведами, спрашивал: «Если бы препровожденные Феофилом к Людовику люди были настоящие шведы, зачем бы назвать им себя росами, зачем не называться шведами, именем уже знакомым франкам?». Михаил Петрович считал, что «франки употребили здесь имя свеонов, им наиболее знакомых, в общем значении»⁴²⁸.

Погодин также увидел противоречие в построениях Ю. Тунманна и А.Л. Шлецера: «...Тунманн не говорил ни слова о Рослагене (так назывался Упландский берег, против Финляндии), а Шлецер, выводя оттуда варягов-русь и объясняя Рослагеном финское название шведов руотси, впал сгоряча в противоречие с самим собою. Ибо, если из Рослагена росы, то не шведы, а если шведы, то не из Рослагена, не росы. Объясним. Он говорит с Тунманном, что “шведы начали называть себя росами, услышав это имя себе на пути (руотси)”. След. дома они не назывались росами; след. шли не из Рослагена,

---

⁴²⁶ Погодин М.П. Исследования... Т. II. С. 144-145.

⁴²⁷ Там же. С. 146-147.

⁴²⁸ Там же. С. 147, 149.

что утверждает Шлецер. Если же они называли себя росами, как уроженцы Рослагена, то их нельзя почитать шведами и нельзя понимать Бертинское свидетельство, как понимали Тунманн и Шлецер. Не надо терять из виду, что в 9 столетии, о котором идет речь, имя шведов не было общим, а каждое племя на полуострове имело свое имя...»⁴²⁹. Говоря об ошибках А.Л. Шлецера, в 1847 г. Михаил Петрович заявил, что «результаты шлецеровы теперь ничего уже не значат», а «за шведов с руотси и Рослагеном», «за понтийских руссов» – «прости его Господи!»⁴³⁰.

Сам исследователь по этой проблеме привел свое мнение из магистерской диссертации 1825 г. «О происхождении руси». Там он «вел рассуждение таким образом: “Швеция в 9 веке населена была множеством мелких племен, из которых каждое имело свое имя. Одно из этих племен называлось россами, от которых произошло название Рослагена. По Рослагену соседние финны называли всех шведов: руотси. Эти уроженцы рослагенские в 839 г. ездили от королька своего Гакона чрез нашу страну в Константинополь, а оттуда хотели проехать западом, и были препровождены в Ингельгейм. Людовик, по учиненном следствии, нашел их принадлежащими к тому роду, к которому принадлежат и шведы”. Таким образом, согласовались все показания летописей, и противоречия шлецеровы и тунмановы отстранялись»⁴³¹. Здесь Погодин не объяснил, откуда у данного племени появилось имя «россы». Историк дал объяснение происхождению названия области по имени племени, которое, по его предположению, в ней проживало.

Сознавая неубедительность вывода руси из шведского Рослагена, Погодин подчеркивал, что еще Н.М. Карамзин «видел в Рослагене только вероятие». Сам он «также видел здесь не более, и, говоря решительно прежде, как и теперь, о норманстве варягов-руси, не осмеливался определить точнее их пребывание за недостатком равносильных доказательств». Михаил Петрович обратил внимание на выводы Г.А. Розенкампа, который указывал, что

---

⁴²⁹ Погодин М.П. Исследования... Т. II. С. 149-150.

⁴³⁰ Погодин М.П. О трудах... С. 169.

⁴³¹ Погодин М.П. О происхождении руси. С. 119; Он же. Исследования... Т. II. С. 150-151.

«морские ратники или гребцы, поставляемые на службу, назывались на Скандинавском полуострове Rodhsi, ротси, и вся страна по Упландскому берегу лежащая, где собирались сии морские силы, называлась Rodslagen. Слова шведские ro, ros, rod значат: грести веслами или идти на гребле; roder весла, rodare гребец, и на древнем языке rodi, rodhsi. Буква d в произношении слова почти не слышна и впоследствии выпускалась. Рослаген – стан корабельный, рейда».

Погодин отвечал: «...Верю вам, что Рослаген первоначально имел нарицательное значение, стан гребцов, но это нарицательное имя могло сделаться впоследствии собственным, как то бывало часто везде. <...> “Эсты и финляндцы, – говорите вы, – жили напротив Рослагена, и как от сего места упландские или шведские корабли с вооруженными гребцами приходили к финнам и эстам для грабежа или для отмщения за свой грабеж, то эсты и финны не могли их иначе называть, как собственным их именем, т.е. гребцами или ротсами. Вот что значат слова Rootsi и Roslagen!”⁴³². Таким образом, хотя Погодин не считал, что созвучие Рослагена с именами «руси» и «руотси» служит доказательством шведского происхождения призванного племени, он, что отмечено им и в диссертации 1825 г., приводил в связь эти обозначения и выводил русь из Рослагена.

Историк, однако, обратил внимание также на Пруссию, «которой название представляет также примечательное сходство», и привел мнение Н.М. Карамзина: «“Там издревле Курский залив назывался Русною, северный рукав Немана, или Мемеля, Руссою, окрестности же их Порусьем. Варяги-русь могли переселиться туда из Скандинавии, Швеции, самого Рослагена, – пишет Карамзин, – согласно с известием древнейших летописцев Пруссии... Долго обитав между латышами, могли разуместь язык славянский и тем удобнее применяться к обычаям славян новгородских. Сим удовлетворительно изъясняется, отчего в древнем Новгороде одна из многолюднейших улиц

---

⁴³² Погодин М.П. Исследования... Т. II. С. 151-154.

называлась Прусскою». В некоторых новейших списках Нестора, по свидетельству Карамзина, сказано: «Приде Рюрик из Прус»⁴³³.

Итог своих наблюдений Михаил Петрович подвел в следующих словах: «Заключаю: кто были именно варяги-русь и где они жили – не решено до сих пор с достоверностью, и едва ли когда-нибудь будет решено, за недостатком сведений. Я не считаю даже этого вопроса слишком важным: нам нужно знать, кто были варяги-русь, какого племени, чтоб понять, какое влияние могли они иметь на славян, среди которых поселились, какой элемент внесли они в состав основанного ими государства...».

Подобный же вывод он делал о происхождении этнонимов «варяги» и «русь» после анализа существовавших в его время основных точек зрения: «Это вопрос также любопытный, но не более!». Исследователи, «несмотря на все свои труды при решении этого вопроса, не достигли достоверности, как и при решении предыдущего вопроса о первоначальном местопребывании варягов-руси, а представили только догадки, более или менее вероятные»⁴³⁴.

Как было отмечено, в 1864 г. в дискуссии с С.А. Геденовым Погодин сделал уступку в вопросе о связи призванного племени с Рослагеном и «ру-отси»⁴³⁵. Таким образом, Михаил Петрович признал, что прежде высказанное им мнение о связи имен «русь» и «Рослаген» несостоятельно. Интересно, что в конце жизни, в 1874 г., ученый, говоря о переселении норманского племени в устье Немана, равно допускал, что «рукав реки, около которого оно жило, назывался от них или они от него Руссою, а залив Русною». Здесь он не исключил вероятности, что имя «русь» произошло от названия реки, протекавшей в Южной Балтике⁴³⁶.

Таким образом, не находя решения взаимосвязанных вопросов о месте проживания призванного племени и о происхождении имени «русь», Погодин заявлял об отсутствии серьезного значения у этого аспекта проблемы.

---

⁴³³ Погодин М.П. Исследования... Т. II. С. 165-166.

⁴³⁴ Там же. С. 166-167, 176.

⁴³⁵ Погодин М.П. Г. Геденов... С. 6.

⁴³⁶ Погодин М.П. Гостинец г. Костомарову. С. 385.

Еще в 1846 г. ученый полагал, что «имена рось, русь и проч. встречаются почти во всех землях Европы, равно как и во многих странах Азии», поэтому «каждое местечко, носящее эти имена, не может быть рассматриваемо как древняя отчизна русского народа»⁴³⁷. В дискуссии с Н.И. Костомаровым он говорил, что «географических созвучий с русью рассыпано не только по берегам Балтийского и Немецкого морей, но по всей Европе множество». А чтобы «доказать происхождение нашей руси откуда бы то ни было, надо представить ее связь, связь историческую, по документам, с тем местом, где предполагается ее родина»⁴³⁸.

Впрочем, сам историк позволял себе в качестве доказательства принадлежности имен «русь» и «варяги» к норманнам рассуждения, не представлявшие «исторической связи» призванного племени с предполагаемой родиной. Например, условно согласившись с оппонентами по этому вопросу, он спрашивал: «Под каким же именем приходили к нам и чрез нашу землю в Грецию норманны? Подумали ли все эти толковники, что для норманнов не останется уже никакого имени? Или норманны не были у нас?». Отвечая сам себе на этот вопрос, он риторически восклицал: «То есть, норманны ездили и селились в Голландии, Франции, Англии, Ирландии, Испании, Сицилии, на островах Оркадских, Ферарских, на отдаленной и холодной Исландии, в Америке, – и не были у нас, ближайших своих соседей!»⁴³⁹. Таким образом, констатировал в 1876 г. С.А. Геденов, Погодин «умалял важность точного указания на происхождение русского имени». Хотя это один из важных аспектов вопроса и «система норманская» во многом основана на «доказательствах скандинавского начала имени русь»⁴⁴⁰.

В решении историком проблемы места расселения призванного племени наиболее заметна эволюция его взглядов, проходившая под влиянием дискуссий с антинорманистами. Погодину приходилось проявлять гибкость,

---

⁴³⁷ Погодин М.П. Исследования... Т. II. С. 206.

⁴³⁸ Погодин М.П. О литовском начале руси... С. 145.

⁴³⁹ Погодин М.П. Исследования... Т. II. С. 216-217.

⁴⁴⁰ Геденов С.А. Варяги и Русь. С. 290.

с одной стороны, признавая их бесспорные достижения в разработке вопроса, а с другой – защищая свою концепцию. В 1825 г. он доказывал, что «варяги-русь составляли племя норманское, обитавшее в нынешней Швеции»⁴⁴¹. Это мнение, как было указано, ученый повторил и в 1846 г. Однако тогда же исследователь привел указанное выше свидетельство из немецкой хроники Гельмольда (XII в.) о смешанном датско-славянском населении Вагрии – области на юго-западном побережье Балтийского моря⁴⁴².

В 1859 и в 1864 гг., вновь приводя это известие, он писал: «Соображая теперь все эти места, я подумал: не заселены ли были первоначально датские острова славянами точно так же, как соседний остров Рюген и все поморие балтийское, а впоследствии уже переселилось к ним из Норвегии племя скандинавское или готское, которое совершенно покрыло первых поселенцев? Взаимное влияние наречий и знакомство норманнов и славян между собою облегчает уразумение и сношений новгородских славян с варягами»⁴⁴³. Таким образом, Погодин как в работе 1846, так и в 1859 и 1864 гг. склонялся к мнению, что варяги проживали в Вагрии.

В ходе дискуссии 1860 г. с Н.И. Костомаровым Михаил Петрович вновь привел процитированное выше мнение Н.М. Карамзина: «Варяги-русь могли переселиться туда (к устью Немана) из Скандинавии, Швеции, самого Рослагена...». Соглашаясь с ним, он заключал: «Норманны так же поселились в устье Немана, как и в устье Невы!»⁴⁴⁴. Таким образом, он допустил проживание варяжской руси в устье Немана, т.е. поближе к Новгороду по сравнению с Вагрией. Повторяя оппоненту по поводу последнего региона слова 1859 г., Погодин говорил: «Надеюсь, что вы знаете последнюю мою модификацию, вследствие новых исследований о населении Дании и известного места Гельмольдова»⁴⁴⁵.

---

⁴⁴¹ Погодин М.П. О происхождении руси. С. 177.

⁴⁴² Погодин М.П. Исследования... Т. III. С. 29.

⁴⁴³ Погодин М.П. Историческое замечание. С. 156; Он же. Г. Гедеонов... С. 2.

⁴⁴⁴ Погодин М.П. О литовском начале руси... С. 154.

⁴⁴⁵ Там же. С. 156.

Итог своих исследований по этой проблеме он подвел в конце жизни в 1874 г. в статье, адресованной прежнему противнику Н.И. Костомарову. Сначала он заявил, что «вопрос исторический смешивался по большей части, до сих пор, в этом случае, в этом именно споре, с вопросом географическим». Историк повторил, что никогда не считал вопрос географический закрытым, высказывая лишь ту или иную более вероятную точку зрения. Он признался: «Из всех мнений вероятнейшим казалось мне, что варяги-русь жили в углу Балтийского моря, а прежде Вагрия (ныне Голштиния), славянская страна, где жило много славян и датчан. Манило меня туда имя Вагрия, подобозвучное с варягами, и близкое сходство и даже соседство славян и норманнов, по которому языки должны быть знакомы друг другу, а следовательно, и нашим словенам». Однако «значительное возражение на такое мнение состоит в том, что Вагрия или Голштиния находится в наибольшем отдалении от словен новгородских, и мудрено предположить как знакомство, так и столь продолжительное плавание к ним»⁴⁴⁶.

Хотя, как замечает В.В. Фомин, историк раньше «ничего “мудреного” не видел в своей многосложной идее» переселения представителей одного из скандинавских племен «на южнобалтийское побережье, некоторого их проживания среди тамошних славян и затем нового “броска”, но теперь уже в пределы Северо-Западной Руси, к восточноевропейским славянам»⁴⁴⁷.

Принимая во внимание означенное возражение, Погодин делал предположение: «Не жили ль норманны – варяги-русь, в эпоху призвания именно в устьях Немана, как предполагалось одним из старых мнений? Т.е. не поселились ли они когда-нибудь в устьях или низовьях Немана, как после поселились в устьях Невы, и еще позднее в верховьях Двины?». Он подытоживал, что «варяги-русь в эпоху призвания жили, *вероятнее*, в нижних частях Немана». В пользу данного мнения, добавлял ученый, «можно сказать, что устье Немана гораздо ближе к Новгороду, нежели какие-либо другие части

---

⁴⁴⁶ Погодин М.П. Гостинец г. Костомарову. С. 384.

⁴⁴⁷ Фомин В.В. Варяги и варяжская русь. С. 136.

Скандинавии, тем более отдаленные, крайние по Балтийскому поморью»⁴⁴⁸. Таким образом, в 1874 г. ученый более уверенно повторил и развил высказанную в 1860 г. мысль, что в устье Немана поселилось «норманское племя, которое прозывалось русью» (впервые об этом сказал, надо заметить, М.В. Ломоносов).

В решении главной проблемы – этнической принадлежности варягов-руси – исследователь также сделал принципиальные уступки. В 1837 г. ученый говорил, что «норманны есть имя собирательное для всех племен, обитавших по берегам Немецкого и Балтийского морей, немецких, финских, латышских, славянских; преимущественно же означались ими жители Швеции, Дании и Норвегии». Поскольку достоверным является факт прихода варягов-руси «к нам от севера с берегов Балтийского моря», то, следовательно, они «принадлежали к числу норманнов»⁴⁴⁹.

В 1846 г., отвечая на вопрос, как варяги объяснялись с новгородцами, историк указывал: «Норманны и славяне искони жили рядом, в соседстве, по Балтийскому морю, и в незапамятные еще времена обменялись многими словами, которые встречаются в древнейших памятниках». Более того, «некоторые племена – по соседству – даже смешались, так что их разобрать было трудно. В дружинах норманских – всегда было очень много славян»⁴⁵⁰. Весьма вероятно, замечал он, что «в варяжских набегах принимали участие иногда славянские племена»⁴⁵¹.

Кроме того, как и в студенческие годы, Погодин вновь высказывал мысль о связи Новгорода с балтийскими славянами. Рассматривая правовые обычаи, принесенные варягами в среду славян, он заметил, что «только этот город представляет собственную гражданственность». Данное обстоятельство заставляет Погодина предположить: «Не имеет ли он связи с северными славянскими городами? Не было ли в глубокой древности в этой стороне ка-

---

⁴⁴⁸ Погодин М.П. Гостинец г. Костомарову. С. 385, 389.

⁴⁴⁹ Погодин М.П. Начертание русской истории для гимназий. С. 4-5.

⁴⁵⁰ Погодин М.П. Исследования... Т. III. С. 28-29.

⁴⁵¹ Погодин М.П. Исследования... Т. II. С. 180.

кой-нибудь колонии, пришедшей к здешним славянам от славян балтийских»⁴⁵².

В ходе публичного диспута 1860 г. с Н.И. Костомаровым ученый вспоминал, что «долго боролся с самим собою относительно норманского происхождения руси», «трудно было верить, что русь были не славяне». Михаил Петрович признавался, что и теперь он радуется «всякому случаю, поводу, чтоб стеснить, ограничить это понятие». Историк заявил, что в варяжском вопросе важно лишь знать, какой элемент среди призванного племени был преобладающим. Ученый признал, что это племя не было однородно по этническому составу. Но для него, как оказалось, это и не важно. Самое главное, что «в основании русского государства преобладает норманский характер». Не нужно «толковать о вопросе географическом», т.к. «самое важное здесь – элемент норманский». Для него довольно, чтобы оппонент признал его наличие среди варягов. Михаил Петрович делал сравнение: «Капля вина сообщает вкус воде в целом стакане; эта капля – норманны». Хотя, соглашался Погодин, между норманнами могли быть «и прочие жители балтийских берегов: славяне, чудь, литва»⁴⁵³.

Как было отмечено, в 1864 г. в дискуссии с С.А. Гедеоновым исследователь согласился, что «между нашими норманнами могло быть много славян, что между всеми балтийскими племенами была искони живая, многосторонняя связь, что норманны и славяне на разных пунктах могли понимать друг друга»⁴⁵⁴.

Дискутируя по варяжскому вопросу в 1872 г. с Д.И. Иловайским (считал русь туземным славянским племенем), Погодин повторил, что, «принимая к сведению» основания С.А. Гедеонова, «должно было допустить, что призванное к нам норманское племя могло быть смешанным или сродственным с норманнами славянскими»⁴⁵⁵. Михаил Петрович снова сказал Д.И.

---

⁴⁵² Погодин М.П. Исследования... Т. III. С. 413.

⁴⁵³ Публичный диспут... С. 289-291.

⁴⁵⁴ Погодин М.П. Г. Гедеонов... С. 47-48.

⁴⁵⁵ Погодин М.П. Новшество г. Иловайского. С. 297.

Иловайскому, что «варяги-русь даже первого поколения, живя в соседстве со славянами балтийского поморья, имея, вероятно, в среде своей многих славян, могли знать настолько славянский язык, чтоб решать простые дела или требовать себе дани»⁴⁵⁶.

Справедливость идеи о выходе варягов-руси из южнобалтийского мира, к которой в конечном итоге стал склоняться М.П. Погодин, подтверждается отечественной и зарубежной письменными традициями, массовым археологическим, нумизматическим, лингвистическим и антропологическим материалом⁴⁵⁷.

Согласно ПВЛ, варяги-русь «говорили на славянском языке», т.к. дали «чисто славянские названия городам», которые построили в северо-западной Руси: Новгород, Изборск, Белоозеро и другие. Из всех же земель Поморья только на южном берегу Балтийского моря «проживали славянские и славяноязычные народы, создавшие высокоразвитую цивилизацию»⁴⁵⁸. Летописец конца X в. указывал, что варяги «седают» по Варяжскому морю «к западу до земле Агнянски»⁴⁵⁹ (т.е. до «южной части Ютландского полуострова», здесь «обитали до переселения в середине V в. в Британию англо-саксы»). Это мнение ПВЛ «присутствует в наших источниках и более позднего времени, причем там уже прямо говорится о выходе варягов и руси из пределов Южной Балтики»⁴⁶⁰.

Немец С. Мюнстер в 1544 г. констатировал, что «Рюрик, приглашенный на княжение на Русь, был из народа “вагров” или “варягов”, главным городом которых являлся Любек». С. Герберштейн в 1549 г. утверждал, что родина варягов – «область вандалов со знаменитым городом Вагрия» («вандалы» – название балтийских славян у немецких авторов), а поскольку эти

---

⁴⁵⁶ Погодин М.П. Подстрочный разбор... С. 319.

⁴⁵⁷ Фомин В.В. Варяги и варяжская русь. С. 422-461; Он же. Ломоносов. С. 298-303, 305-307; Он же. Начальная история Руси. С. 179-223; Он же. Норманская проблема // В поисках истины: ученый и его школа. С. 228-244.

⁴⁵⁸ Фомин В.В. Ломоносовофобия... С. 205.

⁴⁵⁹ Летопись по Лаврентьевскому списку. С. 3-4, 15.

⁴⁶⁰ Фомин В.В. Ломоносовофобия... С. 205-206.

«вандалы не только отличались могуществом, но и имели общие с русскими язык, обычаи и веру, то, по моему мнению, русским естественно было призвать себе государями вагров, иначе говоря, варягов, а не уступать власть чужеземцам, отличавшимся от них и верой, и обычаями, и языком»⁴⁶¹.

О южнобалтийском происхождении Рюрика писали в XVII – первой половине XVIII в. немцы Б. Латом, Ф. Хемниц, И. Хюбнер, Г.В. Лейбниц, Ф. Томас, Г.Г. Клювер, М.И. Бэр, С. Бухгольц, датчанин А. Селлий. Одним из источников, на который опирались эти авторы, «была живая традиция, очень долго державшаяся в землях Южной Балтики среди потомков славян, ассимилированных немцами и датчанами» (записанная, в частности, французом К. Мармье в 1830-х гг. в Мекленбурге).

На славянское происхождение варягов и руси указывали арабские авторы: «Ибн Хордадбех информировал не позже 40-х гг. IX в., что русские купцы есть “вид славян” и что их переводчиками в Багдаде выступают “славянские рабы”. Ибн ал-Факих (конец IX – начало X в.) дает параллельный вариант чтения этого же известия, но в его сообщении присутствуют только “славянские купцы”. <...> А ад-Димашки (1256–1327), повествуя о “море Варенгском” (Варяжском) и используя не дошедшее до нас какое-то древнее известие, поясняет, что варяги “суть славяне славян (т.е. знаменитейшие из славян)”». Кроме того, «локализует русь на южных берегах Балтийского моря и иудейская традиция X в. в лице еврейского хронографа “Книга Иосиппон” (книга “Иосифа бен Гориона или Иосиппона-Псевдо-Иосифа”) и испанского иудея Ибрагима Ибн-Якуба»⁴⁶².

На основании масштабов распространения «керамики южнобалтийского облика» («территория до Верхней Волги и Гнездова на Днепре») и «удельного веса ее» среди других типов керамики «в древнейших горизонтах культурного слоя многих памятников Северо-Западной Руси» археологи В.Д. Бе-

---

⁴⁶¹ Фомин В.В. Ломоносовофобия... С. 206; Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 60.

⁴⁶² Фомин В.В. Варяги и варяжская русь. С. 17-57, 422-438; Он же. Начальная история Руси. С. 9-21, 183-196; Он же. Ломоносовофобия... С. 206-208.

лецкий, В.В. Седов, Г.П. Смирнова, В.М. Горюнова, С.В. Белецкий, К.М. Плоткин, Е.Н. Носов в 1960–1980-х гг. писали о переселении на эти земли жителей Южной Балтики. Об этом также «свидетельствует характер металлических, деревянных и костяных изделий», «характер домостроительства, конструктивные особенности музыкальных инструментов и оборонительного вала» (Старая Ладога, Новгород, Псков, Любша, Городок на Маяте), «на Рюриковом городище и в Ладоге» найдены «хлебные печи, сходные с печами городов нынешнего польского Поморья»⁴⁶³.

В 1990 и 1997 гг. Е.Н. Носов на основе археологического материала IX–X вв. показал связь Рюрикова городища (южнее Новгорода) с Южной Балтикой. В 2002 г. археологи Е.А. Рябинин и А.В. Дубашинский, несколько лет исследовавшие Любшанское городище (севернее Старой Ладоги, возникло в последней четверти VII – первой половине VIII в.), сделали вывод, что на нем «осела популяция, связанная по происхождению с западными славянами». Об этом говорит как техника строительства крепостных сооружений, так и южнобалтийская керамика («ладожский тип»). Тогда же В.В. Седов подчеркнул, что сосуды данного типа из новгородских сопок представляют собой характерную особенность славянской культуры междуречья нижней Вислы и Эльбы. В 2013 г. археолог А.А. Романчук резюмировал, что, «судя по археологическим данным, приоритетность взаимодействия Юго-Запада Балтики и Северо-Запада будущей Руси возникает еще, по крайней мере, в V–VI вв., и устойчиво продолжается вплоть до IX–XI вв. включительно», что коррелирует «с южнобалтийской гипотезой происхождения варягов и руси»⁴⁶⁴. В 2015 г. А.В. Лукошков сделал вывод о южнобалтийских корнях древнерусского судостроения⁴⁶⁵.

---

⁴⁶³ Фомин В.В. Ломоносовофобия... С. 208.

⁴⁶⁴ Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990. С. 51-62, 115-117, 133-138, 164-166, 175-180; Он же. У истоков Новгорода // Славянский средневековый город. Труды VI Конгресса славянской археологии. Т. 2. М., 1997. С. 277; Рябинин Е.А., Дубашинский А.В. Любшанское городище в Нижнем Поволховье (предварительное сообщение) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 196-203; Седов В.В. Изборск – протогород. М., 2002. С. 45; Романчук А.А. Варяго-русский вопрос в современной дискуссии:

Наиболее «древние клады восточных монет в Западной Европе обнаруживаются именно на южнобалтийском славянском Поморье и датируются VIII веком», а в Швеции подобные клады появляются «намного позже – лишь только в середине IX столетия»⁴⁶⁶. В связи с этим в 1998 г. археолог А.Н. Кирпичников, исходя из распределения восточного серебра на балтийском побережье до 833 г., выдвинул предположение, что торговая активность славян была в тот период не меньшей, если не превосходила северогерманскую»⁴⁶⁷. Подтверждая эту идею, В.В. Фомин подчеркивает, что скандинавы заимствовали славянские слова, связанные с торговлей: «*torg*» – торг, рынок, торговая площадь, «*besman*» – безмен, «*sobel*» – соболь, «*silki*» – шелк, «*lodhia*» – ладья, «*loka*» – лука, хомут, «*sodull*» – седло, «*tolk*» – объяснение, перевод, переводчик, толковин, «*pitschaft*» – печать⁴⁶⁸.

К аналогичным выводам приходят исследователи лингвистического материала. Учитывая распространение слова «*torg*» «по всему скандинавскому северу», С.Н. Сыромятников в 1912 г. признавал, что «люди, приходившие торговать в скандинавские страны и приносившие с собою арабские монеты, были славянами». В середине 1980-х гг. А.А. Зализняк, анализируя данные берестяных грамот, в которых отразился разговорный язык новгородцев XI–XV вв., сделал вывод о его близости «по ряду признаков в фонетике, морфологии, синтаксису, лексике к западнославянскому, преимущественно севернолехитскому». В 2003 г. археолог В.Л. Янин указал, что «поиски аналогов особенностям древнего новгородского диалекта привели к пониманию того, что импульс передвижения основной массы славян на земли русского Северо-Запада исходил с южного побережья Балтики, откуда сла-

---

взгляд со стороны // *Stratum plus*. 2013. № 5. С. 286; Фомин В.В. Варяги и Русь // *Варяги и Русь*. С. 69-77, 85.

⁴⁶⁵ Лукошков А.В. Истоки и закономерности развития древнерусского судостроения // *Скандинавомания и ее небылицы о русской истории*. Сб. статей и монографий / Составитель и ред. В.В. Фомин. М., 2015. С. 359-478.

⁴⁶⁶ Фомин В.В. Ломоносовофобия... С. 208.

⁴⁶⁷ Кирпичников А.Н. Сказание о призвании варягов. Легенды и действительность // *Викинги и славяне. Ученые, политики, дипломаты о русско-скандинавских отношениях*. СПб., 1998. С. 51.

⁴⁶⁸ Фомин В.В. Ломоносовофобия... С. 209.

вяне были потеснены немецкой экспансией». В 2007 г. он резюмировал, что «наши пращурь» призвали Рюрика из Южной Балтики, «откуда многие из них и сами были родом». К подобным же заключениям приводят данные антропологии. В 1995 г. антрополог Н.Н. Гончарова показала генетическую связь новгородцев с балтийскими славянами, а ее учитель Т.Н. Алексеева в 1999 г. определила их как «переселенцев с южного побережья Балтийского моря»⁴⁶⁹.

Таким образом, в рамках своей концепции Погодин не сумел определить конкретную этническую принадлежность и место проживания варягов-руси, отнеся их в целом к какому-то норманскому племени. Также не сумел объяснить он происхождение их имен. Заявление о незначимости этих вопросов свидетельствует о слабости самой теории, которая не позволяет решить данные проблемы.

С другой стороны, Погодин проявил определенную долю научной осторожности и объективности, поскольку не принял некоторые распространенные среди его единомышленников идеи, заметив их слабую обоснованность (например, о тождестве руси и шведов, о выводе имен «варяги» и «русь» из скандинавских языков). Впоследствии по указанным вопросам Михаил Петрович изменял свою позицию в сторону антинорманизма под влиянием критики его представителей. Он отказался от мысли о выходе варяжской руси из Рослагена – скандинавского берега, о связи обозначения финнами жителей Скандинавии «руотси» с именем «русь». В состав призванного варяжского племени русь он ввел славян, а в качестве наиболее вероятного места их проживания в итоге указал на устье Немана, один рукав которого назывался Руссой, а окрестности Порусьем. Справедливость этого вывода подтверждают данные современной науки.

---

⁴⁶⁹ Фомин В.В. Варяги и варяжская русь. С. 444-456; Он же. Начальная история Руси. С. 199-211; Он же. Варяго-русский вопрос... С. 375-384; Он же. Ломоносовофобия... С. 209-210.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С концепцией М.П. Погодина начальной истории Руси связана его философия истории и методы научной работы. Михаил Петрович не был безусловным противником систем в истории и не абсолютизировал значение «математического метода». Вместе с тем, его использование позволило Погодину провести работу, составляющую значительный вклад в развитие науки: были систематизированы сложные и многочисленные данные источников по истории Древней Руси, сами эти памятники были критически обработаны (в первую очередь, ПВЛ). Данный подход также определенным образом организовывал содержание трудов историка, облегчая их чтение и восприятие.

«Исторический мистицизм», провиденциализм Михаила Петровича не лишает его работы научной значимости. Необходимо учитывать характер, задачи тех трудов, где проявляется данный взгляд Погодина на исторический процесс. Ученый не был сторонником предопределения, он признавал как необходимость, так и свободу в истории, а в области ее теоретического осмысления выделял такие факторы, как природно-географические условия и характер народа.

Главное отличие истории России от западной, по мысли ученого, лежащее в образовании государства вследствие «не завоевания, а призвания» и имеющее политические корни, а также основные стороны его общественной деятельности позволяют сделать вывод об охранительной позиции Михаила Петровича. Это подтверждает и проведенное сравнение его теории со взглядами славянофилов. Неправомерно считать Погодина «истинным славянофилом», поскольку то содержание, которое он вкладывал в понятия «православие, самодержавие, народность», принципиально отличается от славянофильского. С другой стороны, следует учитывать мысль исследователя о «родовом подобии» истории России и Запада, о неизбежности и необходимости влияния Европы. Нельзя забывать и о тех идеях и поступках Погодина, которые свидетельствуют о сложности его личности и воззрений, не позволяют

говорить о безусловном подчинении им своих работ правительственной идеологии.

Решение варяго-русского вопроса и тесно с ним связанной проблемы образования Древнерусского государства составляют основную часть концепции ученого начальной истории Руси. Погодин справедливо обратил внимание на важную роль варягов в формировании государственности, но впал в крайность, абсолютизируя значение их деятельности. Следует, однако, подчеркнуть, что Михаил Петрович указывал на достаточный уровень развития местного восточнославянского населения для участия в протекавших процессах. Таким образом, историк провел мысль о наличии внутренних условий для формирования государства. Данная идея вступает в противоречие с утверждением об исключительной роли варягов в этом процессе. Внутренняя несогласованность концепции усиливается вследствие тезиса о норманской, германской природе варяжской руси. Получается, что представители иной этнокультурной общности в ходе своей деятельности формируют государство в среде достаточно развитого местного славянского населения без участия последнего.

Вместе с тем историк высказывал и противоположные идеи. Он утверждал, что славяне в течение варяжского периода полностью ассимилировали пришельцев, от которых остались только результаты их организующей деятельности. Но в таком случае в течение данного периода постепенно должно было возрастать влияние местного населения и перевешивать значение норманнов. Этого Погодин не показал, как и не проиллюстрировал на конкретном материале процесс ассимиляции, а между тем это позволило бы поставить вопрос о состоятельности предыдущих утверждений.

Разбор письменных свидетельств о варягах-руси как на основании интерпретаций самого Погодина и его различных оговорок, так и с учетом критики и мнений антинорманитов позволяет сделать вывод об отсутствии доказательной силы этих аргументов в пользу норманской теории. Исследование применения таких доказательств, как действия варягов, их законы, религия,

обычай и нравы, показало, что Михаил Петрович принимал сходство этих явлений с норманскими за тождество, хотя сам говорил об ошибочности такого подхода.

Особый интерес представляет отношение Погодина к трудам антинорманистов, к значению их деятельности. Михаил Петрович, будучи убежденным норманистом, всегда реагировал на появление трудов антинорманистов, разбирал их, переводил (пример – работы Г. Эверса и И.Г. Неймана), публиковал на страницах своего журнала (полемика с М.А. Максимовичем). Эти факты позволяют сделать вывод о подлинно научном подходе Погодина к решению столь сложного вопроса, как варяго-русский.

Процесс изменения его взглядов на эту проблему в сторону уступок оппонентам в ходе полемики с ними является ярким и показательным примером плодотворности научных дискуссий. Под давлением критики антинорманистов Михаил Петрович не принял распространенных норманистских толкований происхождения имен «русь» и «варяги», отступил от классического положения норманской теории о месте проживания призванных князей в Скандинавии, указав в качестве наиболее вероятного района Южную Балтику, устье Немана, признал присутствие в среде прибывшего племени славян («норманны славянские»). При этом Погодин никогда не отказывался от основного тезиса о германской природе варяжской руси.

Но, с одной стороны, очевидные натяжки, к которым он прибегал для объяснения всех сведений источников, относящихся к варягам и руси, с позиций их норманской природы, показали несостоятельность этого взгляда при исследовании явлений древнерусской истории. С другой – совершенные принципиальные уступки постепенно подменяли норманистское содержание основного защищаемого тезиса антинорманистским. В связи с этим любопытно вспомнить слова самого ученого о его нежелании в молодости верить германо-скандинавскому происхождению первых русских князей, о той радости, которую он тогда испытал бы при выходе трудов С.А. Гедеонова и Д.И. Иловайского. Приходится признать, что эти мысли не покидали Пого-

дина в течение его научной деятельности, но оказывали влияние на ее ход и конечные результаты. Воззрения историка по варяжскому вопросу характеризуют его как гибкого, способного на уступки и идущего на компромисс серьезного ученого. Концепция Погодина по этой проблеме претерпевала принципиальные изменения в течение его научной деятельности и должна оцениваться с учетом этого обстоятельства.

Таким образом, фигура М.П. Погодина как историка предстает далеко не в таком однозначном свете, как это часто преподносилось и преподносится в науке. Перед нами предстает незаурядный исследователь, тонкий источниковед, значение которого долгое время незаслуженно принижалось.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ИССЛЕДОВАНИЙ

ИСТОЧНИКИ

Архивные материалы

1. Государственный исторический музей. Отдел письменных источников (ОПИ ГИМ). Ф. 440 – Забелин И.Е. (1820–1908). Оп. 1. Ед. хр. 74. Письма М.П. Погодина к И.Е. Забелину. Ед. хр. 1059. Лекции М.П. Погодина по русской истории. Рукопись В.Г. Белинского.
2. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 191 – Ефремов П.А. (1830–1907). Оп. 1. Ед. хр. 1557. Статьи и воспоминания М.П. Погодина. Вырезки из газет и журналов.
3. РГАЛИ. Ф. 314 – Максимович М.А. (1804–1873). Оп. 1. Ед. хр. 35. Письма М.П. Погодина к М.А. Максимовичу.
4. РГАЛИ. Ф. 373 – Погодин М.П. (1800–1875). Оп. 1. Ед. хр. 161. Письмо Д.И. Иловайского к М.П. Погодину. Ед. хр. 188. Письма Н.И. Костомарова к М.П. Погодину. Ед. хр. 224. Письма М.А. Максимовича к М.П. Погодину. Оп. 2. Ед. хр. 8. Письмо М.П. Погодина к Е.П. Ковалевскому.
5. Российская государственная библиотека. Научно-исследовательский отдел рукописей (НИОР РГБ). Ф. 231 – Погодин М.П. Раздел I. Картон 27. Ед. хр. 4. Погодин М.П. Замечания к истории Древней Руси. Картон 44. Ед. хр. 32. Письмо М.П. Погодина к Ю.И. Венелину. Раздел II. Картон 6. Ед. хр. 73. Письма Ю.И. Венелина к М.П. Погодину. Картон 7. Ед. хр. 115. Письма С.А. Гедеонова к М.П. Погодину.

Труды М.П. Погодина о его методах исследования и философии истории

6. Погодин, М.П. Нечто о методах исторических исследований / М.П. Погодин // Атеней. – 1858. – № 26. – С. 607-621.

7. Погодин, М.П. О трудах гг. Беляева, Бычкова, Калачова, Попова, Кавелина, Соловьева по части русской истории / М.П. Погодин // Москвитянин. – 1847. – Ч. I. – С. 155-184.
8. Погодин, М.П. Об историческом значении царствования Бориса Годунова. Сочинение П. Павлова / М.П. Погодин // Москвитянин. – 1850. – Ч. III. – С. 117-135.
9. Погодин, М.П. Послание к г. Кавелину / М.П. Погодин // Москвитянин. – 1850. – Ч. V. – С. 135-142.

Труды М.П. Погодина об исторических путях России и Западной Европы

10. Погодин, М.П. Взгляд на русскую историю / М.П. Погодин // Он же. Историко-критические отрывки. – М.: Типография Августа Семена, 1846. – С. 1-18.
11. Погодин, М.П. За русскую старину / М.П. Погодин // Он же. Историко-критические отрывки. – М.: Типография Августа Семена, 1846. – С. 435-446.
12. Погодин, М.П. Исторические афоризмы / М.П. Погодин. – М.: Университетская типография, 1836. – 145 с.
13. Погодин, М.П. О влиянии внешней политики на внутреннюю / М.П. Погодин // Он же. Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны. 1853–1856. – М.: Типография В.М. Фриш, 1874. – С. 245-271.
14. Погодин, М.П. О всеобщей истории / М.П. Погодин // Он же. Исторические афоризмы. – М.: Университетская типография, 1836. – С. 113-128.
15. Погодин, М.П. Ответ П.В. Киреевскому / М.П. Погодин // Москвитянин. – 1845. – Ч. III. – С. 47-58.
16. Погодин, М.П. Очерк русской истории / М.П. Погодин // Он же. Историко-критические отрывки. – М.: Типография Августа Семена, 1846. – С. 19-34.
17. Погодин, М.П. Параллель русской истории с историей западных европейских государств, относительно начала / М.П. Погодин // Он же. Историко-критические отрывки. – М.: Типография Августа Семена, 1846. – С. 55-82.

18. Погодин, М.П. Петр Великий / М.П. Погодин // Он же. Историко-критические отрывки. – М.: Типография Августа Семена, 1846. – С. 333-364.
19. Погодин, М.П. Петр Первый и национальное, органическое развитие / М.П. Погодин // Русский вестник. – 1863. – Т. 46. – С. 373-401.

Труды М.П. Погодина о его общественно-политических взглядах

20. Погодин, М.П. Взгляд на русскую политику в нынешнем столетии / М.П. Погодин // Он же. Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны. 1853–1856. – М.: Типография В.М. Фриш, 1874. – С. 81-93.
21. Погодин, М.П. Гроза над Россией. Средства получить мир или продолжать войну / М.П. Погодин // Он же. Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны. 1853–1856. – М.: Типография В.М. Фриш, 1874. – С. 323-340.
22. Погодин, М.П. Для биографии графа Сергея Семеновича Уварова / М.П. Погодин // Русский архив. – 1871. – № XII. – Стб. 2078-2112.
23. Погодин, М.П. К вопросу о славянофилах / М.П. Погодин // Он же. Избранные труды / Составители, авторы вступительной статьи и комментариев А.А. Ширинянец, К.В. Рясенцев. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. – С. 486-510.
24. Погодин, М.П. Потребности минуты / М.П. Погодин // Он же. Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны. 1853–1856. – М.: Типография В.М. Фриш, 1874. – С. 314-317.
25. Погодин, М.П. Против мысли о содействии войною революционному движению в Европе / М.П. Погодин // Он же. Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны. 1853–1856. – М.: Типография В.М. Фриш, 1874. – С. 198-202.
26. Погодин, М.П. Речи, произнесенные в торжественных и прочих собраниях, 1830–1872 / М.П. Погодин // Он же. Сочинения. Т. III. – М.: Синодальная типография, 1872. – С. 37.

Труды М.П. Погодина по варяго-русскому вопросу

27. Погодин, М.П. Древняя русская история до монгольского ига. Т. I / М.П. Погодин. – М.: Синодальная типография, 1871. – 401 с.
28. Погодин, М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. I. Об источниках древней русской истории / М.П. Погодин. – М.: Университетская типография, 1846. – 529 с.
29. То же. Т. II. Происхождение варягов-руси. О славянах. – М.: Университетская типография, 1846. – 440 с.
30. То же. Т. III. Норманский период. – М.: Университетская типография, 1846. – 568 с.
31. Погодин, М.П. Кто писал Несторову летопись / М.П. Погодин // Библиотека для чтения. – 1835. – Т. VIII. – С. 1-10.
32. Погодин, М.П. Начертание русской истории для гимназий / М.П. Погодин. 2-е изд. – М.: Университетская типография, 1837. – 426 с.
33. Погодин, М.П. Нестор. Историко-критическое рассуждение о начале русских летописей / М.П. Погодин. – М.: Университетская типография, 1839. – 246 с.
34. Погодин, М.П. Нечто о роде великой княгини Ольги / М.П. Погодин // Труды и летописи Общества истории и древностей российских. – 1828. – Ч. IV. Кн. I. – С. 130-138.
35. Погодин, М.П. Норманский период русской истории / М.П. Погодин. М.: Типография В. Готье, 1859. – 226 с.
36. Погодин, М.П. О договорах русских князей Олега, Игоря, Святослава с греками / М.П. Погодин // Русский исторический сборник. – 1837. – Т. I. Кн. 4. – С. 98-137.
37. Погодин, М.П. О достоверности древней русской истории / М.П. Погодин // Библиотека для чтения. – 1834. – Т. VI. – С. 77-104.
38. Погодин, М.П. О происхождении руси. Историко-критическое рассуждение / М.П. Погодин. – М.: Университетская типография, 1825. – 177 с.

39. Погодин, М.П. Первобытный вид и источники Несторовой летописи / М.П. Погодин // Библиотека для чтения. – 1835. – Т. IX. – С. 1-18.
40. Погодин, М.П. Последние исторические толки / М.П. Погодин // Русский исторический сборник. – 1837. – Т. I. Кн. 3. – С. 110-126.
41. Погодин, М.П. Формация государства / М.П. Погодин // Он же. Историко-критические отрывки. – М.: Типография Августа Семена, 1846. – С. 35-54.

Труды М.П. Погодина против мнений антинорманистов

42. Погодин, М.П. Второе письмо к г. Костомарову / М.П. Погодин // Он же. Борьба не на живот, а насмерть с новыми историческими ересями. – М.: Типография Ф.Б. Миллера, 1874. – С. 158-175.
43. Погодин, М.П. Г. Гедеонов и его система о происхождении варягов и руси / М.П. Погодин // Записки императорской Академии наук. – 1864. – Т. VI. – Приложение № 2. – С. 1-48.
44. Погодин, М.П. Гостинец г. Костомарову / М.П. Погодин // Он же. Борьба не на живот, а насмерть с новыми историческими ересями. – М.: Типография Ф.Б. Миллера, 1874. – С. 381-390.
45. Погодин, М.П. Историческое замечание / М.П. Погодин // Русская беседа. – 1859. – № V. – С. 156.
46. Погодин, М.П. На замечание г. Иловайского / М.П. Погодин // Он же. Борьба не на живот, а насмерть с новыми историческими ересями. – М.: Типография Ф.Б. Миллера, 1874. – С. 305-311.
47. Погодин, М.П. Новшество г. Иловайского / М.П. Погодин // Он же. Борьба не на живот, а насмерть с новыми историческими ересями. – М.: Типография Ф.Б. Миллера, 1874. – С. 272-301.
48. Погодин, М.П. О важности исторических и археологических исследований Новороссийского края, преимущественно в отношении к истории и древностям русским. Речь г. Надеждина, помещенная в книге под заглавием: Торжественное собрание Одесского общества любителей истории и древно-

- стей, 4 февраля 1840. Одесса, 1840 / М.П. Погодин // Москвитянин. – 1841. – Ч. I. – С. 547-557.
49. Погодин, М.П. О жилищах древнейших руссов. Сочинение г-на Н. и критический разбор оного / М.П. Погодин. – М.: Типография С. Селивановского, 1826. – 120 с.
50. Погодин, М.П. О значении имени руссов и славян. Соч. Ф. Морошкина. Москва, 1840 / М.П. Погодин // Москвитянин. – 1841. – Ч. I. – С. 557-561.
51. Погодин, М.П. О литовском начале руси, письмо к г. Костомарову / М.П. Погодин // Он же. Борьба не на живот, а насмерть с новыми историческими ересями. – М.: Типография Ф.Б. Миллера, 1874. – С. 137-157.
52. Погодин, М.П. О походе руссов на Сурож / М.П. Погодин // Записки Одесского общества. – 1844. – Т. I. – С. 191-197.
53. Погодин, М.П. О публичном диспуте в зале Санкт-Петербургского университета касательно происхождения руси. Отчет московским друзьям / М.П. Погодин // Русская беседа. – 1860. – № I. – С. 149-170.
54. Погодин, М.П. Ответ / М.П. Погодин // Москвитянин. – 1841. – Ч. III. – С. 211-216.
55. Погодин, М.П. Ответ на филологические письма М.А. Максимовича / М.П. Погодин // Русская беседа. – 1856. – № IV. – С. 124-141.
56. Погодин, М.П. Откуда идет Русская земля, по сказанию Несторовой летописи и по другим писателям русским, сочинение М. Максимовича. Киев, 1837 / М.П. Погодин // Москвитянин. – 1841. – Ч. II. – С. 219-234.
57. Погодин, М.П. Подстрочный разбор второй статьи г. Иловайского «Еще о норманизме» / М.П. Погодин // Он же. Борьба не на живот, а насмерть с новыми историческими ересями. – М.: Типография Ф.Б. Миллера, 1874. – С. 312-380.
58. Погодин, М.П. Ученые предприятия в Петербурге / М.П. Погодин // Русский вестник. – 1864. – Т. 50. – С. 367-382.
59. Публичный диспут 19 марта 1860 года о начале руси между гг. Погодиным и Костомаровым // Современник. – 1860. – Т. LXXX. – С. 273-350.

**Материалы об М.П. Погодине как человеке, ученом, преподавателе,
общественном деятеле**

60. Аксаков, К.С. Воспоминания студентства 1832–1835 годов / К.С. Аксаков // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи. Мемуары современников / Под ред. И.А. Федосова. – М.: Издательство МГУ, 1989. – С. 312-334.
61. Барсуков, Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 1 / Н.П. Барсуков. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1888. – 361 с.
62. То же. Кн. 2. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1889. – 428 с.
63. То же. Кн. 3. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1890. – 395 с.
64. То же. Кн. 4. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1891. – 458 с.
65. То же. Кн. 6. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1892. – 413 с.
66. То же. Кн. 7. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1893. – 620 с.
67. То же. Кн. 8. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1894. – 637 с.
68. То же. Кн. 9. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1895. – 511 с.
69. То же. Кн. 11. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1897. – 572 с.
70. То же. Кн. 12. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1898. – 553 с.
71. То же. Кн. 13. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1899. – 427 с.
72. То же. Кн. 14. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1900. – 653 с.
73. То же. Кн. 15. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1901. – 536 с.
74. То же. Кн. 16. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1902. – 612 с.
75. То же. Кн. 17. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1903. – 504 с.
76. То же. Кн. 18. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1904. – 565 с.
77. То же. Кн. 21. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1907. – 483 с.
78. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. Ч. II. – М.: Университетская типография, 1855. – 704 с.
79. Буслаев, Ф.И. Погодин как профессор / Ф.И. Буслаев // Он же. Мои досу- ги. – М.: Синодальная типография, 1886. – С. 239-258.
80. Галахов, А.Д. Михаил Петрович Погодин / А.Д. Галахов // Русский вест- ник. – 1889. – Т. 203. – С. 129-145.

81. Гончаров, И.А. Воспоминания. В университете / И.А. Гончаров // Он же. Собр. соч. Т. 7. – М.: Художественная литература, 1980. – С. 225-257.
82. Костенецкий, Я.И. Воспоминания из моей студенческой жизни / Я.И. Костенецкий // Русский архив. – 1887. – № 2. – С. 229-242.
83. Майков, Л.Н. Погодин в последние годы своего профессорства / Л.Н. Майков // Русский вестник. – 1893. – Т. 227. – С. 189-201.
84. Письма М.П. Погодина к М.А. Максимовичу. С пояснениями С.И. Пономарева. – СПб.: Типография Академии наук, 1882. – 143 с.
85. Погодин, М.П. Мое представление историографу (Отрывок из записок) / М.П. Погодин // Русский архив. – 1866. – № 11-12. – Стб. 1766-1770.
86. Пятидесятилетие гражданской и ученой службы М.П. Погодина (1821–1871). – М.: Университетская типография, 1872. – 150 с.
87. Самарин, Ю.Ф. Из воспоминаний об университете 1834–1838 г. / Ю.Ф. Самарин // Русь. – 1880. – № 1. – С. 18-19.
88. Смирнов, М.П. Воспоминание о М.П. Погодине / М.П. Смирнов // Исторический вестник. – 1885. – Т. XX. – С. 424-437.
89. Соловьев, С.М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других / С.М. Соловьев // Он же. Сочинения в XVIII кн. Кн. XVIII. Работы разных лет / Отв. ред. И.Д. Ковальченко. – М.: Мысль, 1995. – С. 529-660.

Источники по истории Древней Руси

90. Герберштейн, С. Записки о Московии / С. Герберштейн. – М.: Издательство МГУ, 1988. – 430 с.
91. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Учебное пособие для студентов вузов / Под ред. Е.А. Мельниковой. – М.: Логос, 1999. – 608 с.
92. Летопись по Лаврентьевскому списку. 3-е изд. – СПб.: Археографическая комиссия, 1897. – 630 с.

ИССЛЕДОВАНИЯ

93. Аксаков, К.С. Замечания на статью г. Соловьева: «Шлецер и антиисторическое направление» / К.С. Аксаков // Он же. Полное собрание сочинений. Т. I / Под ред. И.С. Аксакова. – М.: Типография П. Бахметева, 1861. – С. 173-213.
94. Аксаков, К.С. О древнем быте славян вообще и русских в особенности / К.С. Аксаков // Он же. Полное собрание сочинений. Т. I / Под ред. И.С. Аксакова. – М.: Типография П. Бахметева, 1861. – С. 59-124.
95. Аксаков, К.С. О русской истории / К.С. Аксаков // Он же. Государство и народ. – М.: Институт русской цивилизации, 2009. – С. 312-320.
96. Аксаков, К.С. Об основных началах русской истории / К.С. Аксаков // Он же. Государство и народ. – М.: Институт русской цивилизации, 2009. – С. 298-312.
97. Аксаков, К.С. По поводу той же статьи г. Соловьева / К.С. Аксаков // Он же. Полное собрание сочинений. Т. I / Под ред. И.С. Аксакова. – М.: Типография П. Бахметева, 1861. – С. 214-216.
98. Аксаков, К.С. Родовое или общественное явление был изгой / К.С. Аксаков // Он же. Полное собрание сочинений. Т. I / Под ред. И.С. Аксакова. – М.: Типография П. Бахметева, 1861. – С. 27-38.
99. Александров, А.А. Псковские сопки (историографические, исторические и топонимические комментарии к археологической карте) / А.А. Александров // Труды VI Конгресса славянской археологии. Т. 4. – М.: Эдиториал УРСС, 1998. – С. 144-153.
100. Александров, А.В. Современные исторические труды в России: М.Т. Каченовского, М.П. Погодина, Н.Г. Устрялова, Н.А. Полевого, Ф.В. Булгарина, Ф.Л. Морошкина, М.Н. Макарова, А.Ф. Вельтмана, В.В. Игнатовича, П.Г. Буткова, Н.В. Савельева и А.Д. Черткова / А.В. Александров. – СПб.: Типография Штаба отдельного корпуса внутренней стражи, 1845. – 155 с.
101. Алпатов, М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX века) / М.А. Алпатов. – М.: Наука, 1985. – 272 с.

102. Астахов, В.И. Курс лекций по русской историографии. Ч. 1 (до середины XIX века) / В.И. Астахов. – Харьков: Издательство Харьковского университета, 1959. – 285 с.
103. Байер, Г.З. О варягах / Г.З. Байер // Фомин В.В. Ломоносов. Гений русской истории. – М.: Русская панорама, 2006. – С. 344-362.
104. Беляев, И.Д. Исследования, замечания и лекции М. Погодина о русской истории (Москва. 1846 года; три тома) / И.Д. Беляев // Москвитянин. – 1846. – Ч. VIII. – С. 168-197.
105. Беляев, И.Д. Исследования, замечания и лекции о русской истории М. Погодина. Т. V. М., 1857 / И.Д. Беляев // Русская беседа. – 1858. – № I. – С. 28-45.
106. Бестужев-Рюмин, К.Н. Биографии и характеристики / К.Н. Бестужев-Рюмин. – СПб.: Типография В.С. Балашева, 1882. – 364 с.
107. Бестужев-Рюмин, К.Н. М.П. Погодин / К.Н. Бестужев-Рюмин // Славянское обозрение. – 1892. – № 1. – С. 42-50.
108. Бестужев-Рюмин, К.Н. Современное состояние русской истории как науки / К.Н. Бестужев-Рюмин // Московское обозрение. – 1859. – Кн. 1. – С. 1-132.
109. Браун, Ф.А. Варяги на Руси / Ф.А. Браун // Беседа. – 1925. – № 6-7. – С. 300-338.
110. Браун, Ф.А. Варяжский вопрос / Ф.А. Браун // Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. Va. – СПб.: Типография И.А. Ефрона, 1892. – С. 570-573.
111. Браун, Ф.А. Русь (происхождение имени) / Ф.А. Браун // Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. XXVII. – СПб.: Типография акционерного общества «Издательское дело, бывшее Брокгауз–Ефрон», 1899. – С. 366-367.
112. Бурачек, С.А. История государства Российского Н.М. Карамзина. История русского народа. Сочинение Н. Полевого / С.А. Бурачек // Маяк. – 1842. – № 9-10. – С. 55-155.

113. Бычков, А.Ф. Исследования, замечания и лекции, М. Погодина, о русской истории / А.Ф. Бычков // Журнал Министерства народного просвещения. – 1847. – Ч. 53. – С. 22-48.
114. Венелин, Ю.И. [О происхождении славян вообще и россов в особенности] / Ю.И. Венелин // Сборник Русского исторического общества. – 2003. – Т. 8 (156). – С. 21-82.
115. Венелин, Ю.И. Скандинавомания и ее поклонники, или столетние изыскания о варягах / Ю.И. Венелин. – М.: Типография Августа Семена, 1842. – 114 с.
116. Вернадский, Г.В. Древняя Русь / Г.В. Вернадский. – Тверь: ЛЕАН – М.: АГРАФ, 1996. – 448 с.
117. Виттекер, Ц.Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время / Ц.Х. Виттекер. – СПб.: Академический проект, 1999. – 350 с.
118. Вовина-Лебедева, В.Г. История Древней Руси: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования / В.Г. Вовина-Лебедева. – М.: Академия, 2011. – 256 с.
119. Войтович, Л.В. Викинги в Центрально-Восточной Европе: загадка Ладогги и Плиснеска (II) / Л.В. Войтович // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и Филология. – 2012. – Вып. 1. – С. 3-11.
120. Гедеонов, С.А. Варяги и Русь / С.А. Гедеонов / Автор предисловия, комментариев, биографического очерка В.В. Фомин. 2-е изд. – М.: Русская панорама, 2004. – 656 с.
121. Гедеонов, С.А. Отрывки из исследований о варяжском вопросе / С.А. Гедеонов // Записки императорской Академии наук. – 1862–1863. – Т. I-III. – Приложение № 3. – С. 1-120, 128-206, 241-273.
122. Голубинский, Е.Е. История русской церкви / Е.Е. Голубинский. Т. I. Ч. I. – М.: Типография Э. Лисснер и Ю. Роман, 1880. – 817 с.
123. Греков, Б.Д. Киевская Русь / Б.Д. Греков. – М.–Л.: Издательство АН СССР, 1939. – 347 с.

124. Григорьев, В.В. О древних походах руссов на Восток / В.В. Григорьев // Журнал Министерства народного просвещения. – 1835. – Ч. 5. – С. 229-287.
125. Грот, Л.П. Имена летописных князей и корни древнерусского института княжеской власти / Л.П. Грот // Варяги и Русь. Сб. статей и монографий / Составитель и ред. В.В. Фомин. – М.: Русская панорама, 2015. – С. 245-500.
126. Грот, Л.П. Мифологические и реальные шведы на севере России: взгляд из шведской истории / Л.П. Грот // Сборник Русского исторического общества. – 2003. – Т. 8 (156). – С. 178-183.
127. Грот, Л.П. О Рослагене на дне морском и о варягах не из Скандинавии / Л.П. Грот // Слово о Ломоносове / Составит. и ред. В.В. Фомин. – М.: Русская панорама, 2012. – С. 311-553.
128. Грот, Л.П. Призвание варягов. Норманская лжетеория и правда о князе Рюрикe / Л.П. Грот. – М.: Алгоритм, 2012. – 368 с.
129. Джонс, Г. Викинги. Потомки Одина и Тора / Г. Джонс. – М.: Центрполиграф, 2007. – 472 с.
130. Добролюбов, Н.А. Норманский период русской истории. Сочинение М. Погодина / Н.А. Добролюбов // Современник. – 1860. – Т. LXXIX. – С. 104-108.
131. Дойков, Ю.В. Самые знаменитые историки России / Ю.В. Дойков. – М.: Вече, 2004. – 381 с.
132. Дурновцев, В.И. Разъяснить явления русской жизни из нее самой: Михаил Петрович Погодин / В.И. Дурновцев, А.Н. Бачинин // Историки России XVIII – начала XX века. – М.: Скрипториум, 1996. – С. 194-214.
133. Дьяков, В.А. Ученая дуэль М.П. Погодина с Н.И. Костомаровым (О публичном диспуте по норманскому вопросу 19 марта 1860 года) / В.А. Дьяков // Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы / Отв. ред. В.А. Дьяков. – М.: Наука, 1986. – С. 40-56.
134. Забелин, И.Е. История русской жизни с древнейших времен / И.Е. Забелин. Ч. 1. – М.: Типография В.Е. Грачева, 1876. – 657 с.

135. Загоскин, Н.П. История права русского народа. Лекции и исследования по истории русского права / Н.П. Загоскин. Т. I. – Казань: Типография императорского университета, 1899. – 532 с.
136. Земец, И. [Забелин, И.Е.]. Исследования, замечания и лекции о русской истории М. Погодина. Т. V / И. Земец [И.Е. Забелин] // Атеней. – 1858. – № 22. – 345-377.
137. Зиновьев, А.З. О начале, ходе и успехах критической российской истории / А.З. Зиновьев. – М.: Университетская типография, 1827. – 72 с.
138. Иванников, Д.А. Варяжский вопрос в трудах М.П. Погодина / Д.А. Иванников // Восток-Запад. Диалог культур и цивилизаций: Материалы второй межвузовской научной конференции молодых ученых, посвященной 40-летию Российского университета дружбы народов и Международному году культуры и мира. – М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 2000. – С. 33-39.
139. Иванников, Д.А. Общественно-политические взгляды и деятельность М.П. Погодина. Автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.02 / Д.А. Иванников. – М., 2005. – 25 с.
140. Иконников, В.С. Скептическая школа в русской историографии и ее противники / В.С. Иконников. – Киев: Типография Киевского университета, 1871. – 108 с.
141. Иллерицкий, В.Е. Сергей Михайлович Соловьев / В.Е. Иллерицкий. – М.: Наука, 1980. – 193 с.
142. Иловайский, Д.И. Еще о норманизме / Д.И. Иловайский // Он же. Начало Руси. М.: Олимп: Аст, 2002. – С. 99-192.
143. Историография истории России. Учебное пособие для бакалавров / Под ред. А.А. Чернобаева. 2-е изд. – М.: Юрайт, 2015. – 552 с.
144. Историография истории СССР. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / Под ред. В.Е. Иллерицкого, А.И. Кудрявцева. – М.: Высшая школа, 1961. – 460 с.

145. То же. 2-е изд. / Под ред. В.Е. Иллерицкого, А.И. Кудрявцева. – М.: Высшая школа, 1971. – 458 с.
146. История Швеции. – М.: Наука, 1974. – 719 с.
147. Кавелин, К.Д. Быт русского народа. Соч. А. Терещенки. СПб., 1848 / К.Д. Кавелин // Он же. Собрание сочинений. Т. IV. Этнография и правоведение / Под ред. Л.З. Слонимского, Д.А. Корсакова. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1900. – Стб. 5-166.
148. Кавелин, К.Д. Взгляд на юридический быт Древней России / К.Д. Кавелин // Он же. Собрание сочинений. Т. I. Монографии по русской истории / Под ред. Л.З. Слонимского, Д.А. Корсакова. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1897. – Стб. 5-66.
149. Кавелин, К.Д. Исследования С.М. Соловьева. История России с древнейших времен. Т. 1 / К.Д. Кавелин // Он же. Собрание сочинений. Т. I. Монографии по русской истории / Под ред. Л.З. Слонимского, Д.А. Корсакова. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1897. – Стб. 413-508.
150. Кавелин, К.Д. Исторические труды М.П. Погодина / К.Д. Кавелин // Он же. Собрание сочинений. Т. I. Монографии по русской истории / Под ред. Л.З. Слонимского, Д.А. Корсакова. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1897. – Стб. 95-252.
151. Калачов, Н.В. О значении изгоев и состоянии изгойства в Древней Руси / Н.В. Калачов // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Кн. I. – М.: Типография Александра Семена, 1850. – С. 35-72.
152. Кан, А.С. Швеция и Россия в прошлом и настоящем / А.С. Кан. М.: Российский государственный гуманитарный институт, 1999. – 359 с.
153. Карамзин, Н.М. История государства Российского / Н.М. Карамзин. Т. I – М.: Наука, 1989. – 643 с.
154. Каченовский, М.Т. О баснословном времени в российской истории / М.Т. Каченовский // Ученые записки Московского университета. – 1833. – № 2-3. – С. 273-298.

155. Киреева, Р.А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX века до 1917 года / Р.А. Киреева. – М.: Наука, 1983. – 213 с.
156. Киреевский, И.В. В ответ А.С. Хомякову / И.В. Киреевский // Он же. Полное собрание сочинений в двух томах. Т. I / Под ред. М.О. Гершензона. – М.: Университетская типография, 1911. – С. 109-120.
157. Киреевский, И.В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России. (Письмо к гр. Е.Е. Комаровскому) / И.В. Киреевский // Он же. Полное собрание сочинений в двух томах. Т. I / Под ред. М.О. Гершензона. – М.: Университетская типография, 1911. – С. 174-222.
158. Киреевский, П.В. О древней русской истории (письмо к М.П. Погодину) / П.В. Киреевский // Москвитянин. – 1845. – Ч. III. – С. 11-46.
159. Кирпичников, А.Н. Сказание о призвании варягов. Легенды и действительность / А.Н. Кирпичников // Викинги и славяне. Ученые, политики, дипломаты о русско-скандинавских отношениях. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. – С. 32-54.
160. Кирпичников, А.Н. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) / А.Н. Кирпичников, И.В. Дубов, Г.С. Лебедев // Славяне и скандинавы. – М.: Прогресс, 1986. – С. 189-297.
161. Китаев, В.А. От фронды к охранительству. Из истории русской либеральной мысли 50–60-х годов XIX века / В.А. Китаев. – М.: Мысль, 1972. – 288 с.
162. Клейн, Л.С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества / Л.С. Клейн. – СПб.: Евразия, 2004. – 480 с.
163. Клейн, Л.С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон / Л.С. Клейн. – СПб.: Евразия, 2009. – 400 с.
164. Ключевский, В.О. Лекции по русской историографии / В.О. Ключевский // Он же. Сочинения в восьми томах. Т. VIII. – М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959. – С. 396-452.

165. Ключевский, В.О. М.П. Погодин / В.О. Ключевский // Он же. Неопубликованные произведения / Отв. ред. М.В. Нечкина. – М.: Наука, 1983. – С. 138-152.
166. Ключевский, В.О. Наброски по варяжскому вопросу / В.О. Ключевский // Он же. Неопубликованные произведения / Отв. ред. М.В. Нечкина. – М.: Наука, 1983. – С. 113-123.
167. Ключевский, В.О. Рецензия на книгу М.П. Погодина «Древняя русская история до монгольского ига» / В.О. Ключевский // Он же. Сочинения в девяти томах. Т. VII. Специальные курсы / Под ред. В.Л. Янина. – М.: Мысль, 1989. – С. 280-291.
168. Комментарии / А.Г. Бобров, С.Л. Николаев, А.Ю. Чернов и др. // Повесть временных лет / Пер. с древнерусского Д.С. Лихачева, О.В. Творогова. – СПб.: ВИТА НОВА, 2012. – С. 183-382.
169. Корсаков, Д.А. Погодин М.П. / Д.А. Корсаков // Русский биографический словарь / А.А. Половцов. Т. XIV. – СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1905. – С. 154-166.
170. Костомаров, Н.И. О начале руси / Н.И. Костомаров // Современник. – 1860. – Т. LXXIX. – С. 5-32.
171. Костомаров, Н.И. Последнее слово г. Погодину о жмудском происхождении первых русских князей / Н.И. Костомаров // Современник. – 1860. – Т. LXXXI. – С. 73-83.
172. Коялович, М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям / М.О. Коялович. 4-е изд. – Минск: Лучи Софии, 1997. – 687 с.
173. Кузьмин, А.Г. История России с древнейших времен до 1618 года / А.Г. Кузьмин. Кн. 1 / Под общ. ред. А.Ф. Киселева. – М.: ВЛАДОС, 2004. – 450 с.
174. Кузьмин, А.Г. Начало Руси. Тайны рождения русского народа / А.Г. Кузьмин. – М.: Вече, 2003. – 425 с.
175. Кузьмин, А.Г. Об этнической природе варягов (к постановке проблемы) / А.Г. Кузьмин // Вопросы истории. – 1974. – № 11. – С. 54-83.

176. Куник, А.А. Дополнения / А.А. Куник // Дорн Б. Каспий // Записки императорской Академии наук – 1875. – Т. XXVI. – Приложение № 1. – С. 357-462.
177. Куник, А.А. Замечания / А.А. Куник // Записки императорской Академии наук. – 1864. – Т. VI. – Приложение № 2. – С. 53-84.
178. Куник, А.А. Замечания к «Отрывкам из исследований о варяжском вопросе С. Гедеонова» / А.А. Куник // Записки императорской Академии наук. – 1862. – Т. I-II. – Приложение № 3. – С. 121-127, 207-239.
179. Куник, А.А. Замечания (По поводу критики г. Фортинского) / А.А. Куник. – СПб.: Типография Академии наук, 1878. – 14 с.
180. Куник, А.А. Предисловие к «Отрывкам из исследований о варяжском вопросе С. Гедеонова» / А.А. Куник // Записки императорской Академии наук. – 1862. – Т. I. – Приложение № 3. – С. III-VI.
181. Ламанский, В.И. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании / В.И. Ламанский. – СПб.: Типография Академии наук, 1859. – 611 с.
182. Ламбин, Н.И. Источник летописного сказания о происхождении руси / Н.И. Ламбин // Журнал Министерства народного просвещения. – 1874. – Ч. 173. – С. 225-299.
183. Лебедев, Г.С. Этнографические сведения арабских авторов о славянах и руси / Г.С. Лебедев // Из истории феодальной России. – Л.: Издательство Ленинградского государственного университета, 1978. – С. 21-24.
184. Лихачев, Д.С. Нельзя уйти от самих себя... Историческое самосознание и культура России / Д.С. Лихачев // Новый мир. – 1994. – № 6. – С. 113-120.
185. Лихачев, Д.С. Россия никогда не была Востоком (об исторических закономерностях и национальном своеобразии: Евразия или Скандославия?) / Д.С. Лихачев // Он же. Раздумья о России. – СПб.: Logos, 2001. – С. 35-50.
186. Ловмянский, Х. Русь и норманны / Х. Ловмянский. М.: Прогресс, 1985. – 304 с.

187. Ломоносов, М.В. Замечания на диссертацию Г.Ф. Миллера «О происхождении имени и народа российского» / М.В. Ломоносов // Фомин В.В. Ломоносов. Гений русской истории. – М.: Русская панорама, 2006. – С. 399-440.
188. Лукошков, А.В. Истоки и закономерности развития древнерусского судостроения / А.В. Лукошков // Скандинавомания и ее небылицы о русской истории. Сб. статей и монографий / Составитель и ред. В.В. Фомин. – М.: Русская панорама, 2015. – С. 359-478.
189. Макарихин, В.П. Курс лекций по отечественной историографии. Досоветский период / В.П. Макарихин. – Н. Новгород: Издательство Нижегородского государственного университета, 2001. – 148 с.
190. Максимович, К.А. Происхождение этнонима Русь в свете исторической лингвистики и древнейших письменных источников / К.А. Максимович // Юбилейный сборник в честь 60-летия проф. И.С. Чичурова. М.: Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2006. – С. 14-56.
191. Максимович, М.А. Откуда идет Русская земля, по сказанию Несторовой повести и по другим старинным писаниям русским / М.А. Максимович // Он же. Собрание сочинений. Т. I. – Киев: Типография М.П. Фрица, 1876. – С. 5-92.
192. Максимович, М.А. Письмо к издателю / М.А. Максимович // Москвитянин. – 1841. – Ч. III. – С. 199-205.
193. Мачинский, Д.А. Ладога / *Aldeigja*: религиозно-мифологическое сознание и историко-археологическая реальность (VIII–XII вв.) / Д.А. Мачинский // Ладога и религиозное сознание. Третьи чтения памяти А. Мачинской. – СПб.: Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник, 1997. – С. 156-167.
194. Мачинский, Д.А. Некоторые предпосылки, движущие силы и исторический контекст сложения русского государства в середине VIII – середине XI в. / Д.А. Мачинский // Труды Государственного Эрмитажа. – 2009. – Т. XLIX. – С. 460-538.

195. Мачинский, Д.А. О месте Северной Руси в процессе сложения Древнерусского государства и европейской культурной общности / Д.А. Мачинский // Археологическое исследование Новгородской земли. – Л.: Издательство Ленинградского государственного университета, 1984. – С. 5-25.
196. Мельникова, Е.А. Зарубежные источники по истории Руси как предмет исследования / Е.А. Мельникова // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Учебное пособие для студентов вузов / Под ред. Е.А. Мельниковой. – М.: Логос, 1999. – С. 3-19.
197. Мельникова, Е.А. Олгъ / Ольгъ / Олегъ Вещий: К истории имени и прозвища первого русского князя / Е.А. Мельникова // У источника: Сборник статей в честь С.М. Каштанова. – М.: Наука, 2005. – С. 138-146.
198. Мельникова, Е.А. Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий / Е.А. Мельникова. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – 498 с.
199. Миллер, Г.Ф. Краткое известие о начале Новагорода и о происхождении российского народа, о новгородских князьях и знатнейших онаго города случаях / Г.Ф. Миллер // Он же. Избранные труды. – М.: Московские учебники и Картолитография, Янус-К, 2007. – С. 100-157.
200. Миллер, Г.Ф. О народах издревле в России обитавших / Г.Ф. Миллер // Он же. Избранные труды. – М.: Московские учебники и Картолитография, Янус-К, 2007. – С. 57-99.
201. Миллюков, П.Н. Главные течения русской исторической мысли / П.Н. Миллюков. Т. 1. – М.: Типография товарищества И.Н. Кушнерев и К^о, 1898. – 419 с.
202. Можяева, Г.В. М.П. Погодин / Г.В. Можяева // Историки России XVIII–XX веков. Вып. 1 / Сост. и отв. ред. А.А. Чернобаев. – М.: [б. и.], 1995. – С. 95-105.
203. Можяева, Г.В. Погодин М.П. / Г.В. Можяева // Историки России. Биографии / Составитель и отв. ред. А.А. Чернобаев. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2001. – С. 136-145.

204. Морошкин, Ф.Л. Историко-критические исследования о руссах и славянах / Ф.Л. Морошкин. – СПб.: Типография К. Вингебера, 1842. – 174 с.
205. Морошкин, Ф.Л. О значении имени руссов и славян / Ф.Л. Морошкин. – М.: Университетская типография, 1840. – 75 с.
206. Мошин, В.А. Варяго-русский вопрос / В.А. Мошин // Варяго-русский вопрос в историографии / Составит. и ред. В.В. Фомин. – М.: Русская панорама, 2010. – С. 11-95.
207. Надеждин, Н.И. О важности исторических и археологических исследований Новороссийского края, преимущественно в отношении к истории и древностям русским / Н.И. Надеждин // Торжественное собрание Одесского общества любителей истории и древностей 4 февраля 1840 года. – Одесса: Городская типография, 1840. – С. 25-58.
208. Назаренко, А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. / А.В. Назаренко. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 780 с.
209. Назаренко, А.В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков (тексты, перевод, комментарий) / А.В. Назаренко. – М.: Наука, 1993. – 242 с.
210. Наумова, Г.Р. Историография истории России / Г.Р. Наумова, А.Е. Шикло. – М.: Академия, 2007. – 472 с.
211. То же. 2-е изд. – М.: Академия, 2009. – 480 с.
212. То же. 3-е изд. – М.: Академия, 2011. – 480 с.
213. Наумова, Г.Р. История исторической науки. Историография истории России. Ч. 1. Учебник для академического бакалавриата / Г.Р. Наумова. – М.: Юрайт, 2017. – 237 с.
214. Николаев, С.Л. Семь ответов на варяжский вопрос / С.Л. Николаев // Повесть временных лет / Пер. с древнерусского Д.С. Лихачева, О.В. Творогова. – СПб.: ВИТА НОВА, 2012. – С. 398-430.
215. Носов, Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище / Е.Н. Носов. – Л.: Наука, 1990. – 216 с.

216. Носов, Е.Н. У истоков Новгорода / Е.Н. Носов // Славянский средневековый город. Труды VI Конгресса славянской археологии. Т. 2. – М.: Эдиториал УРСС, 1997. – С. 272-285.
217. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1 / Под ред. М.Н. Тихомирова, М.А. Алпатов, А.Л. Сидорова. – М.: Издательство АН СССР, 1955. – 692 с.
218. Павленко, Н.И. Михаил Погодин / Н.И. Павленко. – М.: Памятники исторической мысли, 2003. – 360 с.
219. Первольф, И.И. Варяги-русь и балтийские славяне / И.И. Первольф // Журнал Министерства народного просвещения. – 1877. – Ч. 192. – С. 37-97.
220. Петров, Ф.А. М.П. Погодин и создание кафедры российской истории в Московском университете / Ф.А. Петров. – М.: Московские учебники и Картолиитография, 1995. – 157 с.
221. Петрухин, В.Я. Древняя Русь: Народ. Князь. Религия / В.Я. Петрухин // Из истории русской культуры. Т. I (Древняя Русь). – М.: Языки русской культуры, 2000. – С.13-401.
222. Петрухин, В.Я. Комментарии / В.Я. Петрухин // Ловмянский Х. Русь и норманны. – М.: Прогресс, 1985. – С. 246-290.
223. Петрухин, В.Я. Мифы древней Скандинавии / В.Я. Петрухин. – М.: Астрель: АСТ, 2010. – 464 с.
224. Пичета, В.И. Введение в русскую историю / В.И. Пичета. – М.: Госиздат., 1922. – 208 с.
225. Плеханов, Г.В. М.П. Погодин и борьба классов / Г.В. Плеханов // Он же. Сочинения. Т. XXIII / Под ред. Д.Б. Рязанова. – М.–Л.: Госиздат., 1926. – С. 45-101.
226. Полевой, Н.А. История русского народа / Н.А. Полевой. Т. I. – М.: Вече, 1997. – 636 с.
227. Покровский, М.Н. М.П. Погодин / М.Н. Покровский // Он же. Историческая наука и борьба классов. Вып. 2. – М.–Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1933. – С. 44-47.

228. Полиевктов, М.А. Погодин М.П. / М.А. Полиевктов // Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. XXIV. – СПб.: Типография И.А. Ефрона, 1898. – С. 31-33.
229. Почивалова, А.В. Историческая концепция М.П. Погодина. Автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.09 / А.В. Почивалова. – Казань, 2010. – 24 с.
230. Пыпин, А.Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. Исторические очерки / А.Н. Пыпин. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1873. – 520 с.
231. Розенкампф, Г.А. Обзорение Кормчей книги в историческом виде / Г.А. Розенкампф. 2-е изд. – СПб.: Типография Академии наук, 1839. – 752 с.
232. Розенкампф, Г.А. Объяснение некоторых мест в Нестеровой летописи / Г.А. Розенкампф. – СПб.: Типография Карла Крайя, 1827. – 24 с.
233. Розанов, В.В. Культурная хроника русского общества и литературы за XIX век. Ник. Барсуков. Жизнь и труды М. Погодина. Книга первая – девятая. СПб., 1888-1895 / В.В. Розанов // Он же. Религия. Философия. Культура / Сост. и вступ. статья А.Н. Николукина. – М.: Республика, 1992. – С. 71-90.
234. Романчук, А.А. Варяго-русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны / А.А. Романчук // *Stratum plus*. – 2013. – № 5. – С. 283-299.
235. Рубинштейн, Н.Л. Русская историография / Н.Л. Рубинштейн. – М.: Госполитиздат., 1941. – 642 с.
236. Рябинин, Е.А. Любшанское городище в Нижнем Поволховье (предварительное сообщение) / Е.А. Рябинин, А.В. Дубашинский // *Ладога и ее соседи в эпоху средневековья*. – СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 2002. – С. 196-203.
237. Савельев-Ростиславич, Н.В. Варяжская русь по Нестору и чужеземным писателям / Н.В. Савельев-Ростиславич // *Журнал Министерства народного просвещения*. – 1845. – Ч. 48. – С. 1-64.
238. Савельев-Ростиславич, Н.В. Славянский сборник / Н.В. Савельев-Ростиславич. – СПб.: Типография К. Вингебера, 1845. – 532 с.

239. Сабинин, С. О происхождении наименований боярин и болярин / С. Сабинин // Журнал Министерства народного просвещения. – 1837. – Ч. 16. – С. 42-85.
240. Сабинин, С. Волос, языческое божество славяно-русов, сравненное с Одним скандинавов / С. Сабинин // Журнал Министерства народного просвещения. – 1843. – Ч. 40. – С. 17-52.
241. Самарин, Ю.Ф. Два слова о народности в науке / Ю.Ф. Самарин // Он же. Православие и народность. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. – С. 427-439.
242. Сахаров, А.М. Историография истории СССР. Досоветский период / А.М. Сахаров. – М.: Высшая школа, 1978. – 256 с.
243. Седов, В.В. Изборск – протогород / В.В. Седов. – М.: Институт археологии РАН, 2002. – 95 с.
244. Седов, В.В. Происхождение и ранняя история славян / В.В. Седов. М.: Наука, 1979. – 158 с.
245. Сенковский, О.И. Скандинавские саги / О.И. Сенковский // Библиотека для чтения. – 1834. – Т. I. – С. 1-77.
246. Сенковский, О.И. Эймундова сага / О.И. Сенковский // Библиотека для чтения. – 1834. – Т. II. – С. 1-71.
247. Симпсон, Ж. Викинги. Быт, религия, культура / Ж. Симпсон. – М.: Центрполиграф, 2005. – 239 с.
248. Скрынников, Р.Г. Войны Древней Руси / Р.Г. Скрынников // Вопросы истории. – 1995. – № 11-12. – С. 24-38.
249. Скрынников, Р.Г. Русь IX–XVII века / Р.Г. Скрынников. – СПб.: Питер, 1999. – 341 с.
250. Соьер, П. Эпоха викингов / П. Соьер. – СПб.: Евразия, 2002. – 352 с.
251. Соколов, С.В. Концепции происхождения «варяжской руси» в отечественной историографии XVIII–XIX вв. Автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.09 / С.В. Соколов. – Екатеринбург, 2011. – 30 с.

252. Соколов, С.В. Концепции происхождения «варяжской руси» в отечественной историографии XVIII–XIX вв. в контексте европейских идей раннего нового времени / С.В. Соколов. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2015. – 316 с.
253. Соловьев, С.М. История России с древнейших времен. Т. 1-2 / С.М. Соловьев // Он же. Сочинения в XVIII кн. Кн. I / Отв. ред. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. – М.: Мысль, 1988. – 800 с.
254. Соловьев, С.М. Каченовский Михаил Трофимович / С.М. Соловьев // Он же. Сочинения в XVIII кн. Кн. XXIII. – М.: Мысль, 2000. – С. 69-83.
255. Соловьев, С.М. Очерк нравов, обычаев и религии славян, преимущественно восточных, во времена языческие / С.М. Соловьев // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России / Н.В. Калачов. Кн. I. – М.: Типография Александра Семена, 1850. – С. 1-34.
256. Соловьев, С.М. Шлецер и антиисторическое направление / С.М. Соловьев // Русский вестник. – 1857. – Т. 8. – С. 431-508.
257. Срезневский, И.И. Мысли об истории русского языка / И.И. Срезневский. – СПб.: Типография военно-учебных заведений, 1850. – 210 с.
258. Томсен, В. Начало Русского государства / В. Томсен. – М.: Университетская типография, 1891. – 135 с.
259. Трубачев, О.Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси / О.Н. Трубачев. – М.: Наука, 1997. – 284 с.
260. Умбрашко, К.Б. Век полемик миновал. Научные споры М.П. Погодина / К.Б. Умбрашко // КЛИО. – 2001. – № 3 (15). – С. 28-37.
261. Умбрашко, К.Б. Историографические практики XVIII – начала XXI вв. Учебное пособие / К.Б. Умбрашко. – Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2013. – 245 с.
262. Умбрашко, К.Б. Историография. Отечественная история. Учебно-методический комплекс / К.Б. Умбрашко. – Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2014. – 270 с.

263. Умбрашко, К.Б. Историография отечественной истории. Ч. 1. Средневековье – первая половина XIX в. Учебно-методическое пособие / К.Б. Умбрашко. – Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2008. – 279 с.
264. Умбрашко, К.Б. М.П. Погодин: Человек. Историк. Публицист. Автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.09 / К.Б. Умбрашко. – М., 1995. – 18 с.
265. Умбрашко, К.Б. М.П. Погодин. Человек. Историк. Публицист / К.Б. Умбрашко. – М.: Институт российской истории, 1999. – 293 с.
266. Умбрашко, К.Б. Poleмики русских историков XIX века как коммуникативные события / К.Б. Умбрашко // Мир историка: идеалы, традиции, творчество. К 50-летию В.П. Корзун. – Омск: Омский государственный университет, 1999. – С. 21-43.
267. Умбрашко, К.Б. «Скептическая школа» в исторической науке России первой половины XIX века. Т. 1 / К.Б. Умбрашко. – М.: Институт российской истории, 2006. – 353 с.
268. То же. Т. 2. – М.: Институт российской истории, 2006. – 493 с.
269. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. Т. III. – М.: Прогресс, 1987. – 830 с.
270. Федотов, А.Ф. О главнейших трудах по части критической русской истории / А.Ф. Федотов. – М.: Университетская типография, 1839. – 112 с.
271. Фомин, В.В. Варяги и варяжская русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу / В.В. Фомин. – М.: Русская панорама, 2005. – 488 с.
272. Фомин, В.В. Варяги и Русь / В.В. Фомин // Варяги и Русь. Сб. статей и монографий / Составитель и ред. В.В. Фомин. – М.: Русская панорама, 2015. – С. 7-112.
273. Фомин, В.В. Варяго-русский вопрос и некоторые аспекты его историографии / В.В. Фомин // Изгнание норманнов из русской истории / Составит. и ред. В.В. Фомин. – М.: Русская панорама, 2010. – С. 339-511.
274. Фомин, В.В. Голый конунг. Норманизм как диагноз / В.В. Фомин. – М.: Алгоритм, 2013. – 320 с.

275. Фомин, В.В. Древнерусские летописи как исторический источник / В.В. Фомин // В поисках истины: ученый и его школа. – М.: Прометей, 2012. – С. 153-202.
276. Фомин, В.В. Ломоносов. Гений русской истории / В.В. Фомин. – М.: Русская панорама, 2006. – 464 с.
277. Фомин, В.В. Ломоносовофобия российских норманистов / В.В. Фомин // Варяго-русский вопрос в историографии / Составит. и ред. В.В. Фомин. – М.: Русская панорама, 2010. – С. 203-521.
278. Фомин, В.В. Начальная история Руси / В.В. Фомин. – М.: Русская панорама, 2008. – 296 с.
279. Фомин, В.В. Начальная история русского летописания в дореволюционной и советской историографии / В.В. Фомин // Вехи минувшего. Ученые записки исторического факультета. Вып. 5. – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет, 2009. – С. 26-61.
280. Фомин, В.В. Норманская проблема / В.В. Фомин // В поисках истины: ученый и его школа. – М.: Прометей, 2012. – С. 203-256.
281. Фомин, В.В. Скандинавомания или небылицы о шведской Руси / В.В. Фомин // Сборник Русского исторического общества. – 2002. – Т. 5 (153). – С. 230-257.
282. Фомин, В.В. Фальсификации современного норманизма / В.В. Фомин // Российская государственность в лицах и судьбах ее создателей: IX–XXI века. Материалы областной научно-практической конференции по проблемам гуманитарных наук. Липецк, 17-18 мая 2013 года. – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет, 2013. – С. 265-283.
283. Хлевов, А.А. Норманская проблема в свете археологических источников. Автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.06 / А.А. Хлевов. – СПб., 1994. – 22 с.
284. Хлевов, А.А. Норманская проблема в отечественной исторической науке / А.А. Хлевов. – СПб.: Издательство СПбГУ, 1997. – 108 с.

285. Хомяков, А.С. По поводу статьи И.В. Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» / А.С. Хомяков // Он же. Полное собрание сочинений. 3-е изд. Т. I. – М.: Университетская типография, 1900. – С. 197-260.
286. Хомяков, Д.А. Православие. Самодержавие. Народность / Д.А. Хомяков / Составление, вступ. ст., примечания, именной словарь А.Д. Каплина / Отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 576 с.
287. Цамутали, А.Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века / А.Н. Цамутали. – Л.: Наука, 1977. – 256 с.
288. Цимбаев, Н.И. Сергей Соловьев / Н.И. Цимбаев. – М.: Молодая гвардия, 1990. – 366 с.
289. Цимбаев, Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века / Н.И. Цимбаев. – М.: Издательство МГУ, 1986. – 272 с.
290. Черепнин, Л.В. С.М. Соловьев как историк / Л.В. Черепнин // Он же. Отечественные историки XVIII–XX веков. Сборник статей, выступлений, воспоминаний. – М.: Наука, 1984. – С. 9-44.
291. Чернышевский, Н.Г. Замечание на «Последнее слово г. Погодинову» г. Костомарова / Н.Г. Чернышевский // Современник. – 1860. – Т. LXXXI. – С. 84-88.
292. Чичерин, Б.Н. Современные задачи русской жизни / Б.Н. Чичерин // Голоса из России. Сборники А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Вып. 2. – М.: Наука, 1974. – С. 51-129.
293. Шапиро, А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 года. Учебное пособие / А.Л. Шапиро. 2-е изд. – М.: Культура, 1993. – 761 с.
294. Шаскольский, И.П. Вопрос о происхождении имени Русь в современной буржуазной науке / И.П. Шаскольский // Критика новейшей буржуазной историографии. Вып. 10. – Л.: Наука, 1967. – С. 128-176.
295. Шафарик, П.Й. Славянские древности / П.Й. Шафарик. Т. II. Кн. 1. – М.: Университетская типография, 1847. – 460 с.

296. Шикло, А.Е. Исторические взгляды Н.А. Полевого / А.Е. Шикло. – М.: Издательство МГУ, 1981. – 223 с.
297. Шикло, А.Е. Исторические концепции М.П. Погодина и Н.Г. Устрялова / А.Е. Шикло // Историография истории России до 1917 года. Т. 1 / Под ред. М.Ю. Лачаевой. – М.: ВЛАДОС, 2003. – С. 249-268.
298. Ширинянц, А.А. Русский хранитель. Политический консерватизм М.П. Погодина / А.А. Ширинянц. – М.: Русский мир, 2008. – 416 с.
299. Шлецер, А.Л. Нестор / А.Л. Шлецер. Ч. I. – СПб.: Императорская типография, 1809. – 706 с.
300. То же. Ч. II. – СПб.: Императорская типография, 1816. – 843 с.
301. Эверс, Г. Предварительные критические исследования для российской истории / Г. Эверс. Кн. I-II. – М.: Университетская типография, 1825–1826. – 366 с.